

Негосударственное образовательное учреждение организации высшего образования «Российская академия адвокатуры и нотариата»

На правах рукописи

Бадамшин Салават Курбангалиевич

Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Иванцов Сергей Вячеславович
доктор юридических наук,
профессор

Москва - 2018

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Уголовно-правовая характеристика преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	
§1. Уголовно-правовые особенности преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	24
§2. Объективные признаки составов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	63
§3. Субъективные признаки составов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	123
Глава II. Криминологическая характеристика преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	
§1. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	135
§2. Характеристика личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	156
Глава III. Проблемы совершенствования практики противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	
§1. Проблемы квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	167
§2. Специфика криминологического предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.....	194
Заключение.....	225
Список литературы.....	234
Приложения.....	260

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Преступления террористической направленности, являющиеся крайними проявлениями экстремизма, характеризуются повышенным уровнем общественной опасности и тенденциями к росту своего числа и расширению социальных последствий, а равно к усложнению причинного комплекса и механизма их осуществления, типичным элементом которого становится использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

В последние годы преступления террористической направленности характеризуются следующей динамикой: в 2013 г. в России было зарегистрировано 661 такое преступление (+3,8%), в 2014 г. – 1127 деяний данной группы (+70,5%), в 2015 г. – 1531 (+35,8%), в 2016 г. – 2227 (+44,8%), а в 2017 г. – 1871 деяние данной направленности (-14,4%)¹. В 2013 г. за преступления террористической направленности было осуждено 182 лица, в 2014 г. – 345 лиц (+89,6%), в 2015 г. – 350 лиц (+1,4%), в 2016 г. число таких осуждённых выросло до 523 (+49,4%). В частности, увеличилось число лиц, осуждённых за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: с 10 лиц в 2014 г. до 26 в 2015 г. и до 47 в 2016 г.² Ежегодный рост числа осуждённых за данное преступление, которому свойственно его совершение с использованием сети «Интернет», составил 160 % в 2015 г. и 80,77 % в 2016 г. В 2017 г. только за первое полугодие по ст. 205² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) было осуждено 39 лиц.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о необходимости повышения эффективности мер противодействия

¹ См.: Официальный сайт МВД России, раздел «Состояние преступности»: URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 05.02.2018).

² Здесь и далее см.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Судебная статистика»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 05.02.2018).

терроризму, в том числе распространению присущей ему идеологии с использованием возможностей современных информационных и коммуникационных технологий³. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁴ (пункты 12 и 13) подчёркивается, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, используемым ими для вовлечения в эти формирования новых членов, координации их криминальной деятельности и распространения идеологии терроризма. Также отмечается, что угроза терроризма будет актуальной до тех пор, пока не устранены источники и каналы распространения соответствующей идеологии.

Для решения задач, обозначенных в указанных документах, необходимо сформировать всесторонне проработанную научную основу, ориентированную на обеспечение соответствующих направлений правоохранительной деятельности и включающую в себя результаты комплексного изучения причин и условий, детерминирующих эти преступления, особенностей личности их субъектов и специфики криминологического предупреждения террористической деятельности, осуществляемой в пространстве сети «Интернет» и других электронных и информационно-телекоммуникационных сетях.

Не случайно Президентом Российской Федерации В.В. Путиным особо подчеркнута необходимость превентивных мер в области противодействия терроризму, в связи с чем необходимо не только «...активно выявлять и блокировать деятельность террористических групп, ликвидировать их финансовую базу, пресекать деятельность эмиссаров из-за рубежа...», но и ми-

³ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁴ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2017).

нимизировать «их подрывную деятельность в Интернете, учитывать при этом российский и международный опыт в этой сфере»⁵.

Об актуальности избранной нами темы говорят и последние изменения и дополнения уголовного законодательства. В частности, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ⁶ ч. 2 ст. 205² УК РФ, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, была дополнена альтернативным квалифицирующим признаком в виде совершения данного преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также увеличена строгость наказания за ряд преступлений террористической направленности.

29 декабря 2017 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон №445-ФЗ⁷, которым были внесены изменения в статьи 205¹, 205² и 361 УК РФ, связанные с дальнейшей дифференциацией уголовной ответственности за содействие террористической деятельности, детализацией способов распространения идеологии терроризма и устранением противоречий в регламентации состава акта международного терроризма. Кроме того, на фоне резкого увеличения числа случаев сообщений о якобы готовящихся взрывах различных объектов, был принят Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ⁸, дифференцировавший уголовную ответственность по ст.

⁵ См.: Выступление Владимира Путина на заседании коллегии ФСБ в 2017 году // Электронный ресурс: URL: https://www.discred.ru/news/vystuplenie_vladimira_putina_na_zasedanii_kollegii_fsb/2017-02-16-26554 (дата обращения: 15.01.2018).

⁶ См.: Федеральный закон от 6 июля 2016г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

⁷ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2017г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 29.

⁸ См.: Федеральный закон от 31 декабря 2017г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-

207 УК РФ за такие сообщения в зависимости от мотивов, целей, объектов и последствий соответствующих посягательств, а также сузивший целевую направленность угрозы как вида террористического акта.

Между тем признак в виде использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», приводится только в ч. 2 ст. 205² УК РФ, однако анализ уголовных дел и результатов опроса судей, прокуроров, сотрудников оперативных подразделений и следователей свидетельствует о том, что такие сети в той или иной степени используются виновными в большинстве случаев совершения преступлений для вовлечения других лиц в террористическую деятельность, их обучения для её осуществления, финансирования терроризма, организации преступлений террористической направленности, руководства их совершением, а также для руководства деятельностью террористических объединений, которая может иметь транснациональный, международный характер. Поэтому в нашем диссертационном исследовании изучен вопрос о целесообразности выделения и особенностях законодательной регламентации указанного способа в качестве конstitutивного или квалифицирующего признака определённых составов преступлений террористической направленности.

В целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято постановление от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁹, в которое 3 ноября 2016г. были внесены изменения¹⁰, преимущественно связанные с новеллами

процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 85.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 года № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда

антитеррористического законодательства. Данное постановление содержит разъяснения относительно квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», но не отвечает на ряд проблемных вопросов, возникающих в правоприменительной деятельности при применении уголовно-правовых норм о таких преступлениях, в том числе о правильном определении момента окончания данных посягательств, их разграничении между собой и отграничении от смежных составов преступлений. Следовательно, правоприменители заинтересованы в получении научно обоснованных рекомендаций, касающихся особенностей юридической оценки преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Изучение актуальных вопросов предупреждения уголовно наказуемых деяний, относящихся к террористической деятельности, при совершении которых используются соответствующие сети, и формирования научно обоснованного комплекса мер предупреждения таких посягательств предполагает и обращение к положениям Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹¹ для его доктринального изучения в рамках последовательного раскрытия криминологического аспекта темы.

Приведённые обстоятельства указывают на актуальность и важность изучения уголовно-правовых и криминологических мер противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с

Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2016. 16 ноября.

¹¹ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Степень разработанности темы исследования. Уголовно-правовому и (или) криминологическому анализу преступлений террористической направленности посвятили свои труды такие ученые как П.В. Агапов, Ю.М. Антонян, С.В. Борисов, Л.Д. Гаухман, С.В. Иванцов, Н.Г. Кадников, А.Г. Кибальник, В.С. Комиссаров, С.М. Кочои, В.В. Меркурьев, В.С. Овчинский, А.В. Павлинов, А.И. Рарог и другие авторы.

В своих работах эти и другие учёные не выделяли проблемы преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, либо говорили о них при рассмотрении более широких вопросов, связанных с противодействием террористической деятельности в целом.

Отметим, что в последние пять лет был защищён ряд диссертаций, в которых затрагивались вопросы уголовно-правовой и (или) криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности и некоторых деяний террористической направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет» или иных информационно-телекоммуникационных сетей. Это, например, диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08, подготовленные Борисовым С.В. (Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения. - М, 2012 г.) и Петряниным А.В. (Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование. – Н. Новгород, 2015 г.), диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук по той же специальности, подготовленные Шибзуховым З.А. (Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. – М., 2012 г.) и Узембаевой Г.И. (Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств

массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. – М., 2016 г.).

Кроме того, отдельные вопросы избранной темы ранее исследовались в рамках изучения методов и систем защиты информации и обеспечения информационной безопасности (Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму дис. ...канд. юрид. наук: 05.13.19. – Воронеж, 2006 г.) и социологических проблем (Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. ...дис. докт соц. наук: 22.00.04. – Краснодар, 2012 г.).

Приведённые выше исследования сохраняют свою научную значимость и в настоящее время, однако содержащиеся в них положения нуждаются в дальнейшей разработке, конкретизации и развитии. В антитеррористическое законодательство в последние три года были внесены существенные изменения и дополнения. Так, в 2016 г. одна из норм о таких преступлениях была дополнена квалифицирующим признаком в виде совершения деяния с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ч. 2 ст. 205² УК РФ). В декабре 2017 г. в статьи 205, 205¹, 207 и 361 УК РФ были внесены существенные изменения, касающиеся целей террористического акта в форме угрозы, дифференциации ответственности за содействие террористической деятельности и заведомо ложное сообщение об акте терроризма, введения ответственности за пропаганду терроризма и расширения объективной стороны содействия совершению международного акта терроризма. С 2016 г. действует Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». 3 ноября 2016г. были внесены изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». В связи с этим можно сделать вывод об отсутствии научных исследований, посвящённых

актуальным уголовно-правовым и криминологическим мерам противодействия соответствующим преступлениям. Более того, наша тема впервые рассматривается на уровне самостоятельного диссертационного исследования.

Объект исследования составляют общественные отношения, в рамках которых формируются и реализуются уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

К предмету исследования отнесены уголовно-правовые и криминологические меры противодействия актам террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Цель диссертационного исследования заключается в получение нового знания о социально-правовой природе, особенностях и тенденциях развития преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, что предопределяет формирование научно обоснованных предложений по совершенствованию и оптимизации уголовно-правовых норм об ответственности за данные преступления, практики их применения и системы мер криминологического предупреждения таких деяний.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- установить уголовно-правовые особенности преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей;

- исследовать объективные и субъективные признаки составов данных преступлений с учётом изменений, внесённых в уголовный закон в 2013, 2014, 2016 и 2017 годах;

- изучить детерминанты данных преступлений;

- определить особенности личности их субъектов;
- выявить проблемы юридической оценки преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, и сформулировать рекомендации по их разрешению;
- исследовать систему мер криминологического предупреждения данных преступлений, установить её особенности и направления развития и совершенствования.

Методологическая основа диссертационного исследования включает в себя диалектический метод познания, обеспечивающий основу научного подхода к изучению явлений общественной жизни. В ходе проведения исследования применены исторический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический методы, а также метод правового моделирования. Кроме того, использованы такие частнонаучные методы исследования, как документальный метод, контент-анализ, наблюдение, анкетирование, статистические методы и др.

Нормативную базу исследования составили ратифицированные международно-правовые документы, Конституция Российской Федерации, ранее действовавшее и современное уголовное и административное законодательство России, а также указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, документы министерств и ведомств Российской Федерации, составляющее правовую основу противодействия терроризму, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Теоретическая база исследования представлена научными трудами учёных в области теории права, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики, психологии, социологии и т.д. При определении основных направлений и формировании исходных направлений исследования автор обращался к трудам таких учёных, внёсших существенный вклад в развитие теории

уголовного права и криминологии, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Л.Д. Гаухман, А.А. Герцензон, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, Н.Г. Кадников, В.С. Комиссаров, Н.И. Коржанский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, Ю.И. Ляпунов, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и др.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена результатами конкретных социологических исследований опубликованной практики Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, материалов 146 уголовных дел о 183 преступлениях, предусмотренных статьями 205-205⁵, 206, 208 и 277 УК РФ, а также 78 уголовных дел о 81 заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), рассмотренных судами Москвы, Ивановской и Московской областей, Республики Татарстан в 2013-2017 годах. В целях изучения мнения специалистов проведено анкетирование 64 судей, 67 прокуроров и служащих прокуратуры, 102 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 116 сотрудников оперативных подразделений, а также 126 научно-педагогических работников (всего – 475 респондентов). Анкеты для изучения уголовных дел и опроса экспертов, а также полученные результаты приведены в приложениях к диссертации. Автор подробно изучил статистические данные ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2013-2017 годы.

Научная новизна диссертации определяется выбором проблемы исследования, которая до настоящего времени не становилась предметом самостоятельного системного изучения на монографическом уровне. Диссертация представляет собой первую работу, в которой комплексно изучены современные проблемы противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая вопросы формирования и реализации уголовно-правовых и криминологических мер предупреждения таких деяний и борьбы с ними, и

учитывающую законодательные изменения за период с 2013 г. по 2017 г., актуальную судебную практику и имеющиеся на данный момент научные разработки в области противодействия терроризму и экстремизму в целом.

В диссертационном исследовании выделены и подробно рассмотрены современные проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности с учётом новелл уголовного и иного законодательства, а также особенностей совершения таких деяний с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. В частности, впервые на диссертационном уровне проанализировано содержание Федерального закона от 29 декабря 2017г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму», внесшего значительные коррективы в статьи 205¹, 205² и 361 УК РФ, и Федерального закона от 31 декабря 2017г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

По результатам последовательного решения поставленных исследовательских задач автором сформулированы следующие **основные положения, выносимые на защиту.**

1. Выделены особенности регламентации и реализации уголовной ответственности за преступления террористической направленности, осуществляемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, обусловленные повышенной общественной опасностью данных деяний и спецификой механизма их совершения, связанной с активным использованием указанных сетей на всех стадиях реализации преступного умысла, а равно при формировании последнего и в постпреступном поведении, перемещением криминальной активности в виртуальное пространство, а также неограниченными возможностями по вовлечению в террористическую деятельность большого числа лиц посредством использования различных ресурсов сети «Интернет»,

распространению террористической идеологии и совершению общественно опасных деяний на любом удалении от предмета посягательства.

2. Установлено, что в практической деятельности отсутствуют примеры совершения преступлений террористической направленности с использованием каких-либо иных электронных сетей, кроме информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», однако закреплённая в уголовном законе формулировка, предполагающая использование различных электронных сетей, обеспечивает его адаптационную ёмкость, то есть возможность применения в будущем без корректировки текста, несмотря на последующие изменения общественных отношений и расширение видов средств, используемых при осуществлении террористической деятельности.

3. Доказано, что изменения и дополнения уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления террористической направленности, произведённые в 2013-2017 годах, не сформировали согласованную систему уголовно-правовых норм, позволяющую эффективно противодействовать преступлениям террористической направленности. Для устранения допущенных отступлений от принципов системности права и справедливости уголовной ответственности предлагается внести в уголовный закон следующие изменения:

- изложить статью 205¹ УК РФ, в настоящее время необоснованно конкурирующую с институтом соучастия в преступлении и не позволяющую дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от вида преступления, которому содействует виновный и степени его завершённости, в следующей редакции:

«Статья 205¹. Содействие террористической деятельности.

1. Содействие осуществлению террористической деятельности, состоящее в публичном подстрекательстве к совершению хотя бы одного преступления, предусмотренного статьями 205-205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, в вербовке одного или нескольких

лиц для совершения такого преступления, не являющейся подстрекательством, а равно в финансировании террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования - ...

2. Те же деяния, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», - ...

Примечания. 1. Под финансированием террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования в настоящей статье понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения таких преступных объединений.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления»;

- с целью дифференциации уголовной ответственности за деяния в виде публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, различающиеся по степени общественной опасности, необходимо дополнить статью 205² УК РФ новой частью первой¹, в которой предусмотреть ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, в том числе сопряжённые с публичным оправданием терроризма. В развитие этого предложения из ч.1 данной уголовно-правовой нормы следует исключить указание на публичные призывы к осуществлению терроризма, а диспозицию её ч. 2 начать со слов «Деяния, предусмотренные частью первой или частью первой¹ настоящей статьи,», а также соотнести санкции всех частей данной

нормы с тем, чтобы в ч. 1¹ предусматривалось более строгое наказание, чем в ч. 1, а в ч. 2 – наиболее строгое наказание за данные преступления;

- для устранения конкуренции статей 280¹ и 205² УК РФ в части публичных призывов к осуществлению террористической деятельности дополнить примечание 2 к ст. 205² УК РФ следующими словами «..., за исключением действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»;

- предусмотреть ответственность для обучающего знаниям, умениям и навыкам, необходимым для осуществления террористической деятельности, в статье 205³ УК РФ, дополнив её частью второй следующего содержания:

«2. Обучение или иная подготовка другого лица в целях его участия в осуществлении террористической деятельности или для совершения им одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, а равно создание и распространение материалов для использования при обучении в указанных целях – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет»;

- исключить из ч. 1 ст. 208 УК РФ ответственность за финансирование незаконного вооружённого формирования;

- унифицировать и расширить редакцию примечания 1 к ст. 205⁴ и примечания к ст. 208 УК РФ посредством единообразного указания в них таких дополнительных условий освобождения от уголовной ответственности, как сообщение о существовании соответствующих террористического сообщества или незаконного вооружённого формирования органам власти, а равно иное способствование пресечению деятельности данных преступных объединений;

- дополнить наименование статьи 280 УК РФ и диспозицию её части первой указанием на альтернативное действие в виде публичного оправдания экстремизма;

- признать статью 361 УК РФ утратившей силу, поскольку она в целом представляет собой излишний уголовно-правовой запрет, затрудняющий квалификацию преступлений террористической направленности и разрешение вопросов об экстерриториальном действии уголовного закона, а также не позволяющий дифференцировать уголовную ответственность за предусмотренные ею действия с учётом служебного положения виновного и других отягчающих обстоятельств, не указанных в ст. 361 УК РФ в отличие от корреспондирующих норм главы 24 этого Кодекса.

4. Установлено, что совершению преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, способствует совокупность факторов, имеющих внешний и внутренний характер, в том числе факторов, связанных с процессами глобализации. Вместе с тем, вся совокупность детерминант приходит в действие, преломляясь через сознательную и волевою сферы личности, её мотивационную сферу. Именно формирование такой сферы и её содержание могут привести лицо к решению совершить преступление. Возможность же его совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей воспринимается виновными лицами в качестве одного из благоприятных условий для выражения своих мотивов и целей, в том числе ненависти либо вражды на национальной, религиозной, политической или идеологической почве. Это обстоятельство сближает причинные комплексы преступлений террористической и экстремистской направленности.

5. Определено, что среди лиц, совершающих преступления террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, определённые особенности, вытекающие именно из избираемого способа осуществления таких деяний, присущи только личности субъектов публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма. Наиболее близким для них является криминально заражённый

тип личности, отличающийся наличием в психике таких лиц побуждений и целевых установок, которые при наличии благоприятных условий, вытекающих из широких возможностей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая доступность и простоту использования, неограниченный охват аудитории и относительную анонимность совершаемых действий, могут реализовываться в соответствующем преступном поведении.

6. Обоснованы приоритетные направления развития системы мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей:

1) укрепление международного сотрудничества, в том числе в сфере унификации необходимых правовых средств, совместного планирования и координации превентивных мер (прежде всего, по пресечению криминальной активности международных террористических организаций и сообществ в Интернет-пространстве);

2) совершенствование профилактической деятельности, связанной с воздействием на общественное сознание путём информирования граждан о предпосылках, социальных и юридических последствиях распространения террористической и экстремистской идеологии;

3) активизация и расширение такого воздействия посредством использования информационных технологий, включая возможности самих электронных и информационно-телекоммуникационных сетей;

4) формирование системы технических и технологических мер, препятствующих совершению таких деяний, а равно упрощающих их выявление и доказывание.

7. Обосновано, что совершенствование практики квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, необходимо осуществлять с учётом взаимосвязей и соотношения

террористической и экстремистской деятельности, что обуславливает потребность в согласовании между собой постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в том числе посредством формирования в них единообразных подходов к разрешению проблемных вопросов определения моментов окончания данных уголовно наказуемых деяний, наличия и содержания умысла на их публичное совершение, особенностей разграничения таких преступлений.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его содержание, обобщаемое в выводах и предложениях автора, способствует развитию теории уголовного права и криминологии в области противодействия терроризму и экстремизму с учётом особенностей их проявлений в электронных и информационно-телекоммуникационных сетях.

В работе приводятся и обосновываются положения, развивающие теоретические представления о составах преступлений террористической направленности, их соотношении друг с другом и с составами преступлений экстремистской направленности, о частных правилах квалификации таких преступлений, их детерминантах, особенностях личности субъектов, их совершающих, состоянии, тенденциях и направлениях развития системы криминологических мер предупреждения террористической деятельности, осуществляемой с использованием ресурсов сети «Интернет» и других информационно-телекоммуникационных и электронных сетей.

Юридический анализ составов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием соответствующих сетей, а равно приводимое в работе исследование причинного комплекса таких деяний и личности их субъектов могут быть использованы и для развития смежных областей научного знания: уголовно-процессуального и уголовно-

исполнительного права, оперативно-розыскной деятельности, юридической психологии, социологии и др.

Практическая значимость исследования состоит в её положениях прикладного характера по квалификации и предупреждению рассматриваемых преступлений. При этом положения диссертации могут быть использованы:

- в законотворческом процессе при подготовке и обосновании изменений и дополнений УК РФ, а также взаимосвязанных нормативных правовых актов в области противодействия терроризму;

- в правоприменительной деятельности посредством использования сформулированных предложений по толкованию уголовного закона, квалификации преступлений террористической направленности и предупреждению таковых с учётом особенностей их совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей;

- при подготовке учебно-методических материалов для использования в ходе обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность по предупреждению проявлений террористической деятельности и борьбе с ними;

- в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовное право» и «Криминология», а также специальных курсов, направленных на углубленное изучение вопросов противодействия терроризму.

Апробация результатов исследования и внедрение. Основные выводы, предложения автора и другие результаты проведённого научного исследования были отражены в девяти опубликованных научных статьях, общий объём которых составил 3,05 печатных листа, из них четыре статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Полученные выводы и другие итоговые положения проведённого исследования были предметом докладов на заседаниях кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата, приводились в выступлениях на конференциях в различных образовательных и научно-исследовательских учреждениях, в том числе на следующих научно-практических мероприятиях: международной научно-практической конференции «Обеспечение прав и свобод человека в современном мире» (г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 22 ноября 2016 г.); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы защиты прав человека в России и за рубежом» (г. Москва, Российская академия адвокатуры и нотариата, 15 декабря 2016 г.); всероссийской научно-практической конференции «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова)» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Университет МВД России, 7-8 июня 2017 г.); международной научно-практической конференции «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы» (г. Москва, Российский университет дружбы народов, 18-19 октября 2017 г.); международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства» в рамках III Международного пенитенциарного форума: Преступление, наказание, исправление» (г. Рязань, Академия ФСИН России, 21-23 ноября 2017 г.); всероссийском круглом столе «Актуальные проблемы обеспечения кибербезопасности» (г. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 15 февраля 2018 г.).

Полученные результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Российской академии адвокатуры и нотариата, Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя при преподавании курсов «Уголовное право» и «Криминология», при подготовке

учебных, учебно-методических пособий и рекомендаций по указанным дисциплинам. Материалы исследования внедрены в деятельность отдела МВД России по г. Сибая и Межрайонного отдела по противодействию экстремизму и терроризму по Юго-Восточному направлению ЦПЭ Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан и используются в деятельности подразделений для раскрытия преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также при проведении занятий в рамках служебной подготовки.

Структура диссертационного исследования и его содержание соответствуют требованиям, установленным ВАК при Минобрнауки России, согласуется с объектом и предметом исследования, целью и задачами, включает введение, три главы, содержащие семь параграфов, заключение, список литературы и приложения.

ГЛАВА I. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

§1. Уголовно-правовые особенности преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

С течением времени использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей из новшества превратилось в типичный способ совершения многих уголовно наказуемых деяний, в том числе и преступлений террористической направленности. Вместе с тем законодатель с явным запозданием обратил внимание на эту тенденцию современной террористической преступности: только в 2016 г.¹² ч. 2 ст. 205² УК РФ об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма была дополнена квалифицирующим признаком в виде совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Поскольку фактически использование таких сетей имеет место при совершении различных преступлений террористической направленности, проблемы квалификации, связанные с данным способом, выходят за рамки расследования и рассмотрения уголовных дел о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании

¹² См.: Федеральный закон от 6 июля 2016г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Сборник законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

терроризма, распространяясь на противодействие терроризму и экстремизму в целом, являющихся одними из наиболее опасных проявлений транснациональной преступности¹³.

Полагаем важным учитывать то, что любое преступление террористической направленности помимо своих основных целей прямо или косвенно направлено ещё и на пропаганду терроризма, что предполагает публичный характер осуществляемых общественно опасных действий, а это в наибольшей степени достигается посредством использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Поэтому не случайно в диспозиции ч.1 ст. 205⁴ УК РФ указаны статьи о преступлениях террористической направленности, для осуществления которых виновные лица создают террористические сообщества, а также подчёркивается, что это могут быть и иные преступления, совершаемые в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма¹⁴. Данная цель цель, фактически проявившаяся в том или ином деянии, предопределяет его террористическую направленность и, как следствие, повышает его общественную опасность¹⁵.

Согласно п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма является обстоятельством, отягчающим наказание.

Отметим, что уголовный закон не содержит понятие «преступления террористической направленности», однако таковое приводится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012г.

¹³ См.: Пихов А.Х.А. Уголовно-правовые особенности предупреждения организованной преступности и ее транснациональных форм: зарубежный опыт // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. С. 390.

¹⁴ См.: Иванцов С.В., Борисов С.В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. №2. С. 91-97.

¹⁵ См.: Бадамшин С.К. Актуальны проблемы защиты прав человека от преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Актуальные проблемы защиты прав человека в России и за рубежом: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во РААН, 2017. С. 184.

№ 1¹⁶ и активно используется в ведомственной статистике, в том числе в виде словосочетания «преступления террористического характера», а также в научных исследованиях и публицистике. Вместе с тем перечень таких преступлений выводится из содержания статей 205¹, 205², 205³, 205⁴ и 205⁶ УК РФ и в настоящее время не является закрытым.

Пленум Верховного Суда РФ в преамбуле указанного выше постановления Пленума в обновлённой редакции¹⁷ привёл следующий перечень статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления данной направленности: 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361. Одновременно Пленум выделил преступления, судебная практика по которым сопряжена с разрешениям проблемных вопросов: террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), организация террористического сообщества и участие в нём (ст. 205⁴ УК РФ), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нём (ст. 208 УК РФ).

Отметим, что в ведомственной статистике используется понятие «преступления террористического характера», объём которого составляют следующие группы деяний, включённых в соответствующий перечень (№22)¹⁸:

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 года № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2016. 16 ноября.

¹⁸ См.: Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 декабря 2017 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации,

1) преступления, которые относятся к этому перечню без дополнительных условий: деяния, предусмотренные статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361 УК РФ;

- а также:

а) преступления, отнесение которых к этому перечню зависит от даты возбуждения уголовного дела: деяния, предусмотренные статьями 220 и 221 УК РФ (начиная с 29.10.2010);

б) преступления, отнесение которых к перечню зависит не только от даты возбуждения уголовного дела, но ещё и от наличия в статистической карточке отметки о связи совершённых деяний с террористической деятельностью или финансированием терроризма: деяния, запрещённые ст. 207 (до 10.03.2006), ст. 211 (с 10.03.2006 по 05.05.2014), а равно статьями 278, 279, 282¹ и 282² УК РФ (начиная с 10.03.2006);

2) преступления, которые входят в этот перечень при наличии в статистической карточке отметки о связи совершённых деяний с террористической деятельностью: преступления, предусмотренные статьями 206, 209, 210, 281, 295, 317, 318 УК РФ.

Изучение данного перечня вызывает ряд вопросов относительно его обоснованности и, как следствие, достоверности, полученных на его основе статистических данных. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 205¹ и примечанию 2 к ст. 205² УК РФ захват заложника (ст. 206 УК РФ) является одним из проявлений террористической деятельности без каких-либо дополнительных условий, равно как и деяния, запрещённые всеми частями ст. 211 УК РФ, а не только её частью четвёртой, как это указано в данном документе. Одновременно уголовный закон не относит к террористической деятельности несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ).

Полагаем, что понятие «преступления террористического характера»

используемых при формировании статистической отчетности» // Электронный ресурс: URL: <http://legalacts.ru/doc/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-6511-mvd-rossii/> (дата обращения: 16.12.2017).

является менее конкретным, нежели «преступления террористической направленности», и используется преимущественно при обобщении статистической информации прокуратурой и органами внутренних дел, тогда как в Судебном департаменте при Верховном Суде РФ оперируют именно вторым понятием, в большей степени вытекающим из положений УК РФ и согласующимся с позицией Пленума. Поэтому в диссертации мы будем исходить из того перечня преступлений террористической направленности, выводимого из текста уголовного закона и приведён в указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в котором официально использовано понятие «преступления террористической направленности».

Проблемы применения данных статей Особенной части УК РФ проистекают из особенностей выделенных составов преступлений, неоднозначно трактуемых в доктрине уголовного права и в правоприменительной деятельности. Именно на устранение разночтений в толковании данных норм и направлены приведённое постановление Пленума и внесённые в него изменения и дополнения.

Для того, чтобы выделить относительно самостоятельную группу преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», классифицировать соответствующие деяния и очертить тем самым рамки настоящего исследования, нами были изучены материалы 146 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205-205⁵, 206, 208 и 277 УК РФ, опрошены судьи, прокуроры и служащие прокуратуры, следователи Следственного комитета РФ, сотрудники оперативных подразделений и научно-педагогические работники.

В результате изучения уголовных дел и результатов опроса было установлено, что использование таких сетей в процессе непосредственного выполнения объективной стороны является типичным для трёх преступлений террористической направленности: содействия террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), публичных призывов к осуществлению террористиче-

ской деятельности либо публичного оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) и прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ). Причём публичность свойственна осуществлению только одного из данных преступлений, для которого этот признак предусмотрен в самой уголовно-правовой норме, - для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ). Содействие террористической деятельности и прохождения обучения в целях её осуществления не всегда протекают в открытой, публичной обстановке, поэтому соответствующий признак обоснованно не предусмотрен в диспозициях статей 205¹ и 205³ УК РФ¹⁹.

Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в последних уголовно-правовых нормах также не предусмотрено, однако, как уже было отмечено выше, присуще различным формам содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях её осуществления, что придаёт данным деяниям определённые специфические черты, в том числе уголовно-правового характера, поскольку их совершение подобным способом предполагает особенности моментов их начала и окончания, а также отражается на содержании объективной и субъективной сторон данных преступлений.

Итак, первая группа преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, состоит из деяний, для которых использование таких сетей является типичным для непосредственного осуществления их объективной стороны. Эта группа включает в себя содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда тер-

¹⁹ См.: Бадамшин С.К. Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений террористической направленности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 4. С. 123-126.

роризма и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. Внутри этой группы выделяется преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, в ч. 2 которой в качестве альтернативного квалифицирующего признака указано совершение предусмотренных ею публичных действий с использованием электронных или электронно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Вторую группу рассматриваемых преступлений террористической направленности составляют те общественно опасные деяния, для которых использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей не является типичным, но может иметь место на практике в процессе приготовления к ним или (и) осуществления вспомогательных (обеспечительных) действий в процессе выполнения объективной стороны. С учётом исследования фактических обстоятельств по конкретным уголовным делам можно выявить и отдельные случаи непосредственного совершения таких преступлений за счёт осуществления одного из альтернативных действий, образующих объективную сторону их состава.

Опрос указанных выше респондентов и теоретический анализ соответствующих положений уголовного закона позволили отнести к последнему виду рассматриваемых преступлений террористический акт в форме угрозы совершить взрыв, поджог и т.п. (ст. 205 УК РФ) и аналогичное деяние, но совершённое при обстоятельствах, позволяющих отнести его к разновидности акта международного терроризма (эти деяния указали 236 из 349 (67,62%) судей, прокуроров и иных представителей практики) и 92 из 126 (73,01%) научно-педагогических работников)²⁰.

Если же говорить о приготовительных и вспомогательных действиях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, то они могут иметь место при совершении любого преступления террористической направленности, что придаёт им не

²⁰ Анкеты для проведения и проса и его результаты приведены в приложениях 3 и 4 к настоящей диссертации.

столько уголовно-правовые, сколько криминалистические и отчасти криминологические особенности.

Отметим, что изучение 26 уголовных дел о террористическом акте, а также опрос судей, прокуроров, следователей и дознавателей не позволил нам выявить ни одного примера осуществления преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ в форме угрозы совершить взрыв, поджог и т.п. Поэтому установить факты такого устрашения посредством использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей также не представилось возможным. Вместе с тем, как будет подробно рассмотрено во втором параграфе первой главы диссертации, в настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа случаев заведомо ложных сообщений о готовящихся актах терроризма, направленных к тем же целям, что и действия, запрещённые ст. 205 УК РФ, что, на наш взгляд, целесообразно рассматривать через призму нарушаемого объекта и содержания умысла при осуществлении таких действий. Представляется, что угроза совершить теракт, будь она действительной или ложной, в равной степени дестабилизирует деятельность органов власти или (и) международных организаций и подрывает общественную безопасность, поэтому далее мы ещё обратимся к вопросу о целесообразности выделения из диспозиции ст. 205 УК РФ указания на возможность совершения террористического акта посредством угрозы и совмещения уголовной ответственности за любую угрозу совершения акта терроризма (вне зависимости от её ложности или реальности) в одной уголовно-правовой норме в главе 24 УК РФ.

Исходя из изложенного выше, основное внимание в диссертации уделяется исследованию именно преступлений террористической направленности первой группы, другие же деяния затрагиваются нами преимущественно с позиции изучения уголовно-правовых особенностей приготовления к ним и специфики криминологического предупреждения проявлений террористической деятельности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Подчеркнём, что уголовно-правовые особенности составов преступлений террористической направленности связаны практически с каждым элементом их составов.

В частности, данные преступления характеризуются многообъектностью, поскольку при посягательстве на основы общественной безопасности они затрагивают и другие общественные отношения, преимущественно охраняемые иными уголовно-правовыми нормами. Поэтому при квалификации преступлений террористической направленности важно определить, охватываются ли нарушения тех или иных общественных отношений определённой статьёй главы 24 УК РФ или же требуют дополнительной юридической оценке по другой статье, расположенной в этой же или другой главе уголовного закона²¹.

Например, в п. 10 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что в случаях, когда в ходе осуществления террористического акта используются незаконно приобретенные или хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, незаконно приобретенные, хранящиеся или изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества либо взрывные устройства, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 220, 221, 222, 222¹, 223, 223¹ или 226 УК РФ. Здесь подчёркивается, что общественная безопасность включает в себя взаимосвязанные, но, тем не менее, различающиеся группы общественных отношений, в том числе по обеспечению надлежащего порядка оборота оружия, боеприпасов и т.п., не входящих в структуру объекта террористического акта. Такое же разъяснение содержится и в п. 23 данного постановления Пленума применительно к квалификации действий участников незаконных вооружённых формирований.

²¹ См.: Борисов С.В, Морозова А.А. Пособничество в совершении террористического акта как форма содействия террористической деятельности // Закон и право 2016. № 4. С. 26-27.

Такая квалификация обусловлена и тем, что отдельные действия, хотя и связаны с осуществлением террористического акта или участием в незаконном вооружённом формировании, однако непосредственно не указаны в соответствующих статьях Особенной части УК РФ в качестве объективных признаков данных преступлений.

Ещё одной уголовно-правовой особенностью преступлений террористической направленности является формальная и даже усечённая конструкция большинства их составов, предполагающая более ранний юридический момент окончания данных уголовно наказуемых деяний. Например, террористический акт окончен уже при совершении взрыва, поджога или подобных действий, создавших определённую опасность, а равно при выражении угрозы совершить указанные действия, захват заложника – с момента фактического ограничения в свободе передвижения захваченного или удерживаемого потерпевшего. Если же затронуть организованные формы осуществления террористической деятельности, то, например, применительно к незаконному вооружённому формированию уголовный закон связывает момент окончания преступления с фактом создания такого формирования или начала участия в нём.

Отметим, что Пленум Верховного Суда РФ при внесении изменений и дополнений в указанное постановление учёл последнюю особенность. В частности, в п. 14 было внесено дополнение о том, что склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, признаётся окончанным преступлением с того момента, когда осуществлены данные действия, вне зависимости от того, совершено ли вовлекаемым лицом соответствующее преступление террористической направленности. Здесь уточнено, что соответствующие действия обладают общественной опасностью, присущей окончанному преступлению, уже при оказании воздействия на другое лицо в определённых целях. Эта же позиция прослеживается и в п. 22³ указанного постановления Пленума, где указывается, что преступление, предусмотренное ч. 1

ст. 205⁴ УК РФ, окончено, когда фактически образовано террористическое сообщество. В п. 22⁵ этого же постановления Пленума отмечается, что участие лица в террористическом сообществе признаётся окончанным преступлением с того момента, когда это лицо вошло в состав данного сообщества с соответствующими целями²².

Чёткое обозначение момента окончания таких преступлений способствует разграничению стадий их совершения и единообразному пониманию границ их объективной стороны, пересечение которых требует квалификации с учётом совокупности уголовно наказуемых деяний. Например, Пленум Верховного Суда РФ в том же п. 22⁵ указанного постановления разъяснил, что в случае совершения участником террористического сообщества конкретного преступления его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Отличительными особенностями рассматриваемых деяний, позволяющих провести их отграничение от смежных составов преступлений, также является наличие специальной цели (целей), непосредственно указанных в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм. В связи с этим в п. 12 указанного постановления Пленума разъясняется, что в случаях, когда лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное следует квалифицировать по ст. 205 УК РФ, то есть как террористический акт.

²² См.: Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма // Уголовная ответственность и наказание: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань. 2017. С. 17.

Одной из современных тенденций и одновременно особенностью преступлений террористической направленности является криминализация отдельных форм соучастия на уровне статьи Особенной части УК РФ, как это произошло при дополнении ст. 205¹ УК РФ частями 3 и 4 об ответственности за пособничество и организацию, осуществляемых относительно отдельных деяний данной группы, соответственно. Мы согласимся с авторами, считающими данное направление развития уголовного закона недостаточно обоснованным²³. Полагаем, что более правильным было бы совершенствование института соучастия в преступлении в соответствующих нормах Общей части УК РФ.

В последние годы наблюдается снижение возраста участников террористической деятельности и перенос части соответствующей криминальной активности в Интернет-пространство, что было учтено законодателем при внесении изменений в ч. 2 ст. 20 УК РФ, перечисляющую виды преступлений с пониженным, четырнадцатилетним возрастом уголовной ответственности, и ч. 2 ст. 205² этого УК, где стал указываться соответствующий новый способ совершения этого деяния²⁴.

Указанное дополнение части второй статьи 205² УК РФ было произведено наряду с повышением строгости наказания за ряд преступлений террористической и экстремистской направленности.

Полагаем, что данные изменения уголовного законодательства являются логичными и обоснованными, находящимся в общем русле совершенствования правовых средств противодействия экстремизму, крайними проявлениями которого являются терроризм и террористическая деятельность.

Принимая во внимание соотношение экстремизма (экстремистской деятельности) и терроризма (террористической деятельности) как целого и

²³ См.: Борисов С.В., Морозова А.А. Указ. соч. С. 24-28.

²⁴ См.: Федеральный закон от 6 июля 2016г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

части²⁵, статьи 280 и 205² УК РФ необходимо рассматривать как общую и специальную нормы, при конкуренции которых приоритет остаётся за последней из них²⁶.

В продолжение настоящего параграфа полагаем необходимым остановиться на отступлениях от принципа системности права, допущенных законодателем при внесении выделенных выше изменений в нормы Особенной части УК РФ.

Во-первых, в связи с установлением уголовной ответственности за публичное оправдание терроризма возникает обоснованное предположение, что таковая должна быть предусмотрена и за публичное оправдание экстремизма в целом, однако это не так. В ст. 280 УК РФ речь идёт об ответственности только за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, то есть оправдание экстремизма (экстремистской деятельности) оставлено без внимания законодателя. Опрос представителей практических органов и образовательных и научно-исследовательских учреждений, показал, что считают отмеченную ситуацию пробелом в уголовном праве, и поддерживают наше предложение о дополнении ст. 280 УК РФ указанием на такое альтернативное общественно опасное деяние, как публичное оправдание экстремизма (экстремистской деятельности). С этим предложением согласились 72,78% опрошенных судей и представителей практических органов, а также 79,36 респондентов из числа научно-педагогических работников.

Во-вторых, в статьях 205² и 280¹, в отличие от статей 280 и 282 УК РФ, рассматриваемый способ совершения преступлений включает в себя указание не только на информационно-телекоммуникационные, но и на электронные сети. Полагаем, что для обеспечения правовой определённости, полноты и системности в регламентации уголовной ответственности за преступления,

²⁵ См.: Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... докт. юрид. наук: М., 2008. С. 18.

²⁶ См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

имеющие сходную направленность, необходимо единообразно описать соответствующий способ, что может быть осуществлено с помощью одной из следующих формулировок: 1) «с использованием ... электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; 2) «с использованием ... информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Согласимся с Г.И. Узембаевой в том, что использование указанных сетей целесообразно рассматривать именно как квалифицирующий признак соответствующих составов преступлений²⁷, имеющих тенденцию к росту своего числа и всё большему охвату огромной аудитории сети «Интернет» и иных информационно-телекоммуникационных и электронных сетей.

Опрос 349 респондентов из числа судей, прокурорских работников, следователей, сотрудников оперативных подразделений показал, что 345 (98,85%) из них считают, что в настоящее время публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма совершаются исключительно или преимущественно с использованием сети «Интернет». На данную особенность рассматриваемого преступления также указали 90,48% опрошенных научно-педагогических работников. Это же подтверждает и изучение опубликованной судебной практики и материалов уголовных дел о преступлениях террористической направленности.

Сеть «Интернет» стала основной средой и средством распространения экстремистской и террористической идеологии, вовлечения в противоправную деятельность экстремистских и террористических организаций и сообществ. Это объясняется относительной анонимностью действий в Интернет-среде, общедоступностью и неограниченным количеством ее пользователей, низкими затратами по использованию ресурсов данной сети, ежегодным ростом аудитории последней и вовлеченностью в пользование социальными се-

²⁷ См.: Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. С. 8-9.

тиями молодежи практически всего мира²⁸. Именно на молодых людей ориентируются те, кто пытается увеличить число приверженцев идеологии экстремизма и терроризма, вовлечь новых членов в экстремистские и террористические объединения.

При доказывании и квалификации соответствующих преступлений следует учитывать, что виновные лица могут размещать в электронной или информационно-телекоммуникационной сети не только свои, но и чужие материалы (видео- или текстовые файлы, фотографии и др.). То есть соответствующая информация может исходить от других людей, которые вовсе не обязательно являются авторами последней, и нередко вовсе не знают о том, от кого и кому именно передаются те или иные файлы, которые могут быть использованы для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма. Речь идёт о так называемых репостах, когда заинтересовавшая пользователя информация, встреченная им на том или ином Интернет-ресурсе, размещается им у себя на странице в социальной сети. В таких случаях важно установить, проявило ли данное лицо своё отношение к такой информации (контекст размещения файла, содержание комментариев к нему и т.п.). Также следует исследовать содержание проявленного отношения (например, публичное проявление одобрения демонстрируемых видеозаписей с мест совершения террористических актов или выражение солидарности с высказываниями других людей, пропагандирующих терроризм, которые не только демонстрируют мнение определённого лица, но и ориентируют других людей на поддержку терроризма и подражание террористической практике и идеологии).

Например, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения приговор А. Ситкалиеву, осуждённому за публичное оправдание терроризма с использованием сети «Интернет».

²⁸ См.: Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // Экономика, педагогика и право. 2013. №1. С. 54-58.

Как было установлено, в 2010-2011 годах Ситкалиев размещал на своих страницах в социальных сетях видеозаписи с выступлениями других лиц, содержащими призывы к дестабилизации ситуации в обществе, а также оправдывающие совершение преступлений террористической направленности. Ситкалиев в комментариях к данным видеофайлам активно поддерживал применение насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и призывал бороться с существующим в России политическим строем.

Из проведённых в рамках уголовного дела экспертиз следует, что в размещённых Ситкалиевым видеоматериалах содержится побуждение к совершению противоправных действий, оправданию терроризма, возбуждение ненависти и вражды к лицам, не исповедующим ислам²⁹.

Данный пример показывает, что виновное лицо не только разместило соответствующую информацию у себя на странице в социальной сети, но и выразило однозначное отношение к ней, осознавая тот факт, что его действия имеют публичный характер. Также здесь мы видим, что в своих высказываниях или иных публичных действиях виновные лица могут призывать к осуществлению не только террористической, но и экстремистской деятельности в целом, а равно направлять свои действия на возбуждение ненависти либо вражды в обществе. Полагаем, что подобные сочетания должны быть учтены при квалификации содеянного по совокупности преступлений (например, как публичное оправдание терроризма и публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды или унижение человеческого достоинства, то есть как преступления, предусмотренные статьями 205² и 282 УК РФ).

²⁹ См.: ВС РФ не изменил приговор осужденному за оправдание терроризма в сети // РАПСИ: Судебная информация: URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20160728/276573749.html (дата обращения: 03.11.2016).

Как указано в пунктах 12 и 13 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года³⁰, информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций. Подчёркивается, что угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения этой идеологии. Поэтому в законодательстве и в правоприменительной практике должна сохраняться тенденция к усилению противодействия распространению идеологии терроризма и экстремизма в обществе, в особенности посредством сети «Интернет» либо иных информационно-телекоммуникационных или электронных сетей. При этом важно учитывать особенности уголовно-правовой регламентации ответственности за такие действия, прежде всего указывающие на необходимость установления публичности совершаемых действий и направленности умысла лица на побуждение других людей к признанию идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в одобрении и подражании. То есть публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, по сути, представляют собой этап и некий фон, создающие предпосылки для вовлечения неограниченного круга лиц в совершение преступлений террористической направленности. Поэтому криминализация соответствующих действий, а также усиление наказания за их совершение с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, имеет своей целью предупреждение более опасных деяний, например, содействия террористической деятельности в виде вовлечения определённых лиц в совершение конкретных преступлений террористической направленности³¹.

³⁰ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2017).

³¹ См.: Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2012. С.9.

Среди всех уголовно-правовых норм об ответственности за преступления террористической направленности наибольшие дискуссии в обществе относительно своей обоснованности вызывает именно ст. 205² УК РФ, в которой законодатель установил ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма. Данная норма рассматривалась Конституционным Судом Российской Федерации.

В жалобе, направленной в Конституционный Суд РФ гражданин И.В. Королев, в частности, указал, что, по его мнению, статья 205² УК РФ не соответствует Конституции РФ, а именно её ст. 28 и частям 1, 3, 4 и 5 ст. 29, так как она ограничивает его права на свободу мысли, слова и совести, а также свободу выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, действовать в соответствии с ними, свободу выражения своего мнения, свободу искать, получать и передавать информацию различными способами, а равно принуждает его отказаться от своих убеждений.

В своём определении Конституционный Суд РФ не нашёл оснований для принятия данной жалобы к своему рассмотрению, при этом он сослался на то, что различные конституционные права и свободы человека и гражданина имеют свои обоснованные границы, очерченные в любом государстве в целях противодействия терроризму и его проявлениям, равно как и преступности в целом. При этом Конституционный Суд РФ сослался на ч. 3 ст. 17 Основного закона, согласно которой осуществление лицом своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц, а также ч. 3 её ст. 55, предусматривающую возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина настолько, насколько этого требуют интересы защиты основ конституционного строя государства, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и её безопасности. Также Конституционный Суд РФ привёл ряд положений международного права, имеющих значение для обоснования необходимости криминализации пропаганды терроризма и соответствующей подстрекатель-

ской деятельности, а равно подчёркивающих такую особенность преступлений террористической направленности, как присущий им международный, транснациональный характер³².

В дальнейшем Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию относительно правовой природы и обоснованности уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 205² УК РФ, в Определении от 21 сентября 2017 г. № 1797-О по жалобе гражданина Дильмухаметова А.А.³³ В этом Определении приведён ряд положений, раскрывающих общественную опасность и отдельные уголовно-правовые особенности преступлений террористической направленности, связанные с распространением идеологии терроризма, в том числе посредством использования сети «Интернет».

В частности, Конституционный Суд РФ обратился к Федеральному закону «О противодействии терроризму»³⁴, в котором соответствующая идеология рассматривается как неотъемлемая часть терроризма, а её распространение - как форма осуществления террористической деятельности.

Так, в ст. 3 данного Закона приводятся важные дефинитивные положения, определяющие терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряжённые с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (п. 1), а также раскрывающие понятие террористической

³² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014г. № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177145.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).

³³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision293616.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

³⁴ См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности через его объём, то есть перечень образующих это явление деяний, в том числе организацию, планирование, подготовку, финансирование и осуществление террористического акта (подп. «а» п. 2), подстрекательство к террористическому акту (п. «б» п. 2), а также информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или осуществлении террористического акта (подп. «д» п. 2), пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, которые призывают к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления этой деятельности (подп. «е» п. 2).

Следовательно, как констатировал Конституционный Суд РФ, террористическая деятельность обращена к неопределённо широкому кругу лиц и выходит за рамки классического соучастия в тех его формах и видах, которые предусмотрены в статьях 32-35 УК РФ и «предполагают индивидуализированную субъективную связь между лицами», которые совместно участвуют в совершении определённого умышленного преступления как его исполнитель, организатор, подстрекатель или пособник. При осуществлении террористической деятельности виновные направляют свои усилия на воздействие на массовое сознание или внимание отдельных слоёв социума, выделяемых по религиозным, этническим и другим признакам, для формирования обстановки приемлемости идеологии терроризма и даже желательности её претворения в общественную практику. Поэтому имеется необходимость в формировании и реализации адекватных и эффективных мер по превенции данной опасной деятельности

На основе анализа и сопоставления норм международного и конституционного права Конституционный Суд РФ подчеркнул недопустимость такого использования гарантированных Конституцией РФ и различными международными договорами свобод совести и вероисповедания, слова и права на распространение информации, которое позволяло бы кому-либо в нарушение норм национального законодательства и взаимосвязанных с ним международно-правовых норм как составной части правовой системы Российской

Федерации, беспрепятственно и безнаказанно осуществлять какую-либо деятельность и совершать действия, характеризующиеся направленностью на публичное подстрекательство к терроризму или его публичное оправдание, в том числе по религиозным соображениям. В целом же Конституционный Суд РФ посчитал, что ч. 1 ст. 205² УК РФ не содержит неопределённости, способствующей нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Отметим, что Конституционный Суд РФ занимает аналогичную позицию и относительно жалоб, в которых указывается на неконституционность и неопределённость применительно к уголовно-правовому запрету на публичное совершение действий, направленных на возбуждение национальной, религиозной и иной ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В частности, в его определениях от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О³⁵, от 27 июня 2017 г. № 1411-О³⁶ и от 18 июля 2017 г. № 1503-О³⁷ указано, что ст. 282 УК РФ призвана обеспечивать реализацию положений конституционного и международного права, в её содержании отсутствует неопределённость, из-за которой лицо лишалось бы возможности осознавать, что его действия являются противоправными, а также предвидеть, что таковые повлекут ответственность за их осуществление и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению данной нормы правоприменительными органами.

³⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010г. № 564-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Замураева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29222.pdf> (дата обращения: 24.09.2017).

³⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017г. № 1411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision280406.pdf> (дата обращения: 27.11.2017).

³⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017г. № 1503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290730.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).

В продолжение настоящего параграфа приведём положения отдельных международно-правовых актов, на которые сослался Конституционный Суд РФ в указанных выше и других определениях, имеющие значение для характеристики уголовно-правовых особенностей преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Учитывая тему диссертационного исследования, мы остановимся только на тех международных документах, которые прямо направлены на обеспечение противодействия преступлениям террористической направленности.

Так, в п. 2 Декларации Организации Объединенных Наций о мерах по ликвидации международного терроризма³⁸ указано, что акты, методы и практика терроризма грубое пренебрегают целями и принципами ООН и могут посягать на международный мир и безопасность, угрожать дружественным отношениям между странами, создавать препятствия для международного сотрудничества, подрывать права человека, основные свободы и демократические основы общества.

Данное положение обозначает повышенную общественную опасность и подчёркивает особенность объекта преступлений террористической направленности, который может включать в себя различные общественные отношения, в том числе и обеспечивающие мир и безопасность человечества. В таком случае эти деяния приобретают статус преступлений международного характера, причём это может быть любое посягательство данной группы, а не только нападение на учреждения и лиц, пользующихся международной

В п. 4 и подп. «е» п. 5 данной Декларации ООН указаны такие обязанности государств-членов, как воздерживаться от того, чтобы попустительствовать или поощрять деятельность, направленную на совершение терактов, предпринимать все необходимые шаги к реализации на практике междуна-

³⁸ См.: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 9 декабря 1994г. Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право, т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90-94.

родных конвенций о борьбе с терроризмом, в том числе привести национальное законодательство в соответствие с ними.

В ст. 3 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³⁹ также обязывает участвующие в ней государства принимать меры, включая национальное законодательство, для того, чтобы терроризм, сепаратизм и экстремизм ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию на основе исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного либо иного аналогичного характера и были наказуемы с учётом степени их тяжести.

В ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма⁴⁰, закреплено, что стороны принимают необходимые меры для признания публичного подстрекательства к совершению террористического преступления, когда оно совершается незаконно и умышленно, уголовно наказуемым деянием в рамках своего национального законодательства⁴¹.

В этой Конвенции под публичным подстрекательством к совершению террористического преступления понимаются действия по распространению либо иному представлению какого-либо обращения к общественности, направленного на побуждение к осуществлению данного преступления, если такое поведение, вне независимо от того, пропагандирует оно непосредственно террористические преступления, создаёт опасность совершения одного или нескольких из них.

В российском уголовном законе данное международно-правовое положение было воспринято посредством введения в Особенную часть УК РФ статьи 205² об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. В этой

³⁹ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

⁴⁰ См.: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (СЕТС № 196) (Варшава, 16 мая 2005г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. №9. С. 30-57.

⁴¹ См.: Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // Lex russica. 2014. № 9. С. 1061-1069.

норме криминализировано такое обращение к широкому, неограниченному кругу лиц, которое хотя и не склоняет их к совершению конкретного преступления террористической направленности, однако определённым образом воздействует на их мотивационную сферу, создавая тем самым опасность совершения одного или нескольких уголовно наказуемых деяний данной направленности. Если же говорить о склонении к конкретным преступлениям, которое осуществляется в отношении определённых лиц и не обязательно публично, то соответствующее поведение изначально запрещено УК РФ, поскольку оно представляет собой такой вид соучастия в преступлении, как подстрекательство к его совершению.

В ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма приводится определение понятия вербовки террористов, раскрываемое через действия по привлечению кого-либо к осуществлению или участию в осуществлении террористического преступления либо к присоединению к какому-либо объединению (группе) для содействия совершению этим объединением (группой) одного или более террористических преступлений.

По УК РФ вербовка или иное вовлечение других лиц в совершение преступлений террористической направленности может содержать состав содействия террористической деятельности (части 1, 1¹ или 2 ст. 205¹ УК РФ), а вовлечение в совершение акта международного терроризма – состав преступления, предусмотренный ст. 361 УК РФ. Считаем, что термин «вербовка», рекомендованный Европейской конвенцией, в составах преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, приобрёл несколько отличающуюся смысловую нагрузку, поскольку обозначается в них как разновидность деяния, охватываемого термином «вовлечение», также содержащимся в данной уголовно-правовой норме. Между тем вербовка, как это вытекает из ст. 6 рассматриваемой Конвенции, не связана с подстрекательством к преступлению, проявляющимся именно в вовлечении кого-либо в преступную деятельность, то есть побуждении к этому. Вербовка же, на наш взгляд, ориентирована на тех лиц, которые уже имеют умысел на участие в террористической

деятельности, и в их отношении совершаются действия, которые можно признать сходными с наймом для осуществления такой противоправной деятельности.

В Дополнительном протоколе к данной Конвенции⁴², подписанном Россией 15 июля 2017 г.⁴³, в частности, регламентированы положения, касающиеся введения в национальное законодательство государств-участников этого Протокола уголовно-правовых запретов, касающихся следующих деяний:

1) участие в объединении или группе в целях совершения либо содействия совершению одного или нескольких террористических преступлений таким объединением или группой (ст. 2);

2) подготовка террористов, понимаемая как инструктирование, в том числе получение знаний либо практических навыков от другого лица относительно вопросов изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ либо относительно вопросов использования других определённых методов или приёмов с целью совершения или содействия совершению террористического преступления (ст. 3);

3) поездка в другое государство в целях совершения террористического преступления (ст. 4);

4) финансирование указанной выше поездки (ст. 5);

5) организация таких поездок или иное содействие таковым (ст. 6).

Отметим, что положения, содержащиеся в статьях 2 и 3 Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (далее – Дополнительный протокол), в которых указывается необходимость

⁴² См.: Дополнительный Протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 217) (Рига, 22 октября 2015г.) // Официальный сайт Совета Европы: URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217/> (дата обращения: 16.06.2017).

⁴³ См.: Распоряжение Президента РФ от 5 июля 2017г. № 245-рп «О подписании Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 28. Ст. 4132.

криминализации участия в объединении или группе в целях терроризма, а также прохождения террористической подготовки, учтены в статьях 205³, 205⁴ и 205⁵ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организацию террористического сообщества и участие в нём, организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности террористической организации.

Относительно необходимости установления уголовной ответственности за осуществление поездки в другое государство в целях совершения террористического преступления Российская Федерация при подписании Дополнительного протокола выступила с заявлением, в котором указала, что согласно УК РФ действия, предусмотренные статьёй 4 Дополнительного протокола, продолжают рассматриваться как приготовление к определённому преступлению террористической направленности или покушение на него и в этом качестве повлекут за собой уголовную ответственность.

Применительно к вопросу о необходимости криминализации таких действий, как финансирование указанных поездок, их организация и иное содействие им, предусмотренных статьями 5 и 6 Дополнительного протокола, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма»⁴⁴ указывается на целесообразность формулирования дополнительного заявления о том, что финансирование поездки за границу в целях терроризма (статья 5 Дополнительного протокола) и организация или содействие каким-либо иным способом поездке за границу в целях терроризма (статья 6 Дополнительного протокола) влекут ответственность в Российской Федерации как за соучастие в приготовлении или покушении на совершение преступления террористической направленности.

⁴⁴ См.: Проект федерального закона «О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Официальный сайт МИД России: URL: http://www.mid.ru/ru/activity/legislation_documents (дата обращения: 15.11.2017).

Поддерживая целесообразность такого дополнительного заявления, полагаем возможным обратить внимание на то, что финансирование поездок в другое государство в целях совершения террористических преступлений, их организация или иное содействие им могут содержать признаки составов преступлений, предусмотренных статьёй 205¹ УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности.

Отметим, что вопросы противодействия регламентированы и в других международно-правовых актах, детально изученных в различных научных исследованиях: в Международной конвенция о борьбе с захватом заложников⁴⁵, Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом⁴⁶, Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма⁴⁷ и др. В данных документах подчёркивается недопустимость оправдания терроризма какими-либо обстоятельствами или основаниями, а также необходимость обеспечения неотвратимости уголовной ответственности лиц, виновных в совершении террористических преступлений⁴⁸.

Итак, ответственность за преступления террористической направленности по законодательству Российской Федерации регламентирована не только в соответствующих нормах, преимущественно расположенных в главе 24 УК РФ, но и в других нормативных правовых актах, в том числе международного уровня, принимаемых в ООН и на уровне Евросоюза⁴⁹. Междуна-

⁴⁵ См.: Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 99-105

⁴⁶ См.: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк 15 декабря 1997г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. №35. Ст. 3513.

⁴⁷ См.: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999г.) // Официальный сайт ООН, раздел «Конвенции и соглашения»: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 22.07.2017).

⁴⁸ См.: Епхийев О.М., Брциева З.Г., Моисеев А.В. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России // Российский следователь. 2017. № 16. С. 30.

⁴⁹ См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2012. С. 7-8.

родно-правовая основа данных деяний выступает одним из главных критериев (оснований) их криминализации.

Законодательство о противодействии терроризму, в том числе уголовный закон, весьма динамично, о чём, в частности, свидетельствуют изменения, произведённые в конце декабря 2017 г.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 501-ФЗ были внесены изменения в статьи 205¹, 205² и 361 УК РФ. Первая из данных уголовно-правовых норм была дополнена частью 1¹, в которую из ч. 1 в отдельный состав были выделены деяния в виде склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 этого УК, а равно вооружения или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из данных деяний. Также в новую часть 1¹ ст. 205¹ УК РФ были выделены действия, относящиеся к финансированию терроризма.

В ч. 1 ст. 205¹ УК РФ в новой редакции была сохранена ответственность за те же деяния, за исключением финансирования терроризма, но совершённые применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 205², частями 1 и 2 ст. 206, ст. 208, частями 1-3 ст. 211, статьями 220, 221, 277, 279 и 360 этого УК. При этом ни в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, ни в диспозиции её ч. 1¹ не было указано преступление, предусмотренное ст. 361 этого УК. Кроме того, ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, усиливающая наказание при совершении преступления лицом с использованием служебного положения, стала распространяться на действия, запрещённые частями 1 и 1¹ данной статьи УК, причём наиболее строгим наказанием в санкциях ч. 1¹ и ч. 2 рассматриваемой уголовно-правовой нормы в настоящее время предусмотрено пожизненное лишение свободы.

Указанные изменения и дополнения ст. 205¹ УК РФ ещё более нарушили принцип системности права, поскольку внесли явный диссонанс в соотношение строгости наказания за совершение террористического акта или другого преступления террористической направленности, с одной стороны, и

за умышленное создание условий для их осуществления, пусть и оформленного в виде самостоятельного уголовно наказуемого деяния, – с другой.

Так, на практике могут возникать парадоксальные ситуации, когда лица, совершившие террористический акт, в том числе при квалифицирующих обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 205 УК РФ (например, в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы), будут подвергнуты менее строгому наказанию, чем те, кто содействовал им в этом.

Этим же Федеральным законом были внесены изменения в ст. 205² УК РФ, в которой стала предусматриваться ответственность не только за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, но и за пропаганду последнего. В новом примечании 1¹ к данной статье УК РФ приведено определение такой пропаганды, понимаемой как «...деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». По сути, в этом определении речь идет о разновидности публичного оправдания терроризма, изначально запрещённого данной уголовно-правовой нормой, что ставит под сомнение необходимость внесения изменений в ст. 205² УК РФ.

В диспозиции ч. 2 ст. 361 УК РФ, изложенной в новой редакции, расширена формулировка определения содействия акту международного терроризма по аналогии с общим определением содействия террористической деятельности, изложенным в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ. Такое изменение уголовного закона подтверждает то, что ст. 361 УК РФ представляет собой излишний, дублирующий уголовно-правовой запрет, поскольку без этой нормы предусматриваемые ею деяния охватывались бы статьями 205 и 205¹ УК РФ при отсутствии дополнительной конкуренции с новым уголовно-правовым запретом.

Федеральным законом от 31 декабря 2017г. № 501-ФЗ внесены изменения в статьи 205 и 207 УК РФ.

В диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ произведено сужение целей угрозы совершения взрыва, поджога и других подобных действий за счёт указания только одной из них – воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. То есть если реальная угроза совершения взрыва и т.п. была направлена на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций, но не на воздействие на принятие ими решений, и не сопряжена с устрашением убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, равно как с требованием передать имущество или право на имущество, то состав преступления будет отсутствовать. Следовательно, в данном случае наблюдается необоснованное послабление в противодействии терроризму и очередное отступление от принципа системности уголовно-правового регулирования.

На изменениях, внесённых в ст. 207 УК РФ, мы остановимся в следующем параграфе и в первом параграфе главы 3 диссертации, здесь же отметим, что в данном случае, в противовес направленности соответствующей законодательной инициативы также произошла частичная декриминализация заведомо ложных сообщений об актах терроризма, так как в диспозицию ч. 1 указанной выше нормы был введён ранее отсутствовавший в ней субъективный конститутивный признак – хулиганские побуждения. В ч. 3 данной статьи УК РФ вместо хулиганских побуждений указывается цель – дестабилизация деятельности органов власти. Следовательно, если виновный действует с иными целями, а равно с другими побуждениями, не относящимися к хулиганским, то его заведомо ложное сообщение также оказывается вне уголовно-правового запрета. То есть здесь также наблюдается послабление в борьбе с преступлениями, близкими к террористической деятельности. Например, если лицо, сообщившее заведомо ложную информацию о теракте, будет утверждать, что сделало это из корыстных побуждений либо из личной неприязни, и его слова не удастся опровергнуть в ходе производства по уголовному делу, то оно избежит уголовной ответственности.

Также применительно к новой редакции ст. 207 УК РФ отметим, что законодателем, помимо прочего, не принято во внимание, что согласно ч. 1 ст. 53¹ этого УК принудительные работы могут назначаться только в качестве альтернативы лишению свободы и исключительно в случаях, когда такая альтернатива предусмотрена в соответствующей норме Особенной части УК, поэтому необоснованным видится указание в санкции ч. 1 рассматриваемой уголовно-правовой нормы принудительных работ при отсутствии в ней наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, изменения и дополнения, внесенные в статьи 205, 205¹, 205², 207 и 361 УК РФ Федеральными законами от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ и от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ, не являются научно обоснованными, осуществлены с отступлениями от принципов системности права и справедливости уголовной ответственности, при этом они не способствуют повышению эффективности противодействия терроризму, а лишь могут затруднить его.

В завершение настоящего параграфа диссертации отметим ещё одну уголовно-правовую особенность преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, и состоящую в наличии в большинстве соответствующих уголовно-правовых норм примечаний, в которых содержатся специальные условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Такие специальные условия предусмотрены в статьях УК РФ об ответственности за террористический акт (примечание к ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (примечание 2 к ст. 205¹ УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (примечание к ст. 205³ УК РФ), организацию террористического сообщества и участие в нём (примечание 1 к ст. 205⁴ УК РФ), организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (примечание к ст. 205⁵ УК РФ), захват за-

ложника (примечание к ст. 206 УК РФ), организацию незаконного вооружённого формирования или участие в нём (примечание к ст. 208 УК РФ).

Как видим, большинство специальных случаев освобождения от уголовной ответственности предусмотрено относительно деяний, которые, по сути, создают условия для осуществления террористической деятельности, вовлекают в неё или иным образом содействуют таковой (статьи 205¹, 205² и 205³ УК РФ), или представляют собой длящиеся преступления (статьи 205⁴, 205⁵, 206 и 208 УК РФ). В примечаниях к статьям Особенной части УК РФ первой группы специальные условия освобождения от уголовной ответственности направлены на то, чтобы раскаявшееся лицо не допустило совершения преступления террористической направленности, в которое оно вовлекало других людей, финансировало его или иным образом содействовало ему, а равно способствовало раскрытию таких преступлений и выявлению лиц, принимавших в них участие. Относительно же длящихся преступлений террористической направленности специальные условия освобождения от уголовной ответственности ориентированы на прекращение соответствующего преступного состояния по воле самих виновных лиц, освобождение захваченных или удерживаемых потерпевших, сдачу имеющегося оружия. При этом непременным условием применения примечаний к статьям Особенной части УК РФ является отсутствие в содеянном иного состава преступления, при наличии которого полное освобождение от уголовной ответственности не допускается.

Среди всех перечисленных выше специальных случаев освобождения от уголовной ответственности особняком стоит примечание к ст. 205 УК РФ, анализ которого позволяет выделить несколько проблемных моментов.

Во-первых, буквальное толкование этого примечания указывает на то, что оно касается только случаев совершения террористического акта в соучастии, когда лицо, участвовавшее в подготовке этого преступления, совершает позитивные действия, направленные на недопущение доведения теракта до конца.

Во-вторых, используя тот же приём толкования уголовного закона, приходим к выводу, что на момент совершения указанных позитивных действий террористический акт ещё не должен быть осуществлён, то есть лицо пытается не допустить совершение взрыва, поджога и т.п. Данное обстоятельство не позволяет отнести рассматриваемое примечание к специальным случаям деятельного раскаяния, представляющего собой позитивное постпреступное поведение, направленное на минимизацию причинённого вреда и (или) способствование раскрытию и расследованию соответствующего и других преступлений. То есть, по сути, здесь речь идёт о добровольном отказе от доведения преступления до конца, что по общему правилу исключает уголовную ответственность, а не освобождает от неё (ст. 31 УК РФ).

В-третьих, из содержания примечания к ст. 205 УК РФ не вполне ясно, должно ли данное лицо обязательно предотвратить доведение террористического акта до конца, или же ему достаточно принять своевременные и необходимые меры, направленные на его предотвращение. При буквальном прочтении этого примечания и его логическом толковании можно заключить, что законодатель не связывает его применение с обязательным предотвращением теракта. Исходя из этого, перечисленные условия в наибольшей степени схожи с регламентацией добровольного отказа от доведения преступления до конца, относящиеся к пособнику (ч. 4 ст. 31 УК РФ).

В связи с изложенными обстоятельствами полагаем, что примечание к ст. 205 УК РФ не соответствует требованиям правовой определённости и системности уголовно-правового регулирования общественных отношений, поскольку его содержание в большей степени относится не к институту освобождения от уголовной ответственности, а к добровольному отказу от доведения преступления до конца, который, как следует из содержания ст. 31 УК РФ, исключает уголовную ответственность. Вместе с тем в отличие от ст. 75 УК РФ о деятельном раскаянии, в ст. 31 УК РФ отсутствует оговорка о том, что в нормах Особенной части этого Кодекса могут быть предусмотрены какие-либо иные условия применения положений о добровольном отказе. Кро-

ме того, в любом случае, применение примечания к ст. 205 УК РФ будет означать ухудшение положения лица, которое добровольно отказалось от доведения преступления до конца, поскольку в соответствии со ст. 31 УК РФ оно вообще не должно было привлекаться к уголовной ответственности.

По нашему мнению, приведенные обстоятельства свидетельствуют о целесообразности и даже необходимости признания примечания к ст. 205 УК РФ утратившим силу. Также отметим, что сходные замечания к содержанию примечания к ст. 205 УК РФ ранее приводились профессором Л.Д. Гаухманом⁵⁰.

Особенности уголовной ответственности за преступления террористической направленности, в том числе совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, состоят и в повышенной строгости мер принуждения, предусмотренных за их совершение и являющихся исключением из общих правил назначения наказания и освобождения от него либо уголовной ответственности.

В Общей части УК РФ предусмотрены следующие положения, прямо или косвенно усиливающие уголовную ответственность по отношению к лицам, совершившим данные деяния:

1) в ч. 2 ст. 20 УК РФ установлен пониженный четырнадцатилетний возраст за преступления, предусмотренные статьями 205, 205³, 205⁴ (ч.2), 205⁵ (ч.2), 206, 208 (ч.2), 211, 277, 360 и 361 УК РФ;

2) в ч. 5 ст. 56 УК РФ перечислены виды преступлений террористической направленности (том числе, предусмотренные статьями 205-205⁵ УК РФ), в отношении которых максимальный срок лишения свободы при наличии в совершённой совокупности преступлений хотя бы одного такого деяния может быть доведён судом путём частичного или полного сложения до 30 лет, а при совокупности приговоров – до 30 лет;

⁵⁰ См.: Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5-7.

3) в ч 1 ст. 57 УК РФ установлено, что пожизненное лишение свободы может быть предусмотрено уголовным законом и назначено за особо тяжкие преступления против общественной безопасности, к которым относится ряд преступлений террористической направленности (за террористический акт и захват заложника, повлекшие умышленное причинение смерти, организацию совершения преступлений террористической направленности, указанных в ч. 4 ст. 205¹ УК РФ, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, акт международного терроризма, предусмотренный частями 1 и 3 ст. 361 УК РФ);

4) в п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено отягчающее обстоятельство в виде совершения преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

5) в ч. 3 ст. 64 УК РФ указан запрет на исключительное снижение наказания за перечисленные в ней преступления террористической направленности, в том числе предусмотренные статьями 205-205⁵ УК РФ;

6) в п. а¹ ч. 1 ст. 73 УК РФ установлен запрет на применение условного осуждения к лицам, признанным виновными в совершении определённых видов преступлений террористической направленности, включая деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 205¹ и ст. 205⁴ УК РФ;

7) в ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК РФ указано, что сроки давности уголовной ответственности и обвинительного приговора суда не применяются к осуждённым за перечисленные в них преступления террористической направленности, в том числе деяния, запрещённые статьями 205, 205¹, 205³, 205⁴ и 205⁵ УК РФ;

8) в ч. 5 ст. 92 УК РФ предусмотрен запрет на освобождение несовершеннолетних, совершивших определённые виды преступлений средней тяжести и тяжких преступлений, в том числе деяния террористической направ-

ленности, включая те, что предусмотрены ч. 1 ст. 205¹, ст. 205² и ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ;

9) пункты «а», «б» и «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ распространяют применение конфискации на деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате определённых преступлений, в том числе имеющих террористическую направленность, а также любые доходы от этого имущества или то имущество, в которые они были преобразованы, или предназначенные для финансирования терроризма или экстремистской деятельности, незаконного вооружённого формирования.

Среди данных положений, наибольшие вопросы вызывает включение в санкции большого количества статей Особенной части УК РФ о преступлениях террористической направленности такого наказания, как пожизненное лишение свободы и соответствующие ему сроки альтернативного наказания – лишения свободы. Часть данных преступлений не связана не только с посягательством на жизнь человека, но и с причинением каких-либо последствий в целом, представляя собой выделение в самостоятельные составы подготовительной криминальной деятельности (например, создание террористического сообщества или организация деятельности экстремистской организации). Наиболее ярко эта проблема проявляется в санкции ст. 205³ УК РФ об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, включающую лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 до 2 лет или пожизненное лишение свободы. Эта норма распространяется только на лиц, проходящих такое обучение, тогда как обучающие их лица, совершающие более опасные действия, подлежат ответственности по ч. 1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, последней из которых наказание не превышает 15 лет лишения свободы. Более того, обучающееся лицо только готовится к террористической деятельности, но уже может понести наказание, более строгое, чем тот, кто уже совершил убийство или террористический акт при отягчающих обстоятельствах. Считаем, что такой подход законодателя к регламентации наказания за преступления тер-

рористической направленности изначально противоречит основополагающему принципу справедливости и нуждается в существенных изменениях, основанных на научно обоснованных предложениях. Со своей стороны, предлагаем установить наказание за деяния, которые по своей сущности представляют приготовление к различным преступлениям террористической направленности, не более строгое, чем половина срока лишения свободы, предусмотренного за наиболее тяжкое из преступлений, к совершению которых может готовиться соответствующее лицо. Такой максимальной чертой для наказания за деяния, создающие условия для непосредственного осуществления террористической деятельности должен стать срок лишения свободы, равный 10 годам – половине от наиболее строгого наказания за террористический акт без учёта пожизненного лишения свободы. В пользу данного предложения свидетельствует и тот факт, что такое лицо дополнительно несёт ответственность за все конкретные преступления (оконченные и неоконченные), которые оно совершит на основе полученной «террористической» подготовки или будучи участником террористического сообщества или террористической организации. Реализация нашего предложения устраним сомнения в обоснованности и справедливости ситуаций, при которых, в частности, лицо, совершившее более опасные подготовительные действия к террористическому акту или иному тяжкому или особо тяжкому преступлению, потенциально может понести менее строгую ответственность, по сравнению с тем, кто лишь приступил к обучению в целях осуществления террористической деятельности.

Наше предложение поддержали 53,58% респондентов из числа судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и сотрудников оперативных подразделений, а также 73,02% научно-педагогических работников.

Завершая настоящий параграф, приведём основные выводы.

1. Преступления террористической направленности обладают рядом уголовно-правовых особенностей, позволяющих выделить данные деяния в

относительно самостоятельную группу, провести их разграничение между собой и отграничение от иных, смежных с ними составов преступлений. Особенности уголовной ответственности за данные преступления проистекают из повышенного уровня их общественной опасности, что отражается законодателем не только в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ, но и в положениях его Общей части, регламентирующих назначение наказания, условное осуждение, отдельные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

2. Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в процессе непосредственного выполнения объективной стороны преступления является типичным для трёх деяний террористической направленности: содействия террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ) и прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ). Публичность свойственна осуществлению только одного из данных преступлений, для которого этот признак предусмотрен в самой уголовно-правовой норме, - для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ). Содействие террористической деятельности и прохождение обучения в целях её осуществления не всегда протекают в открытой, публичной обстановке, поэтому соответствующий признак обоснованно не предусмотрен в диспозициях статей 205¹ и 205³ УК РФ.

3. Все преступления террористической направленности разделены нами на две группы в зависимости от уголовно-правового и криминалистического значения использования при их совершении электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Первая группа преступлений террористической направленности состоит из деяний, для которых использование таких сетей является типичным для

непосредственного осуществления их объективной стороны (содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности). Внутри этой группы выделяется преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, в ч. 2 которой в качестве альтернативного квалифицирующего признака указано совершение предусмотренных ею публичных действий с использованием электронных или электронно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Вторую группу рассматриваемых преступлений террористической направленности составляют те общественно опасные деяния, для которых использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей не является типичным, но может иметь место на практике в процессе приготовления к ним или (и) осуществления вспомогательных (обеспечительных) действий в процессе выполнения их объективной стороны. В отдельных случаях совершения преступлений второй группы электронные или информационно-телекоммуникационные сети могут применяться для выполнения их объективной стороны (например, террористический акт в форме угрозы совершить взрыв, поджог и т.п. (ст. 205 УК РФ) и аналогичное деяние, но совершённое при обстоятельствах, позволяющих отнести его к разновидности акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

4. Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей придаёт данным деяниям определённые специфические черты, в том числе уголовно-правового характера, поскольку их совершение подобным способом предполагает особенности моментов их начала и окончания, а также отражается на содержании объективной и субъективной сторон данных преступлений.

5. Уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемые преступления нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе в направлении устранения противоречий между нормами Общей и Особой

частей УК РФ, регламентирующих институты соучастия в преступлении и освобождения от уголовной ответственности, а также с соблюдением принципов системности, правовой определённости и справедливости формируемых уголовно-правовых запретов в области противодействия терроризму, в том числе его проявлениям, осуществляемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

§2. Объективные признаки составов преступлений террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Состав преступления представляет собой предусмотренную уголовным законом совокупность (систему) объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как определённое преступление. Наличие в деянии всех признаков состава преступления, установленных уголовным законом, является основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Кроме того, состав выступает юридической основой для квалификации преступлений, а содержащиеся в нём признаки – критериями для дифференциации уголовной ответственности⁵¹.

Объективные признаки преступления рассредоточены по таким элементам состава как объект и объективная сторона.

Нами поддерживается преобладающая в доктрине уголовного права концепция, согласно которой объект преступления рассматривается как охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает преступление, нарушает их и причиняет существенный вред или создаёт реальную угрозу причинения вреда⁵². При этом объект принято делить «по

⁵¹ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и дополн. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 32-33.

⁵² См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. - М.: Госюриздат, 1957. С.124; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.:

вертикали» на общий, родовой, видовой и непосредственный, а последний – «по горизонтали» - на основной, дополнительный и факультативный.

Поскольку большинство статей об ответственности за преступления террористической направленности (статьи 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 205⁶, 206, 208, 211, 220 и 221) распложены в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» можно говорить об общности их родового и видового объектов. Первым из них выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, а вторым – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Три преступления террористической направленности предусмотрены статьями 277, 278 и 279 главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти», а оставшиеся два (статьи 360 и 361) – в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» одноимённого раздела XII. Если первые три преступления своим родовым объектом имеют общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти, то последние два – общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества, что в данном случае совпадает с их видовым объектом. Для преступлений, предусмотренных статьями 277, 278 и 279 УК РФ, таким объектом являются общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасность государства.

Выступая 19 октября 2017г. на международной научно-практической конференции, посвящённой противодействию терроризму и экстремизму, Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин отметил, что сегодняшний мир очень хрупок, поэтому достаточно совершить серию террори-

стических актов для того, чтобы безвозвратно нарушить его безопасность. В связи с этим преступления, имеющие террористическую и экстремистскую направленность, постепенно перерастают в новое качество, переходят на новый уровень общественной опасности, поскольку начинают угрожать всему миру и безопасности человечества. Также он охарактеризовал природу современного терроризма, представляющего собой не столько деяние отдельного человека или группы лиц, сколько явление глобального масштаба. Поэтому требуется исключить «беспоощадную толерантность», уточнить, что норма права есть в первую очередь «право человеческого рода на достойное выживание, а не искусственное ведение к гибели человеческой цивилизации»⁵³.

В настоящее время необходимо иметь в виду, что преступления террористической направленности могут нарушать общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества, причём это относится не только к деяниям, запрещённым статьями 360 и 361 УК РФ об ответственности за нападения на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой, и международный акт терроризма, но и к другим посягательствам данной группы, в том числе к террористическому акту, содействию террористической деятельности, публичным призывам к осуществлению террористической деятельности или публичному оправданию терроризма и т.д. Нарушение данных общественных отношений происходит в том числе и вследствие активного использования террористами широких возможностей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего, сети «Интернет», посредством которых виновные организуют террористические группы, сообщества и организации, руководят их деятельностью и вовлекают в неё новых членов. Это обеспечивает разрастание таких преступных объединений и осуществляемой ими общественно опасной деятельности до транснациональных, международных масштабов.

⁵³ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации: URL: <http://sledcom.ru/news/item/1173065> (дата обращения: 20.10.2017).

Для преступлений террористической направленности, предусмотренных статьями главы 24 УК РФ, основным непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности⁵⁴. Различия между данными преступлениями по данному элементу их составов, как правило, следует проводить с учётом особенностей нарушаемых ими дополнительных объектов, в том числе их сочетания.

Например, террористический акт дополнительно посягает на общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека, собственность; захват заложника – на свободу личности, её жизнь и здоровье.

Поскольку ряд таких преступлений или их отдельных проявлений заключается в выражении угрозы совершить те действия, с которыми, прежде всего, связывают террористическую деятельность (взрывы, поджоги и т.п.), либо в содействии такой деятельности или ином умышленном создании условий для их осуществления, выходящими за общие рамки приготовления к ним, то в качестве нарушаемых при этом дополнительных объектов следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья человека, защищённость собственности и т.п.

Например, при содействии террористической деятельности, в том числе в формах пособничества либо организации, предусмотренных соответствующими частями статьи 205¹ УК РФ, под угрозу ставятся общественные отношения, обеспечивающие не только основы общественной безопасности, но и защищённость тех общественных отношений, которые относятся к дополнительным объектам тех преступлений, совершению которых содействовал виновный.

Если говорить о преступлениях террористической направленности, предусмотренных статьями 277, 278 и 279 УК РФ, то следует учитывать дуализм видового объекта деяний, предусмотренных в статьях главы 29 УК РФ,

⁵⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С. 584-585

включающего две группы взаимосвязанных общественных отношений, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя и безопасность нашего государства.

Так, основным непосредственным объектом посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства, а его дополнительным объектом альтернативно являются общественные отношения, обеспечивающие жизнь⁵⁵ (в случае причинения смерти) или безопасность жизни (при покушении на причинение смерти) потерпевшему, которым может быть только государственный или общественный деятель. Безопасность государства здесь нарушается вследствие посягательства на политическую систему Российской Федерации посредством убийства или покушения на убийство указанного потерпевшего.

Отметим, что мы не можем согласиться с мнением С.В. Дьякова и С.В. Токмакова, указавших в комментарии к ст. 277 УК РФ, что дополнительными непосредственными объектами посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля выступают как жизнь, так и здоровье личности⁵⁶. Действительно, данное преступление имеет усечённый состав и характеризуется альтернативным юридическим моментом своего окончания: с момента причинения потерпевшему смерти либо покушения на её причинение. Однако умысел виновного в данном случае, равно как и при убийстве, направлен именно на причинение смерти государственному или общественному деятелю, поэтому при любой степени реализации данного намерения дополнительным непосредственным объектом рассматриваемого преступления продолжает оставаться именно жизнь человека, а не его здоровье, причинение вреда которому должно расцениваться исключительно как этап осуществ-

⁵⁵ См.: Винокуров В.Н. Жизнь человека как объект преступления: система Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. № 12. С. 114-115.

⁵⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2017. С. 842

ляемого посягательства на более ценный объект – общественные отношения, обеспечивающие жизнь личности. На наш взгляд, более обоснованным в данном случае является признание телесной неприкосновенности или здоровья личности факультативным объектом преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, нарушаемого в отдельных случаях совершения данного деяния, когда оно не доведено до результата, к которому стремится виновный.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, может быть только государственный или общественный деятель. К государственными деятелям следует относить руководителей и других лиц, которые занимают высшие должности в системе государственной власти федерального или регионального уровней, и выполняют служебные функции, носящие выраженный политический характер (например, Президент России, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Председатель Правительства РФ, его заместители и федеральные министры, Председатели и судьи Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Генеральный прокурор РФ и его заместители, руководители государственных органов власти субъектов Российской Федерации, председатели конституционных (уставных), верховных и приравненных к ним судов субъектов РФ, прокуроры субъектов РФ). К общественными деятелями необходимо относить руководителей и активных членов политических партий, профессиональных и иных общественных объединений и образований федерального или регионального уровней, в том числе членов Общественной палаты Российской Федерации, общественных советов при Президенте РФ, Правительстве РФ, кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ или законодательного органа субъекта РФ, известных и влиятельных в обществе представителей культуры, науки, активно участвующие в политической жизни государства⁵⁷.

⁵⁷ См.: Седых А.В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Казань, 2007. С.8.

Преступление, предусмотренное ст. 278 УК РФ, направлено на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно на насильственное изменение конституционного строя России. То есть данное деяние, прежде всего, посягает на основы конституционного строя государства, одновременно нарушая и общественные отношения, обеспечивающие его безопасность.

Согласно ч. 4 ст. 3 Конституции РФ никто не может захватывать власть в Российской Федерации, при этом захват власти или присвоение властных полномочий преследуются согласно федеральному законодательству.

Если же рассматривать конституционный строй государства в целом, то в данном случае следует, прежде всего, обратиться к главе 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя», где, в частности, провозглашается, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ч. 1 ст. 1).

Поскольку в диспозиции ст. 278 УК РФ подчёркивается насильственный характер соответствующих действий, дополнительным непосредственным объектом данного преступления следует признать общественные отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность и здоровье личности.

В ст. 279 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию вооружённого мятежа, активное участие в нём, направленные на свержение или насильственное изменение конституционного строя России или нарушение её территориальной целостности.

В ч. 1 ст. 16 Конституции РФ указано, что основы конституционного строя могут быть изменены только в порядке, предусмотренном Основным законом, а в ч. 3 её ст. 4 - что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность её территории.

С учётом изложенного основным непосредственным объектом вооружённого мятежа выступают общественные отношения, обеспечивающие не только основы конституционного строя нашего государства, но и его безо-

пасность, которая с неизбежностью ставится под угрозу вследствие характера и направленности действий, совершаемых в рамках данного преступления.

П.В. Агапов по этому поводу справедливо отмечает, что вооружённый мятеж посягает на внутреннюю безопасность России в части незыблемости её конституционного строя и территориальной целостности, ставит под угрозу легитимность государственной власти. Характеризуя общественную опасность данного преступления и затрагивая его дополнительные объекты, данный автор также пишет, что в процессе совершения соответствующих действий может причиняться вред здоровью различной тяжести, а равно смерть обычным гражданам, сотрудникам правоохранительных органов и военнослужащим, охраняющим общественный порядок и обеспечивающим общественную безопасность, наноситься существенный имущественный ущерб, дезорганизовываться работа государственных и муниципальных органов власти, а равно деятельность различных предприятий, организаций, школ, детских садов, учреждений, наступать иные тяжкие последствия⁵⁸. Вместе с тем здесь следует уточнить, что в случае причинения смерти действия виновных подлежат дополнительной квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Преступления, предусмотренные статьями 360 и 361 УК РФ, непосредственно посягают на общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества, поскольку нападения на учреждения или лиц, пользующихся международной защитой, а равно совершение теракта вне пределов России при обстоятельствах, предусмотренных в указанных уголовно-правовых нормах, могут привести к осложнению международных отношений и возникновению военных конфликтов. Так, в ч. 2 ст. 360 УК РФ указана такая возможная цель нападения на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой, как стремление спровоцировать войну или осложнить

⁵⁸ См.: Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66.

международные отношения, а в ч. 1 ст. 361 УК РФ об ответственности за акт международного терроризма - желание нарушить мирное сосуществование государств и народов.

С.М. Кочои признаёт объектом международного терроризма общественные отношения, обеспечивающие международный правопорядок, а точнее – мир и безопасность человечества, то есть, по сути, указывает отношения, тождественные видовому объекту соответствующих преступлений⁵⁹. А.Г. Волеводз объектом международного терроризма признаёт, прежде всего внутригосударственные правоотношения и правопорядок, мир и безопасность⁶⁰. Представляется, что используемое данным автором понятие «внутригосударственные правоотношения» не отличается определённой и может быть использована при характеристике объекта практически любого уголовно наказуемого деяния. Кроме того, в рассматриваемом преступлении нарушаемыми в первую очередь общественными отношениями являются те, что обеспечивают именно неприкосновенность мир безопасности человечества.

Основы общественной безопасности в данных преступлениях переходят в статус второго обязательного непосредственного объекта. Кроме того, нападение на учреждения или лиц, пользующихся международной защитой, может дополнительно посягать на телесную неприкосновенность и здоровье таких лиц, равно как и других людей, находящихся в защищаемом учреждении в момент нападения на него, а также на отношения собственности (при повреждении или уничтожении имущества учреждения, которое пользуется международной защитой).

В диспозиции ч. 1 ст. 360 УК РФ указаны такие потерпевшие, как представитель иностранного государства или сотрудник международной организации, пользующийся международной защитой. На основе анализа междуна-

⁵⁹ См.: Кочои С.М. Терроризм в международном уголовном праве // Lex Russica. 2005. № 2. С. 305-306.

⁶⁰ См.: Волеводз А. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 134.

родных договоров и двухсторонних соглашений Российской Федерации в теории уголовного права выделяются следующие категории лиц, пользующихся международной защитой, которые могут являться потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ: 1) главы государств, официальные представители и должностные лица государств, пребывающие на территории другого государства; 2) дипломатический персонал (дипломатические агенты, административно-технический и обслуживающий персонал посольств, дипломатические курьеры, представители государств при международных организациях); 3) персонал международных организаций (прежде всего, должностные лица таких организаций); 5) консульский персонал (консулы, административно-технический и обслуживающий персонал консульств, консульские курьеры). Также предлагается отнести к таким потерпевшим близких родственников указанных лиц⁶¹, что, впрочем, вытекает из норм международного права⁶².

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 360 УК РФ нападение может совершаться на служебные или жилые помещения, транспортные средства указанных выше лиц. То есть международная защита того или иного помещения, транспортного средства, багажа и т.д. зависит от статуса лица, пользующегося международной защитой.

Акт международного терроризма, предусмотренный частями 1 и 3 ст. 361 УК РФ дополнительно может угрожать безопасности здоровья, жизни, свободы или неприкосновенности потерпевших, в качестве которых по мысли законодателя обязательно должны выступать граждане Российской Федерации, находящиеся на территории другого государства, где и совершается соответствующее преступление.

⁶¹ См., например: Сухарев Д.Л. Уголовная ответственность на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: Красноярск, 2003. С. 9.

⁶² См.: п. б) ст. 1 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973) // Действующее международное право. Т. 3. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 18-23.

По нашему мнению, учитывая родовой и видовой объекты преступления, предусмотренного ст. 361 УК РФ, а равно направленность данного деяния, сужение категории потерпевшего исключительно до граждан России, связано с заведомым значительным ограничением области применения данной уголовно-правовой нормы.

Представляется, что указание в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ только на граждан Российской Федерации как потерпевших от взрыва, поджога или иных опасных действий, совершаемых вне пределов России, проистекает из стремления законодателя следовать установленным правилам экстерриториального действия УК РФ в пространстве⁶³. Здесь частично принято во внимание содержание принципа гражданства и реального принципа действия российского уголовного закона в пространстве, закреплённых в частях 1 и 3 ст. 12 УК РФ, однако для полноты учёта соответствующих положений данного Кодекса следовало, на наш взгляд, как минимум, расширить категорию потерпевшего от международного акта терроризма посредством включения в неё ещё и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации. Вместе с тем, как это будет более подробно рассмотрено в дальнейшем изложении работы, введение данного уголовно-правового запрета нельзя признать научно обоснованным при наличии действующих норм главы 24 УК РФ, обеспечивающих охрану соответствующих общественных отношений.

Объективная сторона преступления в теории уголовного права понимается как совокупность установленных уголовным законом внешних признаков преступного поведения человека⁶⁴.

Объективная сторона конкретного состава преступления характеризуется определённым набором признаков: общественно опасное деяние (действие или бездействие), являющееся обязательным признаком

⁶³ См.: Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 93.

⁶⁴ См.: Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. С.18.

любого преступления; общественно опасное последствие и причинная связь как обязательные признаки в материальных составах преступлений; факультативные признаки: место, время, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления⁶⁵.

Как уже отмечалось в первом параграфе настоящей главы диссертации, рассматриваемые преступления террористической направленности на уровне их основных и квалифицированных составов характеризуются формальной конструкцией, предполагающей сведение момента окончания каждого из них к моменту совершения соответствующего общественно опасного деяния. Более того, такие преступления, как создание террористического сообщества или руководство им, организация деятельности террористической организации, участие в данных преступных объединениях (статьи 205¹ и 205² УК РФ), а также организация незаконного вооруженного формирования, руководство им или участие в нем (ст. 208 УК РФ), вовсе характеризуются усеченностью своих составов. В них момент окончания преступления перенесён на стадию, которая применительно к другим преступлениям рассматривалась бы только как приготовление к ним.

В составе посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) преступление вовсе имеет альтернативный момент окончания, причём первым, наиболее ранним из них является момент покушения на причинение смерти, а вторым, более поздним моментом - момент причинения смерти указанному потерпевшему. А.И. Рарог справедливо отмечает, что введение в уголовный закон понятия «посягательство на жизнь» и его использование при конструировании специальных составов убийства было направлено на обозначение не только убийства, но и покушения на него, что было обусловлено необходимостью усиленной защиты жизни и здоровья государственных и общественных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследования, а также сотрудников правоохранительных органов,

⁶⁵ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и дополн. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 356.

охраняющих общественный порядок и обеспечивающих общественную безопасность⁶⁶.

В отдельных составах преступлений террористической направленности предусмотрены общественно опасные последствия в виде их квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков (например, причинение значительного имущественного ущерба, смерти или иных тяжких последствий - пункты «б» и «в» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ). В таких составах преступлений объективная сторона включает три обязательных признака: общественно опасное деяние (в форме действий), общественно опасное последствие и причинную связь между ними.

Для тех преступлений террористической направленности, которые мы отнесли к первой группе в силу того, что использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», является для них типичным признаком объективной стороны их составов, свойственна только одна конструкция последней – формальная. То есть юридический момент окончания таких преступлений связан с совершением соответствующего общественно опасного деяния, которое может быть осуществлено исключительно в форме действий.

Предваряя анализ объективной стороны преступлений террористической направленности, входящих в первую группу, охарактеризуем такой значимый признак, как использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Отметим, что этот признак имеет бланкетный характер, поэтому для его раскрытия необходимо обратиться к нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности. Так, ряд определений, имеющих значение для его правильного понимания, содержится в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о

⁶⁶ См.: Парог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 53.

защите информации»⁶⁷. Приведём основные определения данного Закона, которые следует учитывать при толковании и последующем применении рассматриваемых уголовно-правовых норм:

1) информационно-телекоммуникационная сеть - технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники;

2) предоставление информации - действия, направленные на получение информации определённым кругом лиц или передачу информации определённому кругу лиц, тогда как распространение информации направленно на получение информации неопределённым кругом лиц или передачу информации неопределённым кругом лиц;

3) электронное сообщение - информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети.

По охвату аудитории, назначению и техническим особенностям сети подразделяются на глобальные (Wide Area Network), распространяющиеся огромные площади, в том числе на весь мир, и локальные (Local Area Networks), которые географически расположены в одном месте, применяются на ограниченной территории (в рамках одного здания, офиса и т.п.).

Изучение уголовных 146 уголовных дел о преступлениях террористической направленности, в том числе о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма, не выявило ни одного факта применения при их совершении каких-либо иных сетей, кроме сети «Интернет», опрос судей и представителей других правоприменительных органов, а также научно-педагогических работников также не позволил обнаружить такие примеры. Кроме того, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологи-

⁶⁷ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017) // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 30.07.2017.

ях и о защите информации» также указываются не электронные, а информационно-телекоммуникационные сети. То есть приводимое в настоящее время в диспозициях ч 2 ст. 205² и 280¹ УК РФ указание на использование не только информационно-телекоммуникационных, основным видом которых является сеть «Интернет», но ещё и электронных сетей не основывается на законодательстве в области информационного права и не вытекает из имеющейся правоприменительной практики, её актуальных потребностей и тенденций. Вместе с тем, учитывая быстрое развитие информационных технологий, представляется, что указание в уголовно-правовой норме не только на информационно-телекоммуникационные, но ещё и электронные сети, обеспечивает адаптационную ёмкость уголовного закона, то есть возможность его применения в будущем без корректировки текста, несмотря на последующие изменения общественных отношений и расширение видов средств, используемых при осуществлении террористической деятельности.

Уголовный закон уравнивает в рассматриваемом квалифицирующем признаке использование средств массовой информации и электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, что является вполне обоснованным с позиции сопоставимого повышения степени публичности соответствующих действий.

Отметим, что в настоящее время практически все средства массовой информации, будь то телевизионный канал, газета, журнал или радиопередача, помимо присущих им форм и средств распространения информации, одновременно задействуют и ресурсы сети «Интернет», где можно увидеть, услышать или прочитать всё то же самое, что имеет место в соответствующем эфире или издании. Вместе с тем определённые сайты получают статус средств массовой информации, а другие нет, если таковые не отвечают требованиям, предъявляемым законодательством к таким средствам.

Пленум Верховного Суда РФ в пунктах 21 и 21¹ постановления «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» применительно к ч. 2 ст. 205² УК РФ де-

тализируется момент окончания данного преступления в зависимости от того, используют ли виновные средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети. Как указывает Пленум, преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205² УК РФ, совершаемые с использованием средств массовой информации, следует признавать оконченными с момента распространения продукции СМИ (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию). Если те же деяния совершаются путём массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам.

Средства массовой информации определяются в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» посредством раскрытия объёма данного понятия, к которому относятся периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации, при этом под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы⁶⁸.

В п. 6 постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»⁶⁹ разъясняется, что лица, нарушившие законодательство при распространении массовой информации через сайты в

⁶⁸ См.: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

⁶⁹ См.: Российская газета. 2010. 18 июня.

сети «Интернет», которые не зарегистрированы в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в соответствии с российским законодательством без учёта особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации.

Согласно ст. 1 Закона РФ «О средствах массовой информации» свобода массовой информации предполагает, в том числе право любого лица на учреждение средства массовой информации в любой форме, не запрещенной законом. Создание сайтов в сети «Интернет» и использование таковых для периодического распространения массовой информации законодательством не запрещено, и в соответствии с ч. 1 ст. 13 этого Закона, регистрирующий орган не имеет права на отказ в регистрации сайта сети «Интернет» в качестве СМИ.

В дальнейшем изложении настоящего параграфа охарактеризуем объективную сторону отдельных преступлений террористической направленности, и начнём с их первой группы, для которых использование электронных или информационных сетей является типичным фактическим обстоятельством их совершения.

К таким преступлениям, в частности, относятся деяния, предусмотренные ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности», включающей три самостоятельных состава преступления, различающихся между собой, прежде всего, признаками объективной стороны.

Объективная сторона первого из данных составов описана в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ посредством указания на следующие альтернативные общественно опасные действия, способствующие совершению преступлений, предусмотренных статьями ст. 205², частями 1 и 2 ст. 206, ст. 208, частями 1-3 ст. 211, статьями 220, 221, 277, 279 и 360 этого УК:

1) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из указанных преступлений;

2) вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из данных преступлений.

В ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ установлена более строгая ответственность за те же действия, касающиеся преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 этого УК.

Кроме того, в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ предусмотрена ответственность и за финансирование терроризма, под которым в примечании 1 к данной уголовно-правовой норме понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

По своей социально-правовой сущности вовлечение в совершение каких-либо преступлений представляет собой подстрекательство к осуществлению последних, тогда как вооружение или иная подготовка другого лица к совершению тех или иных уголовно наказуемых деяний – пособничество в их совершении, заведомо конкурирующее не только с соответствующим видом соучастия в преступлении, но и с деянием, предусмотренным ч. 3 этой же нормы, запрещающей пособничество в террористическом акте (ст. 205 УК РФ), захвате заложника при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 206 УК РФ) или создании незаконного вооружённого формирования, руководстве им или его финансировании (ч. 1 ст. 208 УК РФ).

Полагаем, что финансирование терроризма, как оно определено в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, также, по сути, является разновидностью пособничества в преступлениях, выводимых из его законодательного определения, и находит-

ся в той же конкуренции. Помимо этого, финансирование терроризма, как следует из его законодательного определения, конкурирует с составом преступления, предусмотренным ч. 1 ст. 208 УК РФ, где, в частности, предусмотрена ответственность за финансирование незаконного вооружённого формирования.

Если же обратиться к ч. 4 ст. 205¹ УК РФ, то в ней также продолжено направление на выделение видов соучастия в преступлении в самостоятельные уголовно наказуемые деяния. В данном случае в самостоятельный состав преступления выделена организация хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, частями 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство его совершением, а равно организация финансирования терроризма.

Законодатель не вкладывает в преступления, предусмотренные ч. 3 и ч. 4 данной уголовно-правовой нормы, какой-либо иной смысл, отличный от корреспондирующих с ними видов соучастия в преступлении, что, в частности, вытекает из определения пособничества⁷⁰, которое приводится в примечании 1¹ к ст. 205¹ УК РФ и полностью повторяет содержание ч. 5 ст. 33 УК РФ, регламентирующей понятие пособника преступления. Это также вытекает из содержания новых пунктов 17¹ и 17² постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2017) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Например, в абз. 2 п. 17² данного постановления Пленума подчёркивается, что организация совершения или руководство совершением иного преступления террористической направленности, не указанного в диспозиции ч. 4 ст. 205¹ УК РФ, в том числе организация осуществления других видов содействия террористической деятельности, квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на

⁷⁰ См.: Москвичев А.А. Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество // Общество и право. 2016. № 4. С. 63-68.

ч. 3 ст. 33 УК РФ, за исключением случаев, когда такие действия осуществлены участником организованной группы.

В отличие от института соучастия, положения ст. 205¹ УК РФ не позволяют дифференцировать ответственность подстрекателя, пособника и организатора в зависимости от того, какому конкретному деянию исполнителя содействовало соответствующее лицо, окончено или нет преступление, совершённое последним, какое количество людей вовлекалось виновным в преступления террористической направленности (одно или несколько определённых лиц, либо неограниченный круг людей).

Изложенные обстоятельства, на наш взгляд, указывают на то, что ст. 205¹ УК РФ в действующей редакции нельзя признать социально- и юридически обоснованным уголовно-правовым запретом⁷¹, так как, по сути, она вносит диссонанс в регламентацию и применение института соучастия в преступлении, позволяющего более точно и дифференцированно оценить фактические обстоятельства содеянного, соотнести уголовную ответственность с характером и степенью общественной опасности содеянного⁷².

Вместе с тем, учитывая положение ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма⁷³, закрепляющей, что стороны принимают необходимые меры для признания уголовно наказуемым публичного подстрекательства к совершению террористического преступления, считаем целесообразным и обоснованным закрепить в ст. 205¹ УК РФ именно данный запрет, а не ответственность за вовлечение определённого лица или группы лиц, не обязательно характеризующееся публичностью, а потому не выходящее за рамки соучастия в виде подстрекательства к преступлению.

Также считаем необходимым воспринять положение ст. 6 этой же Конвенции, в которой содержится приведённое выше определение вербовки тер-

⁷¹ См.: Парог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155-178.

⁷² См.: Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2. С. 106.

⁷³ См.: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (СЕТС № 196) (Варшава, 16 мая 2005г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. №9. С. 30-57.

рористов. То есть мы предлагаем установить ответственность за вербовку одного или нескольких лиц для их привлечения к участию в преступлении террористической направленности, не являющуюся их подстрекательством.

Если же говорить о финансировании терроризма, то, как мы указывали выше, в большинстве случаев такая противоправная деятельность полностью охватывается соучастием в соответствующих преступлениях в виде пособничества таковым. Вместе с тем можно выделить разновидность финансирования, которое направлено на материальную поддержку террористического сообщества или террористической организации в целом, а не на соответствующее содействие какому-либо лицу, желающему участвовать в таких преступных объединениях либо создавать таковые или руководить ими. Полагаем, что именно эта разновидность финансирования лежит за рамками пособничества в преступлении и нуждается в самостоятельной криминализации, как это сделано в ч. 1 ст. 208 УК РФ. Представляется, что более обоснованным является выделение деяния в виде финансирования террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооружённого формирования в самостоятельный состав преступления в рамках общего уголовно-правового запрета на содействие террористической деятельности.

В связи с изложенными обстоятельствами предлагаем изложить ст. 205¹ УК РФ в следующей редакции:

«Статья 205¹. Содействие террористической деятельности

1. Содействие осуществлению террористической деятельности, состоящее в публичном подстрекательстве к совершению хотя бы одного преступления, предусмотренного статьями 205-205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, в вербовке одного или нескольких лиц для совершения такого преступления, не являющейся подстрекательством, а равно в финансировании террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования - ...

2. Те же деяния, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», -...

Примечания. 1. Под финансированием террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования в настоящей статье понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения таких преступных объединений.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

С приведённой редакцией диспозиции ст. 205¹ УК РФ согласились 50,14% респондентов из числа судей и представителей практических органов, а также 63,49% опрошенных научно-педагогических работников. Также у данных респондентов нашли поддержку предлагаемые квалифицирующие признаки данного состава преступления (51% и 66,67% опрошенных соответственно).

Учитывая приведённую редакцию данной уголовно-правовой нормы предлагаем исключить из ч. 1 ст. 208 УК РФ указание на финансирование незаконного вооружённого формирования. Данное предложение нашло одобрение у 67,05% опрошенных представителей практики и 78,57% научно-педагогических работников.

Кроме того, как будет дополнительно обосновано в дальнейшем изложении настоящего параграфа, предлагаемое изменение ст. 205¹ УК РФ указывает и на необходимость признания ч. 2 ст. 361 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование акта международного терроризма или вовлечение в его совершение, утратившей силу, что касается и всей последней уголовно-правовой нормы.

Относительно же подготовки лица к осуществлению террористической деятельности считаем более обоснованным предусмотреть ответственность за данное деяние в статье 205³ УК РФ, которая в настоящее время касается только лица, проходящего такое обучение, тогда как «обучающий» является субъектом содействия террористической деятельности по ч. 1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, существенно уступающим по строгости предусмотренного ими наказания. Представляется, что противоправная деятельность лиц, обучающих других людей для последующего совершения ими преступлений террористической направленности, как минимум не уступает в своей общественной опасности действиям тех, кто проходит такое обучение, что необходимо учесть в уголовном законе.

В.С. Овчинский отмечает, что сеть «Интернет» всё активнее используется виновными для финансирования терроризма и обучения других лиц знаниям, умениям и навыкам, необходимым для их участия в террористической деятельности. При этом данный автор подразделяет методы использования сети «Интернет», применяемые террористами для поиска и привлечения средств и ресурсов, на четыре основные категории: 1) прямые просьбы о пожертвованиях; 2) электронная коммерция; 3) использование функционирующих в сети «Интернет» платёжных инструментов; 4) посредничество благотворительных организаций.

Прямые обращения относительно «пожертвований» происходят с использованием веб-сайтов, групп в чатах, массовых рассылок и адресных сообщений. Также могут быть задействованы веб-сайты в форме Интернет-магазинов, где сторонникам и иным лицам предлагаются книги, аудио- и видеоматериалы, а также другие товары. Платёжные средства, которые предоставляются в сети «Интернет» через специализированные веб-сайты или коммуникационные платформы, существенно упрощают осуществление электронных переводов средств между сторонами, в том числе посредством элек-

тронных банковских переводов с использованием кредитных карт или других платежных средств, доступных в таких сервисах, как PayPal или Skype⁷⁴.

Средства для финансирования терроризма могут добываться и преступным путём с использованием возможностей информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе посредством хищений личных данных держателей банковских карт, мошенничества с использованием электронных средств коммуникации и т.д., а также «отмывания» похищенных средств через электронные платёжные системы. Также В.С. Овчинский отмечает наличие фактов финансовой поддержки, оказываемой террористам через организации, маскируемые под благотворительные, что особенно распространено на Ближнем Востоке. Мнимые благотворительные организации имеют счёт для поступления денежных средств, при этом сохраняют все внешние атрибуты законной деятельности. Террористы также могут быть внедрены в структурные подразделения благотворительных организации использовать их для прикрытия своей противоправной деятельности по распространению идеологии терроризма и финансирования террористической деятельности⁷⁵.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ включает в себя три альтернативных общественно опасных действия: призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание терроризма и пропаганду последнего. Объединяет эти действия такой признак, как публичность их совершения, предполагающий, что соответствующие обращения направлены на воздействие на других лиц, круг которых для виновного не ограничен конкретными лицами, на которых он оказывает соответствующее воздействие.

В отличие от публичных призывов, понятия публичного оправдания терроризма и его пропаганды приводятся непосредственно в уголовном зако-

⁷⁴ См.: Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. С. 132-133.

⁷⁵ См.: Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. С. 132-133.

не. В примечании 1 к ст. 205² УК РФ публичное оправдание терроризма раскрывается, как публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. В примечании 11 к этой же уголовно-правовой норме пропаганда терроризма определена как деятельность, связанная с распространением материалов и (или) информации, направленных на то, что сформировать у лица идеологии терроризма, убеждённости в её привлекательности или представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризма», практика терроризма связана с совершением преступлений террористической направленности, преимущественно выражающихся в тех или иных опасных насильственных действиях, устрашающих население и осуществляемых в целях оказания воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Идеология же терроризма характеризуется как идеология насилия.

Полагаем, что термин «оправдание» является более точным и понятным для практики, нежели понятие «пропаганда», используемое в международных нормативных правовых актах и ассоциируемый не только с оправданием терроризма, но и с призывами к осуществлению относящейся к нему противоправной деятельности. В связи с этим нами не поддерживается предложение С.В. Борисова о необходимости замены термина «оправдание» понятием «пропаганда»⁷⁶, а также приведённое выше дополнение, внесённое в указанную уголовно-правовую норму Федеральным законом от 29 декабря 2017г. № 445-ФЗ, и состоящее во включении в объективную сторону этого состава преступления ещё и пропаганды терроризма, по сути, являющейся частным случаем его публичного оправдания.

⁷⁶ См.: Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 10. С. 12.

В теории уголовного права также высказано мнение о том, что установление уголовной ответственности за публичное оправдание идеологии терроризма как части явления терроризма в целом является ошибочным законодательным решением, так как понятие такой идеологии не обладает необходимой степенью определённости. Кроме того, как отмечается отдельными учёными, террористическими следует считать не идеи и взгляды, а действия по их воплощению в реальности, поэтому такое публичное оправдание явно не следует из Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма и свидетельствует в пользу декриминализации такого деяния⁷⁷.

Позволим себе не согласиться, так как идеология терроризма, по сути, является идеологией насилия, говорящей о допустимости совершения терактов и других опасных деяний, поэтому оправдание соответствующих взглядов и идей есть одновременно и оправдание террористической деятельности.

Одновременное использование данных терминов в диспозиции одной уголовно-правовой нормы позволяет более точно охарактеризовать содеянное, что, впрочем, никак не отражается на дифференциации уголовной ответственности за соответствующие действия, которые, на наш взгляд, существенно различаются между собой по степени их общественной опасности. Представляется, что публичные призывы к осуществлению террористической деятельности являются более опасным деянием, нежели оправдание терроризма, поскольку, как показывает изучение уголовных дел, публичные обращения к другим людям, призывающие их к совершению соответствующих преступлений, с большей вероятностью могут подтолкнуть их к этому, и, кроме того, такие призывы в большинстве случаев сопряжены с высказываниями, демонстрацией видеофайлов и т.п., оправдывающими терроризм.

Поэтому мы предлагаем дополнить ст. 205² УК РФ новой частью 1¹, в которой предусмотреть ответственность именно за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, в том числе сопряжённые с публичным оправданием терроризма. В развитие этого предложения предла-

⁷⁷ См.: См.: Шибзухов З.А. Указ. соч. С. 8.

гаем исключить из ч.1 данной уголовно-правовой нормы указание на публичные призывы к осуществлению терроризма, а диспозицию её ч. 2 начать со слов «Деяния, предусмотренные частью первой или частью первой¹ настоящей статьи,», а также соотнести санкции всех частей данной нормы с тем, чтобы в ч. 1¹ предусматривалось более строгое наказание, чем в ч. 1, а в ч. 2 – наиболее строгое наказание за данные преступления.

Наше предложение поддержали 51,58% опрошенных судей и других представителей практических органов, а также 56,35% респондентов из числа научно-педагогических работников.

В примечании 2 к рассматриваемой уголовно-правовой норме приводится определение террористической деятельности, сформулированное именно для понимания направленности публичных призывов, и заключающееся в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Г.И. Узембаева обоснованно утверждает, что в отличие от подстрекательства, призывы совершаются только публично, воздействуют на широкий, преимущественно, не ограниченный круг людей и не связаны с их склонением к совершению конкретных преступлений⁷⁸.

В пунктах 18 и 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснено, что публичные призывы состоят в обращении к другим лицам с целью их побуждения к осуществлению террористической деятельности и образуют состав оконченного преступления с момента провозглашения или иного распространения хотя бы одного обращения и независимо от того, получилось ли побудить других лиц к осуществлению террористической деятельности или нет. Относительно публичного оправдания тер-

⁷⁸ См.: Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. С. 45.

роризма момент окончания преступления Пленум также связывает с фактом соответствующего публичного выступления виновного лица.

Как уже отмечалось нами ранее, в ст. 205² УК РФ признак использования средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», приобрёл квалифицирующее значение, что представляется нам обоснованным в силу используемых здесь возможностей максимально широкого охвата аудитории в соответствующих преступных целях. Аналогичный подход ранее был продемонстрирован законодателем в отношении публичных призывов к осуществлению экстремисткой деятельности и публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации⁷⁹.

В 2016 г. при внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» было учтено это изменение уголовного закона. В связи с этим из пунктов 18 и 19 данного постановления Пленума было исключено указание на использование информационно-телекоммуникационных сетей как проявление признака публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, так как использование данных сетей стало предусматриваться в качестве отягчающего обстоятельства рассматриваемого преступления. Данное обстоятельство принято во внимание при изменении редакции пункта 22 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором разъясняется квалифицирующее значение использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

⁷⁹ См.: Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. №4. С. 44-49.

В новом пункте 21¹ рассматриваемого постановления Пленума конкретизируется момент окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ, при его совершении с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Здесь указывается, что момент окончания данного преступления связан с размещением обращений в указанных сетях, отправления сообщения другим лицам. Считаем, что Пленум обоснованно конкретизировал, что общественная опасность деяния в полном объёме наличествует уже тогда, когда виновное лицо размещает соответствующую информацию для общего пользования. Весьма важным видится и указание не на широкий или неограниченный круг адресатов такой информации, посылаемой в сообщениях, а на других лиц, число которых может быть различным. За счёт этого Пленум ушёл от таких оценочных определений, как «неограниченный» и «широкий», к которым нередко прибегают при характеристике признака публичности.

Аналогичные изменения были внесены и в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в пункте 4 которого использование информационно-телекоммуникационных сетей выведено из возможных примеров конститутивного признака публичности преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, а в новом пункте 6¹ изложено то же разъяснение момента окончания данного уголовно наказуемого деяния с указанием других лиц как адресатов соответствующих обращений. В связи с этим отметим обоснованность решения о подготовке согласованных изменений, одновременно вносимых в два указанных выше постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В новом абзаце п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится о том, что «при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или

иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней».

Представляется, что это дополнение постановления Пленума вызвано тем, что преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ преимущественно совершаются с использованием сети «Интернет», причём на практике распространены случаи привлечения к уголовной ответственности за так называемые репосты, когда лицо размещает на своей странице в социальной сети ту или иную «понравившуюся» ему информацию, взятую с того или иного Интернет-ресурса, пусть и имеющую экстремистскую окраску, но без желания разжечь в других людях ненависть либо вражду, а равно унижить чьё-либо достоинство⁸⁰. Поэтому считаем, что Пленум Верховного Суда РФ справедливо обратил внимание на то, что такая практика не учитывает содержание соответствующего состава преступления, прежде всего его субъективные признаки в виде умысла, мотивов и целей. Данное разъяснение ориентирует правоприменителя на то, что размещение той или иной информации экстремистского толка в сети «Интернет» само по себе ещё не означает наличие всех признаков состава преступления, то есть заключение эксперта о характере такой информации – это ещё не вывод о том, что лицо осознавало сущность размещаемых сведений, а тем более, стремилось возбудить ненависть или вражду, унижить человеческое достоинство, призвать к тем или иным действиям экстремистского (террористического) характера.

Для правильной квалификации необходимо исследовать весь комплекс объективных и субъективных обстоятельств содеянного, чтобы избежать

⁸⁰ См.: Борисов С.В. Этапы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Международного юридического института. 2011. №2. С. 4-6.

проявлений объективного вменения. Именно это и подчёркивается в приведённом разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, которое в полной мере можно отнести и к применению ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 280 и ч. 2 ст. 280¹ УК РФ. Однако в дальнейшем целесообразно внести соответствующее дополнение в постановление Пленума Верховного Суда РФ, касающееся судебной практики по делам о преступлениях террористической направленности.

Подчеркнём, что преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, может быть совершено и посредством демонстрации либо направления другим лицам аудио-, фото- или видеофайлов, текстовой или иной информации, созданных другими людьми, как правило, не известными виновному. Также имеют место случаи, когда виновный, оправдывая терроризм и (или) призывая к террористической деятельности, использует сочетание методов убеждения других людей, в том числе совмещение беседы с демонстрированием различных текстовых или аудиовизуальных файлов.

Например, по приговору Верховного Суда Чеченской Республики⁸¹, оставленному в силу после апелляционного рассмотрения⁸², был осуждён А., признанный виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205² УК РФ. По делу было установлено, что А. проводил беседы с различными лицами, встречаясь с ними по отдельности либо одновременно с несколькими людьми, и говорил с ними о необходимости вести вооружённую борьбу с неверными и мусульманами, не придерживающимися ваххабизм, призывал их убивать тех, кто выступает за действующую власть, брать оружие и вести войну против неверных и помогать членам незаконных вооружённых формирований. При этом А. демонстрировал различные видеозаписи с участниками незаконных вооружённых формирований, в которых они призывали к джихаду, проповедовали ваххабизм, учили самостоятельно изготавли-

⁸¹ См.: Приговор Верховного Суда Чеченской Республики от 27 января 2014 г. по делу № 2-24/2013 // Официальный сайт Верховного Суда Чеченской Республики: URL: <http://vs.chn.sudrf.ru/> (дата обращения: 24.06.2017).

⁸² См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2014 г. № 23-АПУ14-4 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrff.ru/> (дата обращения: 29.12.2017).

вать взрывные устройства. В частности, А. неоднократно проводил такие беседы в мечети в окружении молодых людей, демонстрировал им указанные видеозаписи.

В приведённом примере также обращает на себя сочетание двух вариантов публичности: в первом из них А. встречался с отдельными лицами, и вёл с ними беседу «с глазу на глаз», однако выбор очередного слушателя был случаен – им мог стать любой человек, который, по мнению А., способен был разделить соответствующие идеи в силу своей национальности и вероисповедания; во втором, типичном варианте беседа велась одновременно с несколькими людьми, число которых могло быть любым.

В последние годы наиболее используемыми средствами для мгновенного обмена информацией в режиме реального времени стали так называемые мессенджеры (от английского слова «message» - сообщение), представляющие собой программы, функционирующие при подключении к сети «Интернет». Такая программа может быть установлена не только на персональном компьютере, но и на мобильном устройстве, что стало возможным с появлением доступной мобильной сети «Интернет», а также с развитием смартфонов и их многозадачности.

Первым популярным онлайн-мессенджером стал ICQ, потом стал преобладать Скайп (Skype), в котором была обеспечена поддержка голосовых и видеозвонков. В настоящее время на рынке мессенджеров для смартфонов и планшетов наиболее востребованными являются мощные и практически бесплатные WhatsApp и Viber и Telegram.

В контексте террористической деятельности мессенджеры могут быть использованы для массовой рассылки сообщений, содержащих информацию, оправдывающую терроризм или призывающую к совершению преступлений террористической активности. Кроме того, именно мессенджеры могут привлекать внимание террористов с позиции их широких возможностей для мгновенного обмена сообщениями в процессе приготовления к преступлениям и их непосредственном осуществлении.

Например, 3 апреля 2017 г. в метро г. Санкт-Петербурга был совершён террористический акт, в результате которого пострадали 103 человека, из них 16 погибло, включая террориста-смертника, приведшего в действие взрывное устройство в поезде метрополитена между станциями «Сенная площадь» и «Технологический университет». Как установила ФСБ, смертник, перед тем как совершить взрыв, контактировал через Telegram с пособниками и «куратором». Также в ФСБ отметили, что мессенджер Telegram активно используется террористами для создания и использования секретных чатов с высоким уровнем шифрования информации, в связи с чем директор Роскомнадзора направил руководству данного сервиса открытое письмо с требованием предоставить необходимые сведения для внесения Telegram в реестр организаторов распространения информации⁸³.

Данный пример демонстрирует, как расширяющиеся возможности сети «Интернет» тут же начинают использоваться не только в законных, но и в противоправных целях, в том числе для совершения преступлений террористической направленности, как правило, предполагающих стадию приготовления, включающую планирование предстоящего посягательства, приискание соучастников, орудий и средств осуществления общественно опасного деяния. Также данным преступлениям присуще их совершение в составе группы по предварительному сговору, которая может отличаться устойчивостью и создаваться для совершения двух и более уголовно наказуемых деяний либо одного преступления, характеризующегося сложностью его подготовки и осуществления с распределением ролей между соучастниками⁸⁴. То есть правоприменителям необходимо выяснять, действовал ли непосредственный исполнитель единолично либо в составе группы, и не является ли последняя организованной. Связи между такими соучастниками и содержание существующих между ними обменов информацией можно установить при

⁸³ См.: Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2017/06/26/reg-szfo/fsb-terakt-v-metro-sankt-peterburga-podgotovili-s-pomoshchiu-telegram.html> (дата обращения: 05.09.2017).

⁸⁴ См.: Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступности: дис. ...докт. юрид. наук: М., 2013. С. 59.

изучении списка контактов в различных мессенджерах и их переписки. При этом целесообразно принимать во внимание и контакты с информационным обменом между ними в различных социальных сетях, а также историю просматриваемых Интернет-сайтов определёнными пользователями.

Между тем для преступлений, предусмотренных ст. 205² УК РФ, характерно их совершение одним лицом, что объясняется тем, что они, как правило, осуществляются по месту проживания виновного при использовании персонального компьютера или мобильного устройства.

Отметим, что по изученным 224 уголовным делам о 264 преступлениях террористической направленности было установлено, что 181 (68,56%) из них совершено виновными единолично, 42 (15,91%) – двумя или более соисполнителями, 41 (15,53%) – в сложном соучастии (с распределением ролей).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 205³ УК РФ, включает альтернативные общественно опасные действия, совершаемые в рамках прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности в целом либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, и состоящими в приобретении знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

В рассматриваемой уголовно-правовой норме понятие террористической деятельности по его объёму не ограничивается исключительно совершением преступлений, указанных в её диспозиции, а базируется на определении данной деятельности, приводимом в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму». Этот Закон относит к террористической деятельности такие действия, как организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к

террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в таком объединении; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности⁸⁵.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 22¹ постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) разъяснил, что прохождение обучения может заключаться и в иных действиях виновного, непосредственно связанных с его подготовкой к осуществлению террористической деятельности, и является окончанным уже с момента начала выполнения действий, направленных на получение соответствующих знаний, практических умений и навыков, независимо от фактического приобретения таковых, а равно их качества и возможностей применения в криминальной деятельности⁸⁶. В случае совершения иных действий, направленных на создание условий для осуществления террористической деятельности, они подлежат самостоятельной юридической оценке.

В.С. Комиссаров и П.В. Агапов применительно к рассматриваемому преступлению отметили, что обучения довольно часто связано с сопутствующими идеологическими подготовкой или иным воздействием, в том числе с изучением ваххабизма как радикального течения в исламе. Это может быть обусловлено и особенностями подготовки определённых лиц, которых в дальнейшем планируется использовать для распространения идеологии тер-

⁸⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2017. С. 842

⁸⁶ См.: Коровин Е.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. ст. 205¹-205⁵ УК РФ: методические рекомендации. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2015. С. 42-43.

роризма, осуществления информационного или другого пособничества в приготовлении к террористическим актам и их непосредственном осуществлении. Разрастающаяся вербовочная деятельность, осуществляемая международными террористическими организациями, в сегодняшних условиях идёт в ногу с увеличением интенсивности распространения и популяризации террористической и иной экстремистской идеологии, совершением преступлений террористической направленности с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а равно с другими проявлениями кибертерроризма. Здесь существует связь с пропагандой религиозного радикализма, прежде всего, исламского, героизацией образов его последователей, идеализацией «справедливых» социальных отношений, к формированию которых стремятся виновные, обещаниями денег и иных материальных благ⁸⁷.

В настоящее время в связи с развитием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий в целом сформированы условия для получения знаний и навыков без обращения к другим лицам, оказывающим содействие в осуществлении соответствующей подготовки. Вместе с тем преобладающей формой обучения продолжает оставаться приобретение необходимых знаний, умений и навыков посредством взаимодействия двух сторон – обучающегося и обучающего.

Согласно действующему уголовному законодательству лицо, готовившее кого-либо к совершению преступления, указанного в диспозиции данной уголовно-правовой нормы, подлежит ответственности по ч.1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, что, как мы уже отмечали, в виду менее строго наказания, предусмотренного в её санкциях, не в полной мере согласуется с принципом справедливости. Для устранения данной проблемы мы предлагаем предусмотреть ответственность для обучающего указанным знаниям, умениям и навыкам в этой же ст. 205³ УК РФ, дополнив её частью второй следующего содержания:

⁸⁷ См.: Комиссаров В.С., Агапов П.В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 5. С. 36-37.

«2. Обучение или иная подготовка другого лица в целях его участия в осуществлении террористической деятельности или для совершения им одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, а равно создание и распространение материалов для использования при обучении в указанных целях – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

В предлагаемой части второй рассматриваемой уголовно-правовой нормы мы в качестве альтернативных действий указали создание и распространение материалов для использования при обучении в целях последующего совершения деяний террористической направленности, что, на наш взгляд, характеризуется сопоставимой общественной опасностью с действиями по непосредственной подготовке другого лица в тех же целях.

С необходимостью введения данного уголовно-правового запрета в представленной редакции согласились 73,35% респондентов, представляющих практику, и 83,33 % опрошенных научно-педагогических работников.

Кроме того, как мы уже отмечали ранее, полагаем необходимым внести коррективы, касающиеся установленного наказания за прохождение указанного обучения в сторону его смягчения посредством исключения из санкции наказания в виде пожизненного лишения свободы, а также уменьшения низшего и высшего пределов срока лишения свободы до категории тяжкого преступления. Это предложение обосновывается тем, что обучение, по сути, является разновидностью приготовления к преступлениям террористической направленности и не всегда способно привести к совершению последних, а также необходимостью соотносить уровень общественной опасности таких уголовно наказуемых деяний, среди которых обучение террористов явно не относится к лидерам по данному показателю. Если же судить по санкциям статей Особенной части УК РФ о преступлениях террористической направленности, на сегодняшний день наиболее опасным из них законодатель признаёт именно такое обучение, ставя его выше террористического акта и за-

хвата заложника, повлекших тяжкие последствия. В связи с этим считаем обоснованным указать в санкции ч. 1 ст. 205³ УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы от одного года до двух лет.

Применительно к преступлениям террористической направленности, которые мы отнесли ко второй группе в силу того, что использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей не является ни обязательным признаком объективной стороны их составов, ни типичным фактическим признаком непосредственного осуществления таких деяний, более подробно остановимся на стадии приготовления к ним, в рамках которой, как показывает анализ материалов уголовных дел и результатов опроса следователей и сотрудников оперативных подразделений, как правило, и используются такие сети. Однако, прежде чем перейти к анализу приготовительных действий, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, кратко остановимся на специфике объективной стороны отдельных составов преступлений данной группы. Полагаем, что такая последовательность будет способствовать более полному и всестороннему исследованию особенностей соответствующей преступной деятельности.

Первым преступлением в рассматриваемой группе, открывающим главу 24 УК РФ и олицетворяющим сущность терроризма, является террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Отметим, что вплоть до 2006г. данная уголовно-правовая норма носила наименование «Терроризм», тогда как террористическим актом именовалось посягательство на государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), однако в связи с принятием Федерального закона «О противодействии терроризму» и ратификацией конвенции совета Европы о предупреждении

терроризма были внесены соответствующие изменения и в УК РФ, в том числе направленные на упорядочение его терминологии⁸⁸.

В настоящее время в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ террористический акт определяется как совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

В данном определении можно выделить два вида террористического акта (два вида действий, характеризующих теракт, или две формы его проявления): 1) совершение взрыва, поджога или иных действий, которые устрашают население и создают опасность наступления определённых последствий в указанных целях; 2) угроза совершения таких действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями. Как мы уже указывали ранее, ужение целей угрозы по сравнению с целями непосредственного производства взрыва, поджога и иных подобных действий было произведено Федеральным законом от 31 декабря 2017г.

В дальнейшем изложении параграфа мы подробно охарактеризуем такую угрозу в контексте анализа субъективной стороны преступлений и соотношения с составом заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Здесь же отметим, что нами поддерживается позиция учёных, считающих, что приведённые две формы террористического акта несовместимы по уровню их общественной опасности, поэтому их целесообразно разделить на два само-

⁸⁸ Федеральный закон от 27 июля 2006г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3452

стоятельных состава преступления с соответствующим соотношением уголовного наказания⁸⁹.

Террористический акт в виде совершения взрыва, поджога или иных опасных действий в теории уголовного права преимущественно характеризуют как формальный состав преступления⁹⁰, момент окончания которого связывают с совершением указанных действий, однако встречается и мнение о материальной конструкции состава теракта, где последствием выступает создание соответствующей опасности⁹¹. Пленум Верховного Суда РФ также характеризует основной состав террористического акта как формальный⁹².

Взрыв, поджог и иные действия должны характеризоваться двумя свойствами (качествами): 1) устрашать население и 2) создавать опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Как правило, на практике террористические акты причиняют указанные последствия, которые должны находиться в причинной связи с взрывом, поджогом или иными действиями, устрашающими население.

То есть взрыв, поджог и иные действия при террористическом акте либо потенциально несут в себе опасность наступления последствий (ч. 1 ст. 205 УК РФ), либо фактически, реально выступают причиной их наступления (в п. «б» ч. 2 – наступление смерти человека по неосторожности, п. «в» ч. 2 –

⁸⁹ См., например: Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5-7; Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: М., 2001. С. 10; Галачиева М.М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2010. С. 12

⁹⁰ См., например: Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С. 589 Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. – М.: Юридическая фирма «Контракт», Волтерс Клувер, 2010. С. 378.

⁹¹ См., например: Дерюгина Ю.Н. Указ. соч. С. 10.

⁹² См.: п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012г. № 1 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 №41) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля; 2016. 16 ноября.

причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, п. «б» ч. 3 – умышленное причинение смерти).

С позиции толкования признаков, характеризующих объективную сторону террористического акта, в теории уголовного права и в практической деятельности наибольшие трудности вызывают такие оценочные категории, как «иные действия, устрашающие население», «значительный имущественный ущерб» и «иные тяжкие последствия».

Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше постановлении от 9 февраля 2012г. № 1 разъяснил данные оценочные признаки следующим образом:

1) иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в ст. 205 УК РФ рассматриваются как действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом (устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; вооружённое нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов и т.п.) (п. 3);

2) для признания причинённого имущественного ущерба значительным, необходимо основываться на стоимости уничтоженного имущества или затрат на восстановление поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего (в зависимости от рода его деятельности или материального положения физического лица либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем соответствующего имущества) (п. 7);

3) иными тяжкими последствиями могут являться, например, причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, дезорганизация деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительное нарушение работы одного или нескольких предприятий и (или) учреждений; существенное

ухудшение экологической обстановки (например, деградация земель, загрязнение поверхностных и внутренних вод и т.п., для устранения последствий которых потребуются длительное время и большие материальные затраты) (п. 8).

В последние три года в странах Западной Европы типичными примерами иных действий, устрашающих население и несущих в себе опасность причинения указанных последствий, стали атаки на людей в местах их массового нахождения, совершаемые при помощи грузовых автомашин, управляемых террористами, которые в ряде случаев одновременно применяли имеющееся у них огнестрельное оружие. Например, 14 июля 2016 г. в Ницце, виновный въехал на грузовике в толпу людей, которые находились в туристической части города во время мероприятий по поводу национального праздника Франции, в результате чего наступила смерть 86 человек⁹³.

Таковыми опасными действиями могут быть и атаки хакеров на компьютерные системы различных органов власти, учреждений, международных или иных организаций, дестабилизирующие их деятельность и создающие опасность наступления различных вредных последствий, в том числе возникновения условий для аварий и катастроф (например, намеренное изменение программного обеспечения управления движением воздушного или железнодорожного транспорта, в результате которого может произойти столкновение поездов, падение самолёта и т.п.).

Так, В. С. Овчинский в качестве возможного примера данных действий приводит кибератаки на электронные системы управления функционированием энергетических сетей, в том числе нефтепроводы и газопроводы, которые нередко растянуты на тысячи километров, что усложняет надлежащее обеспечение их защищённости. При этом в последние несколько лет энергетические сети поставок стали более автоматизированными, а значит, зависи-

⁹³ См.: Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6. С. 39.

мыми от различных систем их компьютерного контроля, обеспечивающих удалённое управление соответствующими процессами и являющихся уязвимыми вследствие использования в них открытых стандартов программного обеспечения, что может быть использовано осведомлёнными об этом лицами, способными получить доступ к известному или открытому исходному коду и использовать его в своих целях, в том числе для совершения террористического акта⁹⁴.

Электронные и информационно-телекоммуникационные сети также могут быть использованы и для сообщения угрозы совершения взрыва, поджога и т.п., приведения в действие взрывного устройства, обеспечения связи между соучастниками теракта и и.д.

В связи с техническим прогрессом и разнообразием способов посягательств на общественную безопасность считаем, что формулировка «иные действия, устрашающие население» позволяет сохранить для ст. 205 УК РФ возможность её применения в случаях, когда виновные прибегают к новейшим технологиям и средствам, ранее не известным правоприменительной практике. То же самое можно сказать и относительно других оценочных признаков, содержащихся в данной норме.

Квалифицирующие признаки террористического акта связаны не только с наступлением указанных выше последствий, но и с совершением данного деяния в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ), а также с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ).

Учитывая сложность подготовки и осуществления террористических актов, значительная их часть совершается в соучастии, типичными формами

⁹⁴ См.: Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 148-149.

которого для данного преступления являются группа лиц по предварительному сговору и организованная группа. Именно в таких группах электронные и информационно-телекоммуникационные сети активно используются для обмена информацией между их участниками, в том числе для обеспечения руководства совершением преступления со стороны организаторов данных групп.

Ключевым признаком организованной группы является её устойчивость⁹⁵, относительно которой Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 указанного выше постановления разъяснил, что на его наличие могут указывать такие обстоятельства, значительный период существования группы, неоднократность совершения её членами преступлений, техническая оснащённость последних и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы).

Устойчивые связи, которые не исчерпываются только совместным намерением совершить преступление, можно установить путём исследования активности членов таких групп в социальных сетях и электронных мессенджерах, их контактов, длительности и частоты общения между ними, наличия общих интересов, родственных, дружеских, профессиональных или иных связей, скрепляющих данное преступное объединение. Из этой информации также можно выделить и сведения, указывающие на то, кто в определённой группе может играть лидирующую роль, какими навыками могут обладать её участники, где они могли находиться в определённый период времени и т.д.

Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных статьями 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем» и 205⁵ УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», включает две группы сходных

⁹⁵ См.: Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступности: дис. ...докт. юрид. наук: М., 2013. С. 58-59.

действий, относящиеся, соответственно, к функциям организатора (руководителя) и участника таких преступных объединений.

Основные различия между преступлениями кроются в правовой природе соответствующих террористических объединений.

Террористическое сообщество определено непосредственно в диспозиции ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ и представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Данное сообщество может состоять из структурных подразделений (частей).

Террористическая организация определяется в ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», согласно которой организация признаётся террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность - запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчинённого ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282¹ - 282³, 360 и 361 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете её деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Кроме того, террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы - ликвидации), также признаётся террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уго-

ловному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного статьей 205⁴ УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нём⁹⁶.

То есть признание организованной группы террористическим сообществом происходит непосредственно по конкретному уголовному делу, а принадлежность того или иного преступного объединения к террористическим организациям – на основании уже имеющегося судебного решения, учтённого в официальном списке (перечне) таких организаций⁹⁷, в котором по состоянию на 2 июня 2017г. числилось 27 террористических организаций, в том числе иностранных и международных, «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»), «Синдикат «Автономная боевая террористическая организация (АБТО)», «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») Джебхат ан-Нусра (Фронт победы)(другие названия: «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» (Фронт поддержки Великой Сирии) и другие⁹⁸.

Данные преступления имеют дящийся характер, хотя и юридический момент их окончания связывают с фактическим созданием террористического сообщества, началом руководства таким объединением, его частью или входящим в него структурным подразделением либо участия в нём, а равно с организацией деятельности террористической организации или участия в та-

⁹⁶ См.: Поличной Р.В. Правовые средства борьбы с террористическими организациями в Российской Федерации // Современное право. 2017. № 3. С. 108.

⁹⁷ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 июля 2006 г. № 1014-р «Об официальном периодическом издании, осуществляющем публикацию единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 29. Ст. 3283.

⁹⁸ См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (по состоянию на 2 июня 2017 г.) // Официальный сайт ФСБ России: URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 17.10.2017).

кой деятельности⁹⁹. Например, как отмечает А. Хлебушкин, участие в террористической организации на практике преимущественно состоит в систематическом осуществлении действий, направленных на пропаганду идей терроризма посредством распространения соответствующей информации¹⁰⁰, в том числе посредством сети «Интернет»¹⁰¹.

Сходными по своей сущности действиями характеризуется и объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ об ответственности за организацию незаконного вооружённого формирования и участие в нём. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ такое вооружённое формирование (объединение, отряд, дружина или иная группа) не должно быть предусмотрено федеральным законом. Применительно к этому виду незаконного вооружённого формирования наказуемы его создание, руководство им, а равно финансирование такого объединения. В данном случае включение финансирования незаконного вооружённого формирования в объективную сторону рассматриваемого состава преступления привело к необоснованной конкуренции между ч. 1 ст. 208 УК РФ и ч. 1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, поскольку в последней норме изначально была предусмотрена ответственность за финансирование терроризма, включая преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ, причём как её частью первой, так и частью второй. В настоящее же время данные нормы конкурируют друг с другом именно в части юридической оценки финансирования незаконного вооружённого формирования.

Сопоставление содержания диспозиций ч. 1¹ ст. 205¹ и ч. 1 ст. 208 УК РФ позволило нам выявить различия данных положений уголовного закона в части, касающейся финансирования. В ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ установлена от-

⁹⁹ См.: Сипки М. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 175-182.

¹⁰⁰ См.: Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 84.

¹⁰¹ См.: Арефьев А.М., Романенко И.И. О пропагандистской деятельности в отношении граждан СНГ со стороны террористических и экстремистских организаций // Конфликтология. 2016. № 2. С. 169-178.

ветственность за финансирование преступлений, предусмотренных ст. 208 данного УК, то есть за финансовое обеспечение создания незаконного вооружённого формирования, руководство таковым или участие в нём, тогда как в ч. 1 ст. 208 УК РФ – за финансирование самого незаконного вооружённого формирования безотносительно к действиям его отдельно взятого участника. Именно об этом идёт речь в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, данном в абз. 2 п. 26 постановления от 9 февраля 2012г. № 1 (ред. от 03.11.2016), согласно которому в случаях, когда лицо содействует террористической деятельности посредством финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ как финансирование терроризма.

Отметим, что ранее мы уже высказывали предложение об исключении из диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ указания на финансирование такого преступного объединения с его оставлением в ст. 205¹ УК РФ в предлагаемой редакции.

В ч. 2 ст. 208 УК РФ предусмотрена ответственность за участие в вооруженном формировании, которое не предусмотрено федеральным законом, а также за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, которые противоречат интересам Российской Федерации.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 9 февраля 2012г. № 1 разъяснил, что уголовная ответственность за участие в незаконном вооруженном формировании наступает в случаях, когда участники этого формирования осознают его незаконность и свою принадлежность к нему и действуют для реализации его целей, при этом такое участие состоит во вхождении в состав незаконного вооружённого формирования, выполнении функциональных обязанностей по обеспечению его деятельности. Окончено такое преступление с момента, когда данное лицо совершит конкретные действия по обеспечению деятельности незаконного вооруженного формирования.

Кроме того, в ч. 2 ст. 208 УК РФ предусмотрена новая разновидность участия в незаконном вооружённом формировании на территории другого государства, если такое формирование не предусмотрено законодательством данного государства и цели лица, участвующего в нем, противоречат интересам Российской Федерации (например, воспрепятствование законной деятельности, поддерживаемой Россией, по урегулированию вооруженного конфликта внутри Сирии).

Изучение материалов уголовных дел и результатов опроса сотрудников оперативных и следственных подразделений показал, что информационно-телекоммуникационные сети при совершении преступлений, предусмотренных статьями 205⁴, 205⁵ и 208 УК РФ преимущественно используются в процессе создания соответствующих преступных объединений, руководстве их деятельностью, а также для вовлечения в их ряды новых членов, поиска источников и получения финансирования для продолжения и расширения преступной деятельности. Кроме того, данные сети также использовались для распространения террористической и экстремистской идеологии, демонстрации своих преступных действий и их результатов, выражении угроз и публичных призывов к осуществлению террористической и иной экстремистской деятельности.

Например, у наиболее крупной международной террористической организации ИГИЛ созданы и постоянно обновляются различные сайты, функционирует нелегальный телеканал, издаются различные брошюры и иные материалы экстремистского толка. Кроме того, данная международная террористическая организация, равно как и все остальные террористические объединения, активно использует открытые ресурсы сети «Интернет», предназначенные для размещения и просмотра аудио – и видеофайлов, другой графической и текстовой информации, размещая в них экстремистские материалы, в том числе демонстрирующие акты расправ с заложниками и иные насильственные посягательства.

Как отмечают В. Овчинский и Е. Ларина, указанная международная террористическая организация постепенно наращивает свое присутствие в сети «Интернет», направленное не только на агитацию и вербовку для вовлечения в свои ряды, но и для достижения коммерческих целей, сводящихся к извлечению финансовой прибыли. Данные авторы приводят пример продажи в 2016 г. через «Интернет» более 3 миллионов копий видеофайла с записью проповеди одного из погибших руководителей ИГИЛ по цене 6 евро каждая. Также в 2016г. в сети появилось множество бесплатных онлайн-курсов, подготавливаемых ИГИЛ и направленных на формирование умений и навыков, важных для осуществления террористической деятельности (конспирация, агентурная работа, ведение уличных боев и т.п.). Кроме того, данное террористическое объединение активно распространяет бесплатные компьютерные игры соответствующей направленности, в которых игроки за деньги могут приобретать дополнительные опции. Несмотря на сравнительно небольшую долю доходов от этой деятельности в общей структуре прибыли ИГИЛ, эта террористическая организация первой из подобных криминальных структур вышла в киберпространство, столь активно и широко действующей в Интернет-пространстве, в том числе в коммерческом секторе¹⁰².

Другие преступления террористической направленности, включённые нами во вторую группу, в практической деятельности встречаются крайне редко, поэтому применительно к анализу их объективной стороны мы выделим лишь обязательные признаки данного элемента, отражающие сущность соответствующих уголовно наказуемых деяний.

Объективная сторона захвата заложника на уровне его основного состава (ч. 1 ст. 206 УК РФ) включает в себя два альтернативных действия:

1) захват другого лица или 2) его удержание в качестве заложника, условием освобождения которого выполнение требований виновных, адресованных к государству, какой-либо организации или гражданам.

¹⁰² См.: Овчинский В., Ларина Е. Технологии ИГИЛ // Наш современник. 2017. № 11. С. 148-149.

Данное преступление окончено с момента, когда потерпевшего начинают ограничивать в свободе за счёт его захвата или удержания. Предъявление требований к органам власти, организациям или гражданам не относится к конститутивным признакам данного состава преступления, однако служит объективным подтверждением наличия у виновных соответствующей цели¹⁰³.

Изучение уголовных дел о данном преступлении показало, что применительно к захвату заложника использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей может состоять не только в приготовительной криминальной деятельности, когда виновные с помощью таких сетей подбирают место захвата и (или) удержания заложников, обмениваются необходимой информацией и т.д., но и в процессе непосредственного осуществления данного преступления (для выдвижения требований, осуществления контактов с соучастниками, находящимися вне места совершения данного преступления, демонстрации подтверждения реальности своих угроз в виде насилия над заложниками и т.п.).

Так, П. был признан виновным в захвате заложников и в террористическом акте, выраженном в форме угрозы совершить взрыв в помещении банка, где он удерживал потерпевших с требованием разместить его видеообращение к Президенту РФ в сети «Интернет» и на телевидении, в котором, в свою очередь излагались требования к органам власти признать на государственном уровне банкротство физических и юридических лиц болезнью, и сформировать в государстве «больницу для бизнесменов»¹⁰⁴.

Квалифицирующие признаки данного состава преступления заключаются в его совершении группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2), с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2), с

¹⁰³ См.: Ушакова Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника - вопросы согласования и рассогласования // Российский следователь. 2010. № 9. С. 20-24.

¹⁰⁴ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 декабря 2017г. № 201-АПУ17-45 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 29.12.2017).

применением оружия или предметом, используемых в его качестве (п. «г» ч. 2), в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2) или заведомо беременной женщины (п. «е» ч. 2), в отношении двух или более лиц (п. «ж» ч. 2), из корыстных побуждений либо по найму (п. «з» ч. 2), организованной группой или с наступлением смерти человека по неосторожности (ч. 3) и с умышленным причинением смерти (ч.4 ст. 206 УК РФ).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ выражается в таких альтернативных действиях, совершаемых в отношении судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, как: 1) угон и 2) захват, совершаемый с целью угона.

Если угон состоит в противоправном завладении каким-либо из указанных судов или составом с использованием их для передвижения сообразно их назначению, то захват, также характеризующийся противоправным завладением такими транспортными средствами, связан с установлением над ними контроля с целью дальнейшего угона.

Как и в составе захвата заложника, объективная сторона данного преступления уже на уровне его основного состава может характеризоваться применением насилия, не представляющего опасность для жизни или здоровья¹⁰⁵, или угрозой применения такого насилия, а в квалифицированном составе насилие уже приобретает опасный характер, что может отражаться и в соответствующей угрозе (п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ). Остальные квалифицирующие признаки также являются сходными с отягчающими обстоятельствами захвата заложника и предполагают совершение деяния группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2), с применением оружия или предметов, используемых в его качестве (п. «г» ч. 2), организованной группой или с наступлением по неосторожности смерти человека иных тяжких последствий.

¹⁰⁵ См.: Боровиков В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника // Уголовное право. 2016. № 2. С. 17-18.

Научный и практический интерес вызывает часть четвёртая данной уголовно-правовой нормы, введённая в неё в 2014 г.¹⁰⁶ и предусматривающая ответственность за те же действия, сопряжённые с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности. Преступления, предусмотренные ст. 211 УК РФ, сами по себе, являются проявлениями террористической деятельности в её уголовно-правовом понимании, тем более не вполне обоснованной выглядит указанная сопряжённость с такой деятельностью в целом. По поводу этого уголовно-правового запрета Г.Г. Криволапов отмечал настоятельную потребность в его судебном толковании и высказывал мнение, что ч. 4 ст. 211 УК РФ охватывает все другие проявления террористической деятельности, с которыми фактически могут быть сопряжены угон или захват указанных судов или железнодорожного подвижного состава¹⁰⁷. Мы согласимся с этой позицией, которая, на наш взгляд, может быть положена в основу соответствующего разъяснения Пленума. Со своей стороны, предлагаем его следующую формулировку: «Разъяснить судам, что в случаях, когда угон судна воздушного или водного транспорта сопряжен с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности, содеянное полностью охватывается частью четвертой статьи 211 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 205 УК РФ либо иным статьям Особенной части УК РФ не требует».

Статьи 220 и 221 УК РФ устанавливают ответственность за незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами, а равно за их хищение либо вымогательства. Незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение таких веществ и материалов, в отличие от их хищения или вымогательства, по сути, не обязательно связа-

¹⁰⁶ См.: Федеральный закон от 5 мая 2014г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

¹⁰⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2017. С. 842

ны с умышленным завладением такими опасными предметами. Однако оба преступления фактически создают условия для совершения в дальнейшем более опасных действий, в том числе террористических актов с применением ядерных материалов или радиоактивных веществ.

В статьях 277, 278 и 279 УК РФ установлена ответственность за такие преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, как посягательство на государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также вооруженный мятеж.

Как уже отмечалось нами ранее, преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, имеет два альтернативных юридических момента окончания – при причинении смерти государственного или общественного деятеля либо при покушении на причинение такого последствия. Как справедливо подчёркивает П.С. Яни, использование в уголовном законе понятия «посягательство на жизнь» означает, что соответствующее преступление окончено уже с момента начала действий, непосредственно направленных на причинение смерти соответствующему потерпевшему¹⁰⁸.

Соответственно, объективная сторона данного преступления, состоящего в убийстве государственного или общественного деятеля, включает три признака: деяние в виде действия или бездействия, направленных на причинение смерти потерпевшего; последствие, состоящее в смерти последнего, и причинная связь между данными деянием и последствием. Если же деяние, направленное на причинение смерти, не приведёт к такому последствию по независящим от виновного обстоятельствам, то объективная сторона данного преступления выражается только в соответствующих действиях.

В данном преступлении использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей может предшествовать действиям, непосредственно направленным на причинение смерти государственному или общественному деятелю, и заключаться в сборе необходимой информации,

¹⁰⁸ См.: Яни П.С. Конец преступления // Законность. 2016. № 9. С. 35.

согласовании плана с соучастниками, выражения угроз в адрес соответствующего потерпевшего или его близких. Установление сведений о совершении таких действий может способствовать доказыванию присущих этому преступлению цели в виде стремления прекратить государственную или политическую деятельность потерпевшего либо мотива мести за такую деятельность.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, состоит в действиях, направленных на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно на насильственное изменение конституционного строя нашего государства. Указание на направленность действий означает, что последние вовсе не обязательно должны привести к соответствующему результату (к захвату власти, её удержанию или изменению конституционного строя). Соответствующие действия объективно невозможно совершить в одиночку, без привлечения большого количества людей, финансовых и технических средств, что в 2014 г. показали события в Украине.

Таким действиям предшествует и сопутствует активная и масштабная пропаганда, включающая в себя распространение информации, оправдывающей их совершение и призывающей к участию в подготавливаемой и осуществляемой преступной деятельности. Для наибольшего эффекта для пропаганды задействуются все возможные силы и средства, ведущую роль среди которых играет использование средств массовой информации, электронных и информационно-телекоммуникационных средств. Поскольку для использования таких средств массовой информации, как газеты, журналы и телепередачи, как правило, необходимы значительные финансовые и иные ресурсы, более востребованными в данной общественно опасной деятельности являются электронные и информационно-телекоммуникационные сети.

Те же особенности характеризуют и действия, входящие в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, состоящего в организации вооружённого мятежа либо активном участии в нём, направлен-

ных на свержение или насильственное изменение конституционного строя России либо нарушение её территориальной целостности. П.В. Агапов, характеризуя данное преступление в целом, в частности, выделяет такие его признаки, как организованный (спланированный) и насильственный характер выступления против законной власти¹⁰⁹.

Отметим, что в соответствии с ч. 3 ст. 4 Конституции РФ обеспечение территориальной целостности государства является одной из основ его конституционного строя. Поэтому указание на нарушение такой целостности в диспозиции ст. 279 УК РФ является излишним. Также считаем целесообразным исключить из неё слово «активное», характеризующее участие в вооружённом мятеже, поскольку оно является оценочным и затрудняющим применение данной нормы.

Статьи 278 и 279 УК РФ конкурируют между собой. По сути, основное отличие между предусмотренными ими преступлениями состоит в признаке вооружённости, присущем последнему из них. Кроме того, следует учитывать, что публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, образуют состав преступления, предусмотренный ст. 280¹ УК РФ, что обуславливает конкуренцию данной нормы со ст. 205² УК РФ в части публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, к которой в том числе относятся и преступления, предусмотренные статьями 278 и 279 УК РФ. Полагаем, что такая конкуренция может быть устранена только законодательным путём посредством дополнения примечания 2 к ст. 205² УК РФ следующими словами «, за исключением действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации».

¹⁰⁹ См.: Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 67.

Последнее предложение нашло одобрение у 52,72% респондентов из числа судей, прокурорских работников и представителей иных практических органов, а также у 77,78% опрошенных преподавателей.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ включает в себя действия, образующие нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, на служебные помещения, транспортные средства таких лиц. Исходя из особенностей потерпевших и предметов данного преступления, а также возможных целей виновных, в частности, обозначенных в ч. 2 ст. 360 УК РФ, соответствующие нападения, как правило, совершаются публично, в том числе, когда виновные рассчитывают на то, что их тайные действия станут публичными вследствие последующего обнаружения их результатов, размещения в сети «Интернет» видеозаписей посягательства. Соответствующие действия могут выражаться в применении насилия в отношении указанных потерпевших либо в повреждении или уничтожении предметов данного преступления.

Так, в Следственном комитете РФ расследуется уголовное дело по факту нападения на посольство России в Киеве, совершённого в ночь на 17 сентября 2016г., когда радикалы накануне выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ забросали здание фейерверками, петардами и дымовыми шашками¹¹⁰. Это далеко не первый и не последний такой случай, причем в ходе других «акций» виновные жгли и разбивали машины посольства России, разбивали окна и совершали другие действия, охватываемые ст. 360 УК РФ.

Для акта международного терроризма по ч. 1 и ч. 3 ст. 361 УК РФ помимо деяний в виде совершения взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации, обязательным признаком объективной сто-

¹¹⁰ См.: СК возбудил дело по фактам нападений на российское посольство в Киеве // Электронный ресурс: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2801688> (дата обращения: 12.11.2017).

роны также выступает место его совершения, которое должно находиться вне пределов Российской Федерации. Если данное преступление будет совершено на территории России, то оно будет квалифицироваться как террористический акт по соответствующей части 205 УК РФ¹¹¹, что порождает коллизию в части толкования понятия «территория государства», связанную с тем, что военные суда, где бы они ни находились, остаются территорией России, а это может вызвать вопросы случае совершения теракта на таком судне, находящемся в зарубежном порту¹¹². Вместе с тем применительно к угрозе совершения указанных выше действий в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ место её выражения не обозначено, то есть такое деяние может быть совершено не только на территории другого государства, но и в России, однако оно должно быть связано с устраниением совершением взрыва, поджога и других подобных действий именно в зарубежной стране.

Квалифицирующим признаком, предусмотренным в ч. 3 ст. 361 УК РФ, является последствие в виде причинения смерти человеку.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 361 УК РФ, заключается в финансировании деяний, предусмотренных её частью первой, ибо в вовлечении в их совершение.

На проблемах применения данной нормы мы остановимся в первом параграфе главы 3 настоящего диссертационного исследования. Здесь же отметим такой недостаток законодательной техники, как отсутствие в диспозиции ч. 2 ст. 361 УК РФ упоминания о её ч.3, что при буквальном толковании исключает применение ч. 2 данной уголовно-правовой нормы, когда финансирование или вовлечение касается акта международного терроризма, повлекшего причинение смерти. Этот недостаток не был устранён при внесении из-

¹¹¹ См.: Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6. С. 38.

¹¹² См.: Коробеев А.И., Князева Е.А., Князева Н.А. Особенности уголовно-правовой борьбы с морским и воздушным пиратством по законодательству России и стран АТР // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2011. № 2. С. 62-71.

менений в данную норму Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ.

Кроме того, отметим, что террористический акт на практике преимущественно представляет собой организованное и тщательно спланированное преступление, предполагающее его совершение в соучастии с распределением ролей и стадию приготовления к нему, что в свою очередь указывает на возможность распределения соответствующей криминальной активности по территориям двух и более государств. При этом институт действия уголовного закона в пространстве, прежде всего в его экстерриториальном аспекте, предусматривает возможность применения национального уголовного закона в случаях, когда хотя бы часть соответствующего преступления осуществлена на территории России либо такая часть, имевшая место в другой стране, совершена её гражданином или постоянно проживающим в России лицом без гражданства, а равно когда деяние посягает на интересы нашего государства, понимаемые в широком смысле, либо относится к преступлениям международного характера, что в полной мере характеризует рассматриваемые нами деяния. Исходя из этого, введение в УК РФ ст. 361 изначально не имело под собой научного и юридического обоснования.

Как уже отмечалось нами ранее, использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при совершении второй группы преступлений террористической направленности преимущественно характеризует стадию приготовления к таким деяниям и может быть свойственно таким подготовительным действиям, как приискание орудий и средств их совершения, в том числе компонентов для изготовления взрывных устройств, поиска необходимой информации для изготовления или приспособления таких орудий и средств, приискание соучастников, достижение с ними сговора на совместное совершение преступления с его последующей детализацией, включающей распределение ролей, планирование этапов осуществления посягательства и постпреступного поведения. Как следует из содержания ч. 1 ст. 30 УК РФ, виновные могут осуществлять и другие действия, направленные

ные на умышленное создание условий для совершения рассматриваемых преступлений: например, они могут нелегально подключиться к сети видеонаблюдения, размещённой в объекте планируемого посягательства либо установить в нём скрытые камеры, транслирующие динамическое изображение в режиме реального времени, получить незаконный доступ к электронной документации организации или личным страницам её работников, в здании или ином помещении которой они планируют совершить теракт или другое преступление; установить радиомаяк на транспортное средство или иной предмет, принадлежащий предполагаемому потерпевшему либо его охранникам для наблюдения за ними и т.п.

Современное состояние информационных технологий создаёт условия для осуществления подготовительной деятельности на любом отдалении от объекта посягательства, поэтому выявление, предупреждение и доказывание такой деятельности также должно осуществляться с использованием аналогичных технических средств и средств программного обеспечения.

С учётом взаимосвязи объективных и субъективных признаков обобщающие выводы, касающиеся всех элементов выделенных составов преступлений террористической направленности, приведём в конце настоящей главы диссертационного исследования после рассмотрения их субъекта и субъективной стороны.

§3. Субъективные признаки составов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Субъективные признаки состава преступления содержатся в таких его элементах, как субъект и субъективная сторона.

Обязательными признаками субъекта преступления в соответствии со ст. 19 УК РФ являются следующие: физическое лицо, вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности¹¹³.

Субъект большинства рассматриваемых преступлений террористической направленности является общим, то есть характеризуется указанными выше исходными, обязательными признаками

Возраст субъектов для многих уголовно наказуемых деяний данной группы понижен до 14 лет, что вызвано повышенным уровнем общественной опасности таких преступлений террористической направленности, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), участие в террористическом сообществе (ст. 205⁴ УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ст. 205⁵ УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), участие в незаконном вооружённом формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). При этом количество видов преступлений с пониженным возрастом уголовной ответственности за их совершение было расширено законодателем именно применительно к деяниям террористической направленности¹¹⁴.

Изучение данного перечня преступлений террористической направленности, за которые установлен четырнадцатилетний возраст уголовной ответственности, позволил нам выделить существенную проблему, проистекаю-

¹¹³ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 121-123.

¹¹⁴ См.: Федеральный закон от 6 июля 2016г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

щую, как представляется, из отступления от принципа системности уголовного права. Состоит эта проблема в том, что применительно к ст. 205¹ УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности, включая пособничество отдельным преступлениям террористической направленности и организацию таковых, законом предусмотрен общий, шестнадцатилетний возраст уголовной ответственности. То есть искусственно создана ситуация, при которой действия исполнителя террористического акта и ряда других, указанных выше преступлений террористической направленности, влекут уголовную ответственность при достижении им четырнадцатилетнего возраста, тогда как участие других лиц, содействующих ему в реализации общего для них преступного умысла, - с шестнадцатилетнего возраста.

В случаях, когда, например, группа четырнадцати – и (или) пятнадцатилетних лиц, состоящих из исполнителя (соисполнителей), подстрекателя (подстрекателей), пособника (пособников) и (или) организатора (организаторов), совершает террористический акт, то к уголовной ответственности будет привлекаться только исполнитель (соисполнители) преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, тогда как остальные, фактически совершившие действия, подпадающие под ст. 205¹ УК РФ, не понесут уголовную ответственность как лица, не достигшие возраста субъекта соответствующего преступления.

Полагаем, что данная ситуация свидетельствует о явном упущении законодателя и является ещё одним аргументом в пользу существенной переработки содержания ст. 205¹ УК РФ, поскольку до её введения в уголовное законодательство лица, содействовавшие террористической деятельности, несли ответственность по той же статье Особенной части УК РФ, что и исполнители преступления и с учётом того же возраста, со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 этого УК РФ, регламентирующую действия организатора, подстрекателя или пособника. Другой путь решения указанной выше проблемы, состоящий в простом понижении возраста уголовной ответственности за содействие террористической деятельности по ст. 205¹ УК РФ, явля-

ется лишь полумерой, не устраняющей препятствий для дифференциации уголовной ответственности соучастников преступлений террористической деятельности с учётом фактической роли в совершении определённого вида деяний данной группы.

Как уже отмечалось нами выше, введение данной уголовно-правовой нормы в предложенной законодателем редакции изначально не являлось научно обоснованным и представляло собой излишний, дублирующий уголовно-правовой запрет, равно как и последовавшие за этим дополнения ст. 205¹ УК РФ частями третьей и четвёртой об ответственности за пособничество в террористическом акте, а затем и в других преступлениях террористической направленности, а также за организацию таковых¹¹⁵. Помимо прочего, в ст. 205¹ УК РФ не учтена возможность прерывания преступления, которому содействует виновный, на стадии приготовления или покушения, что порождает новую проблему дифференциации уголовной ответственности соучастников: исполнитель соответствующего преступления террористической направленности будет нести ответственность за неоконченную преступную деятельность, а лицо, содействовавшее ему – за оконченное преступление, предусмотренное ст. 205¹ УК РФ. Данные обстоятельства также обосновывают высказанное нами ранее предложение о целесообразности признания положений ст. 205¹ УК РФ, дублирующих институт соучастия в преступлении, утратившими силу.

Одна из наиболее актуальных проблем уголовно-правовой регламентации условий уголовной ответственности в части определения признаков субъекта преступления в целом и субъекта преступлений террористической направленности, в частности, связана с разрешением вопроса о распространении этого понятия не только на физических, но и на юридических лиц. Так, один из сторонников положительного разрешения этого вопроса А.В. Федо-

¹¹⁵ См.: Борисов С.В., Морозова А.А. Пособничество в совершении террористического акта как форма содействия террористической деятельности // Закон и право. 2016. № №4. С. 26-28.

ров в связи этим отмечает, что сегодня обсуждать проблемы противодействия терроризму невозможно без отнесения юридических лиц к возможным субъектам соответствующих преступлений, так как имеют место случаи, когда именно различные организации осуществляют финансирование террористической деятельности. Кроме того, сами преступления террористической направленности всё чаще совершаются именно террористическими организациями. Однако данный автор сам обращает внимание на то, что международно-правовое регулирование в данной сфере в настоящее время далеко от совершенства, поскольку положения о корпоративной уголовной ответственности в международно-правовых актах изложены фрагментарно и требуют более всесторонней и полной регламентации в отдельной конвенции¹¹⁶.

А.А. Арямов, также разделяющий идею установления уголовной ответственности для юридических лиц, отмечает, что существующее игнорирование данного института обусловило следующее отклонение в российской правоприменительной практике: если преступное деяние осуществляется с использованием имеющейся структуры юридического лица либо в его интересах, к уголовной ответственности привлекаются определённые физические лица, причём с учётом совершения преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), поскольку устойчивость, структурированность и цели извлечения выгоды являются неотъемлемыми чертами коммерческих организаций, вытекающих из соответствующих положений гражданского законодательства. По мнению А.А. Арямова, эта ситуация противоречит содержанию уголовного законодательства и ведёт к усилению репрессии, тогда как отнесение юридических лиц к субъектам преступлений создаст условия для учёта при квалификации корпоратив-

¹¹⁶ См.: Федоров А.В. Международно-правовое регулирование уголовной ответственности юридических лиц в системе мер противодействия терроризму // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 4. С. 21-33.

ных особенностей совершения преступного деяния без того, чтобы исказить содержание уголовного закона¹¹⁷.

Кроме того, отметим, что с инициативой установления уголовной ответственности для юридических лиц неоднократно выступал Следственный комитет РФ, связывая своё предложение с необходимостью повышения эффективности борьбы с преступлениями экономической направленности и упрощения взаимодействия с правоохранительными органами других государств, в которых существует корпоративная уголовная ответственность¹¹⁸.

Всестороннее рассмотрение выделенной проблемы требует проведения самостоятельного комплексного исследования и выходит за рамки темы нашей диссертации. Вместе с тем выразим свою позицию, состоящую в том, что придание юридическим лицам статуса субъекта преступлений противоречит существующим концептуальным основам российского уголовного права и, на наш взгляд, является нецелесообразным в связи с тем, что уголовный закон не может предусмотреть для организаций какие-либо иные виды наказания, которые отсутствовали бы в административном законодательстве, уже содержащем институт корпоративной ответственности, которая может реализовываться наряду с уголовной ответственностью физических лиц, признанных виновными в совершении определённых преступлений.

В ч. 2 ст. 2.1 и ст. 2.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях регламентировано, что административная ответственность юридических лиц наступает за те правонарушения, которые совершены от их имени либо в их интересах. Установленный и апробированный механизм административной ответственности юридических лиц предполагает оперативное реагирование на допущенные ими правонарушения и более быстрое обеспечение применения мер наказания, которые существенно огра-

¹¹⁷ См.: Арямов А.В. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 16. С. 56.

¹¹⁸ См.: Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888481> (дата обращения: 10.11.2017).

ничивают имеющиеся у них права. Большинство же видов уголовного наказания к юридическим лицам изначально применить нельзя (например, ограничение свободы, лишение свободы и т.д.). А аргумент в пользу обратной позиции, состоящий в том, что наличие административной ответственности юридических лиц при отсутствии их уголовной ответственности представляет собой дисбаланс в российской публично-правовой сфере¹¹⁹, по нашему мнению, не имеет под собой достаточного основания.

В связи с изложенными обстоятельствами считаем, что представителям Российской Федерации, участвующим в разработке проектов международно-правовых документов, а равно изменений для внесения в существующие международные договоры, указывающих на уголовную ответственность юридических лиц, в том числе по вопросам противодействия терроризму, целесообразно отстаивать и обосновывать необходимость внесения в них оговорок о том, что отдельные страны сохраняют за собой право устанавливать для организаций тот вид юридической ответственности, который соответствует их национальной правовой системе, а также, что данное обстоятельство не должно выступать препятствием для осуществления международного сотрудничества по соответствующим вопросам.

Специальный субъект преступления, обладающий не только общими, но и ещё и дополнительным признаком, указанным в уголовном законе, выделен на уровне квалифицированного состава в двух преступлениях террористической направленности: 1) содействие террористической деятельности (ч. 2 ст. 205¹ УК РФ) и 2) хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (п. «в» ч. 2 ст. 221 УК РФ). Соответствующим квалифицирующим признаком в них выступает совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 9 февраля 2012г. № 1 применительно к составу содействия террористической деятельности, к таким лицам необходимо относить не только должностных лиц, но и государственных

¹¹⁹ См.: Арямов А.А. Указ. соч. С. 56.

служащих и служащих органов местного самоуправления, не являющихся должностными лицами, а равно лиц, которые постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением. Данный признак может проявиться не только в умышленном использовании лицом своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, основанного на значимости и авторитете занимаемой ими должности, на других лиц. Такое воздействие в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, может, например, осуществляться в целях побуждения других лиц к совершению действий, способствующих террористической деятельности.

Субъективная сторона как ещё один, заключительный элемент состава преступления, включает в себя совокупность признаков, характеризующих внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, если таковые предусмотрены в уголовном законе. Обязательным признаком субъективной стороны в любом составе преступления является вина в форме умысла либо неосторожности, а факультативными признаками – мотив, цель и эмоциональное состояние (эмоции)¹²⁰. Последние могут приобретать обязательное значение в конкретном составе преступления, если это закреплено в уголовном законе или следует из его содержания.

В публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, публичном оправдании или пропаганде терроризма, равно как и в других преступлениях террористической направленности, имеющих формальную конструкцию состава, субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. То есть виновное лицо осознаёт общественную опасность своего деяния и желает его совершить. Отличаются такие преступления содержанием

¹²⁰ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 133-144.

умысла. Например, лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, осознаёт, что публично призывает других лиц к осуществлению террористической деятельности, публично оправдывает либо пропагандирует терроризм, и желает совершить такие действия. Осознание и желание здесь касаются всех объективных признаков данного состава преступления, в том числе публичности совершаемых действий.

По изученным уголовным делам в 62,88% случаев умысел на совершение преступлений террористической направленности возникал заранее, что позволяло виновным лицам обдумать и спланировать свою криминальную деятельность.

Часть рассматриваемых преступлений, в которых электронные или информационно-телекоммуникационные сети могут использоваться в рамках подготовительной деятельности либо для обеспечения их непосредственного осуществления, характеризуется определёнными целями: в террористическом акте имеются такие альтернативные цели, как стремление дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений, в захвате заложника – понудить государство, организацию или гражданина совершить какое-либо действие либо воздержаться от него; в акте международного терроризма – нарушить мирное сосуществование государств и народов либо направить свои действия против интересов Российской Федерации. Для лиц, объединившихся в террористическое сообщество, общей целью является совершение одного или нескольких преступлений террористической направленности, а равно иных уголовно наказуемых деяний в целях пропаганды, оправдания или поддержки терроризма. Лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 205³ УК РФ, проходит обучение в целях осуществления террористической деятельности. При захвате воздушного или водного судна, железнодорожного подвижного состава виновный преследует цель угона данных транспортных средств. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля преследует цель прекращения его государственной или политической

деятельности либо характеризуется мотивом – местию за такую деятельность. В преступлениях, предусмотренных статьями 278 и 279 УК РФ, деяния направлены на захват власти, её удержание, свержение или изменение основ конституционного строя государства, в том числе на нарушение территориальной целостности России.

Цель как квалифицирующий признак указана и в ч. 2 ст. 360 УК РФ состоит в стремлении виновного, совершающего нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, спровоцировать войну или международные отношения.

В первом параграфе главы 3 диссертации мы подробно рассмотрим значение цели для правильной квалификации данных преступлений, в том числе для их разграничения между собой и отграничения от иных, смежных с ними составов преступлений. Например, Пленум Верховного Суда РФ в п.11 постановления «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что судам необходимо учитывать, что посягательство на жизнь и здоровье другого человека путём совершения взрыва, поджога или иных подобных действий, совершённое по мотиву мести или личных неприязненных взаимоотношений и не преследующее цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, не образует состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК РФ, и квалифицируется по соответствующим статьям Особенной части этого Кодекса.

Применительно к юридической оценке действий соучастников по признакам субъективной стороны необходимо принимать внимание, что лицо, участвующее в приготовлении преступления террористической направленности либо обеспечивающее их непосредственное осуществление, равно как и подстрекатель к ним, преимущественно, но не всегда разделяет цели их исполнителя (соисполнителей), что не изменяет квалификацию содеянного всеми участниками посягательства в целом.

Обобщая материал второго и третьего параграфов настоящей главы приведём основные выводы.

1. В настоящее время использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей может иметь место на любой стадии совершения преступлений террористической направленности, что существенно изменяет устоявшиеся представления о механизме совершения таких уголовно наказуемых деяний. Виновные лица могут совершать преступления террористической направленности в целом либо их отдельные части вне места наступления общественно опасных последствий, находясь на любом удалении от фактического объекта посягательства. Таким же образом может происходить взаимодействие между соучастниками в процессе достижения между ними сговора на совместное совершение преступления, распределения ролей и иного планирования предстоящей криминальной деятельности, а равно постпреступного поведения, направленного на сокрытие следов содеянного, использования фото - и видеоматериалов с места совершения деяния для оправдания терроризма, его пропаганды и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Использование таких сетей существенно упрощает подготовительную деятельность и в части приискания, изготовления или приспособления необходимых орудий и средств, получения информации об объекте и способах посягательства, а также других умышленных действий по созданию условий для террористической деятельности. То есть использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей придаёт террористической деятельности системный и систематический характер, упрощает её осуществление, одновременно усложняя её предупреждение, выявление и доказывание, а также способствует самодетерминации относящихся к ней уголовно наказуемых деяний.

2. Уголовный закон уравнивает в своём юридическом и социальном значении использование средств массовой информации и электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, что является вполне обосно-

ванным с позиции сопоставимого уровня общественной опасности вовлечения таких средств и сетей в осуществление террористической деятельности в случаях, когда виновные пытаются придать таковой максимально возможную публичность.

3. Принимая во внимание быстрое развитие информационных технологий, представляется, что указание в уголовном законе не только на информационно-телекоммуникационные, но ещё и на электронные сети, обеспечивает его адаптационную ёмкость, то есть возможность его применения в будущем без корректировки текста, несмотря на последующие изменения общественных отношений и расширение видов средств, используемых при осуществлении террористической деятельности.

4. Юридический анализ объективных и субъективных признаков составов преступлений террористической направленности через призму реального или потенциального их совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей позволил нам выделить ряд проблем, допущенных законодателем в связи с отсутствием научной обоснованности введения ряда уголовно-правовых запретов, а также недостаточного внимания к требованиям юридической техники при их нормативном закреплении, в том числе связанных с необходимостью соблюдения требований правовой определённости и системности положений уголовного закона.

5. Изучение особенностей объективных и субъективных признаков преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, позволяет выделить такие специфические черты механизма их совершения, как активное использование таких сетей на всех стадиях реализации преступного умысла, а равно при формировании последнего и в постпреступном поведении, широкий спектр их использования, включающий различные подготовительные действия, осуществление своих функций соучастниками данных уголовно наказуемых деяний, а также практически неограниченные возможности по вовлечению в террористическую деятельность большого

числа лиц, распространению террористической идеологии и совершению общественно опасных деяний на любом удалении от предмета посягательства.

6. Во втором и третьем параграфах настоящей главы диссертации сформулированы предложения по совершенствованию уголовного закона, в том числе ориентированные на устранение необоснованной конкуренции ряда его норм и дифференциацию уголовной ответственности за совершение рассматриваемых деяний, а также по дополнению постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснением относительно квалификации преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 211 УК РФ.

ГЛАВА II. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИН- ФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

§ 1. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Современные реалии и тенденции развития общественных отношений убедительно свидетельствуют о стремительном расширении сфер и интенсификации использования информационных технологий в самых различных направлениях, в том числе для совершения противоправных деяний¹²¹. В связи с этим В.С. Овчинский говорит о цифровом мире XXI века как о системном понятии, интегрирующем такие категории, как цифровая среда (цифровое пространство), цифровые технологии, цифровое общество, цифровая экономика, цифровое государство и граждане цифрового мира¹²².

Одними из негативных последствий возникновения и развития информационного общества и цифрового мира являются появление и неуклонный рост числа преступлений, основанных на опасной идеологии террористического и экстремистского толка и связанных с её дальнейшим распространением, в свою очередь, приводящим к вовлечению в террористические и экстремистские сообщества и организации всё новых членов¹²³.

¹²¹ См.: Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступления в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 13.

¹²² См.: Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 9; Овчинский В. Виртуальный щит и меч: США, КНР и Британия в цифровых войнах будущего («Коллекция Изборского клуба»). М., 2017. С. 3-4.

¹²³ См.: Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // Экономика, педагогика и право. 2013. № 1. С. 54-58; Иванцов С.В., Борисов С.В. Организованные формы террористической и экстремистской

Преступления террористической направленности как часть преступности обуславливаются тем же комплексом причин и условий, что и криминалитет в целом, включая детерминанты политического, экономического, социального, организационно-правового и психологического характера¹²⁴. Однако особенности данных уголовно наказуемых деяний придают определённую специфику и их причинному комплексу, рассматриваемому в настоящем параграфе диссертации.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации¹²⁵ (далее – Концепция), в частности, отмечается, что для возникновения и распространения терроризма в России имеются определённые исторические предпосылки, а также внутренние экономические, политические, социальные, межнациональные, конфессиональные противоречия, а равно внешние факторы, включая общие для всего мирового сообщества террористические угрозы. То есть все факторы, обуславливающие совершение преступлений террористической направленности, можно подразделить на внутренние и внешние, как это сделано в данной Концепции. Последовательно остановимся на таких факторах и рассмотрим их с учётом специфики совершения преступлений террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

К внутренним факторам относятся следующие обстоятельства.

1. Межэтнические, межнациональные и иные социальные противоречия.

Данный фактор связан ростом экстремистских настроений в обществе за счёт обострения розни на национальной, религиозной, политической, идеологической и иной социальной почве. Этому в свою очередь также способствует целый комплекс причин и условий, включая те, что исходят от са-

деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2. С. 91.

¹²⁴ См.: Антонян Ю.М. Концепция причин преступности // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). С. 31-37.

¹²⁵ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 октября.

мих преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, посредством которых и происходит наиболее интенсивное распространение соответствующей опасной идеологии, формирующей и поддерживающей мотивационную сферу лиц, вовлекаемых в террористическую и экстремистскую деятельность.

2. Наличие благоприятных условий для противоправной деятельности лиц, имеющих указанную мотивацию, а равно их объединений, прежде всего, экстремистских и террористических сообществ и организаций, включая недостаточную эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер противодействия терроризму, организованной преступности, коррупции и незаконному обороту оружия; отсутствие надлежащего контроля за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в информационном пространстве.

Внешними факторами являются следующие обстоятельства.

1. Распространение криминальной активности международных террористических организаций на территорию России, включая проникновение их отдельных участников в целях вовлечения в ряды таких запрещённых организаций, образование относительно самостоятельных подразделений последних и обеспечение их функционирования.

Наибольшее деструктивное воздействие на глобальную и национальную безопасность в настоящее время оказывает преступная деятельность крупных международных террористических организаций, прежде всего запрещённой в России и во многих других странах организации «Исламское государство» (ИГИЛ, ДАИШ). Данная международная террористическая организация является наиболее крупной за всю историю человеческого общества, её лидеры пытаются придать ей мнимые черты государственности посредством захвата и оккупации территорий других стран, незаконных добычи, реализации и использования их природных ресурсов как своих собственных, создания своей «армии», разветвлённой системы управления и объеди-

няющей её членов агрессивной идеологии, активно распространяемой через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть «Интернет», где размещаются текстовые, аудио-, фото- и видеоматериалы, содержащие обращения к неограниченному кругу лиц, направленные на их вовлечение в ряды этой организации, привлечение финансовых средств и демонстрацию своих террористических акций, убийств и других преступлений.

2. Создание и поддержка очагов экстремистской и террористической напряжённости вблизи Государственной границы России и границ сотрудничающих с нею стран.

Наиболее ярким примером данного фактора является украинский геополитический кризис, инициированный и поддерживаемый из-за рубежа.

Наличие таких очагов террористической и экстремистской активности вблизи границ нашего государства может приводить к переходу данной противоправной деятельности на нашу территорию, в том числе к совершению конкретных преступлений террористической направленности, в которых всё чаще встречается так называемый иностранный элемент, что придаёт ей качества, свойственные транснациональной, международной преступности. Присутствие данного «иностранного элемента» может выражаться прямо, непосредственно (в виде участия иностранных граждан в совершении террористических преступлений на территории России, их финансирования с территории другой страны и др.), так и косвенно - когда такие деяния совершаются в границах одного государства, но создают угрозу для мирного сосуществования других стран, нанося тем самым вред не одному, а нескольким государствам¹²⁶.

3. Обеспечение террористической деятельности, осуществляемой на территории России, из-за рубежа посредством создания и функционирования в других странах религиозных учебных заведений, деятельность которых на-

¹²⁶ См.: См.: Волеводз А. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 129.

правлена на распространение экстремистской идеологии, основанной на межконфессиональной ненависти и вражде, а равно лагерей для подготовки боевиков в целях их дальнейшего участия в международных террористических и экстремистских организациях, часть которых имеет антироссийскую направленность; финансовой поддержки террористических и экстремистских сообществ и организаций, действующих в России, а также иных деструктивных действий иностранных государств, направленных на ослабление Российской Федерации и её позиции в мире, установление своего политического, экономического и иного влияния в конкретных регионах внутри нашей страны.

Как справедливо отмечает А.Г. Волеводз, в настоящее время в подготовку, финансирование и совершение преступлений террористической направленности в наибольшей степени вовлечены группировки и организации, которые объединяют в себе участников из разных государств мира, по формальным критериям не относящиеся к негосударственным организациям и группам. Преимущественно они действуют на территориях двух или более стран и характеризуются весьма развитой инфраструктурой, которая включает в себя не только органы управления, но ещё и финансовые инструменты, лагеря подготовки боевиков и другие составляющие. В течение последних пятнадцати лет между отдельно взятыми террористическими сообществами и организациями существует постоянное взаимодействие, которое можно охарактеризовать как сотрудничество, состоящее, в частности в том, что террористические объединения оказывают друг другу взаимную помощь в «кадровом» отношении, а также посредством обмена опытом, предоставления оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, технических средств и др.¹²⁷

4. Активизация действий по распространению идеологии терроризма и экстремизма через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть «Интернет», осуществляе-

¹²⁷ См.: Волеводз А. Указ. соч. С. 130.

мых субъектами террористической деятельности, заинтересованными в широком общественном резонансе своей преступной деятельности.

В сети «Интернет» каждый пользователь может найти самую разнообразную информацию, скопировать её, разместить соответствующий файл или ссылку на него на своей личной странице в социальной сети, а равно послать таковые любому количеству других лиц, пользующихся теми или иными Интернет-ресурсами. То есть даже один человек, заинтересованный в распространении идеологии терроризма либо в вовлечении в террористическую деятельность других лиц, в течение минимального времени может с помощью сети «Интернет» охватить неограниченный круг людей, распространяя информацию, содержание которой зависит от тех целей, которые он преследует.

В настоящее время сеть «Интернет» стала той средой, в которой и с помощью которой совершаются самые различные преступления, формируется мотивационная сфера несовершеннолетних, чья неокрепшая психика чрезвычайно восприимчива к информации, относящейся к запрещённому контенту, тем более, что экстремистская и террористическая идеология весьма примитивна – в ней всё делится на «белое» и «чёрное», указывается, кто и в чём «виноват», а также то, как решить те или иные проблемы, приводятся произвольные и упрощённые выдержки из религиозной литературы, якобы оправдывающие убийства, взрывы, поджоги и т.п., совершаемые «во имя веры» и «во имя справедливости».

Молодёжи предлагается вступать в различные группы религиозного или политического толка, в изобилии создаваемых в сети «Интернет», интересуют подростков возможностью быть участником какого-то «очень важного» общественного движения, обсуждать политические и социальные вопросы, высказывать своё мнение. Помимо таких, казалось бы, привычных тем, форумы в таких группах затрагивают и информацию с явными или завуалированными экстремистскими и террористическими компонентами, в том числе публикации, оправдывающие терроризм и экстремизм, призываю-

щие к участию в противоправных акциях, основанных на национальной, расовой, религиозной и иной ненависти или вражде, видеофайлы, демонстрирующие террористические и экстремистские акции, в том числе совершённые членами этой группы. Постепенно виртуальное участие в таких Интернет-группах может перетечь в реальную плоскость, выходящую за рамки этого объединения и состоящую в вовлечении новых членов, совершении насильственных или иных противоправных действий, в том числе по распространению данной идеологии.

Участники террористических и экстремистских сообществ и организаций знают, что совершение убийств, взрывов, поджогов и других опасных действий только тогда смогут вызвать максимальный общественный резонанс и посеять наибольший страх среди населения, когда они преданы огласке, причём во всех подробностях, особенно в части, касающейся религиозного и иного обоснования противоправных акций, их «кровавых» подробностей, то есть именно благодаря средствам массовой информации, электронным и информационно-телекоммуникационным сетям террористы и иные экстремисты пытаются достичь наибольшего эмоционального отклика. Поэтому всем субъектам противодействия терроризму и экстремизму важно приложить все возможные усилия, направленные на снижение такого эффекта террористической и экстремистской активности в среде «Интернет», что возможно не только за счёт заблаговременной блокировки соответствующих сайтов, но и посредством формирования и реализации новых требований к освещению преступлений террористической и экстремистской направленности, в числе которых, на наш взгляд, должен быть и приоритет тех публикаций, в которых сообщается о задержании и осуждении лиц, совершивших такие преступления, видах и размерах назначенных им наказаний с разъяснением правовых последствий террористической и экстремистской деятельности.

5. Отсутствие у мирового сообщества согласованного единого подхода к определению причин и условий возникновения и распространения терро-

ризма, и движущих его сил, а также единого антитеррористического информационного пространства, наличие двойных стандартов в правоприменительной практике в сфере предупреждения терроризма и борьбы с ним.

В последние несколько лет, особенно в период после 2013 г., когда начал обостряться украинский геополитический кризис, а также наступила активная фаза антитеррористических действий ВКС России в Сирии, показали наличие серьёзных проблем в крупнейших международных организациях, включая ООН и её Совет Безопасности, состоящие в неспособности обеспечить эффективную координацию усилий государств-членов в направлении противодействия терроризму, снять или минимизировать политические разногласия между ними, акцентировать внимание на продуктивном сотрудничестве, а не на подготовке и обсуждении заведомо бесперспективных резолюций и иных документов, лоббируемых отдельными странами или их группами в своих, а не в общемировых интересах.

Особенно деструктивную роль играет так называемая политика «двойных стандартов», в том числе покровительство со стороны отдельных государств в отношении террористических объединений, произвольно причисляемых ими к «умеренной оппозиции», искажённое новостное освещение антитеррористических действий других стран, доходящее до инсценировок и иных фальсификаций, направленных на дискредитацию их вооружённых сил и политических лидеров. Все эти негативные действия в совокупности можно назвать информационной агрессией, обуславливающей информационную войну между государствами, которая не только подрывает уровень их готовности к диалогу и сотрудничеству, но ещё и активно используется как благоприятные фон и условия для активизации распространения идеологии терроризма и экстремизма.

Вместе с тем озабоченность мирового сообщества радикализацией молодежи и ростом насильственного экстремизма, в том числе масштабного и организованного, вызывает необходимость разработки и реализации страте-

гических документов в области предупреждения соответствующих негативных социально-правовых явлений.

Так, Генеральная Ассамблея ООН 12 февраля 2016г. приняла резолюцию, в которой поддержала инициативу Генерального секретаря и приняла к сведению его План действий по предупреждению воинствующего экстремизма¹²⁸.

Как сказано в этой резолюции, в своём плане Генеральный секретарь призывает применять комплексный подход, предусматривающий принятие не только тех мер, которые направлены на обеспечение безопасности в рамках борьбы с терроризмом, но и систематических превентивных мер, которые непосредственно касаются тех факторов, под влиянием которых происходят радикализация населения и его присоединение к экстремистским объединениям воинствующего типа.

Во введении к этому Плану, в частности указано, что в последние годы такие террористические объединения, как ИГИЛ, «Аль-Каида» и «Боко харам», олицетворяющие собой воинствующий экстремизм, распространяют идеи религиозной, культурной и социальной нетерпимости, что имеет тяжёлые последствия для многих регионов по всему миру. Они удерживают территории и используют социальные сети для того, чтобы в глобальных масштабах и в режиме реального времени распространять свои идеи и информацию о результатах своей преступной деятельности, бросая тем самым вызов таким базовым ценностям, как мир, справедливость, человеческое достоинство.

Распространение воинствующего экстремизма в свою очередь ещё более усугубляет гуманитарный кризис, способствует его выходу за пределы отдельных регионов. Миллионы людей были вынуждены покинуть территории, захваченные террористическими и воинствующими экстремистскими объединениями. Это обусловило наращивание миграционных потоков, сле-

¹²⁸ См.: Официальный сайт ООН: URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/plan-action-prevent-violent-extremism> (дата обращения: 12.11.2017).

дующих как в зоны конфликта, так и из них, что вызвано желанием людей оказаться в безопасном месте. Другой стороной данных процессов стало вовлечение в вооружённые конфликты в качестве иностранных боевиков-террористов, что ещё более дестабилизирует обстановку внутри соответствующих государств.

Экстремизм не может возникнуть «в вакууме». Растущие в том или ином обществе недовольства, ощущение несправедливости могут привести к тому, что обещания предоставления более широких возможностей и осуществления радикальных преобразований становятся привлекательными для многих людей¹²⁹. Лицам, следующим по пути воинствующего экстремизма, удалось завербовать в более чем 100 государствах свыше 30 000 иностранных боевиков-террористов, которые направившихся в Сирию, Ирак, а также в Афганистан, Ливию и Йемен. Некоторые завербованные лица отказываются от преступных намерений и возвращаются в свои страны, другие же делают это для того, чтобы распространить в своих социальных кругах идеи ненависти, нетерпимости и насилия¹³⁰.

В резолюции Совета Безопасности ООН 2178 (2014)¹³¹, в частности, указано на наличие прямой связи между воинствующим экстремизмом и терроризмом, отмечена важность соответствия принимаемых мер действующим международным нормам, подчёркнута необходимость принятия превентивных мер: для эффективного противодействия насильственному экстремизму, способного выступать питательной средой для терроризма, необходимы взаимодействие и коллективные усилия, направленные на то, чтобы предотвратить радикализацию, вербовку и мобилизацию лиц в террористические

¹²⁹ См.: Антонян Ю.М. Психология терроризма // Научный портал МВД России. 2012. № 3 (19). С. 106-110.

¹³⁰ См.: Сокирянская Л. Проповедь ножа и топора // Электронный ресурс: URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/11/11/74515-propoved-nozha-i-topora> (дата обращения: 24.11.2017).

¹³¹ См.: Резолюция Совета Безопасности ООН 2178, принятая 24 сентября 2014 г. на 7272 заседании // Официальный сайт ООН: URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/548/01/PDF/N1454801.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.11.2017).

объединения и в ряды иностранных боевиков-террористов. В этой резолюции Совет Безопасности ООН призвал государства-члены активизировать усилия по противодействию насильственному экстремизму, и подчеркнул необходимость соблюдения Устава ООН в ходе международного сотрудничества и принятия совместных мер по противодействию терроризму.

Перечисленные выше внешние и внутренние факторы касаются терроризма и террористической деятельности в целом, в том числе и преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Вместе с тем детерминанты таких уголовно наказуемых деяний характеризуются определёнными особенностями, проистекающими, в частности, из того, что эти деяния сами по себе способствуют более широкому распространению экстремистской и террористической идеологии, что в свою очередь обуславливает вовлечение в террористическую деятельность новых членов.

Учёными в области уголовного права и криминологии справедливо отмечается ведущая роль идеологии терроризма и экстремизма в формировании и усилении мотивации лиц, совершающих соответствующие преступления¹³². При этом публично совершаемые преступления террористической и экстремистской направленности, особенно те, при осуществлении которых активно используются электронные или информационно-телекоммуникационные сети, характеризуются так называемой самодетерминацией¹³³. Это означает, что они сами по себе включаются в причинный

¹³² См., например: Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2010. С. 10-18; Борисов С.В. Отдельные проблемы предупреждения преступлений, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды по признакам национальности и отношения к религии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 135-136; Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. С.13.

¹³³ См.: Узембаева Г.И. Самодетерминация как системное свойство преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей // Общество и право. 2016. № 2. С. 218-222; Макаров В.В. Некоторые вопросы детерминации преступности // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 90.

комплекс террористической и экстремистской деятельности, обуславливая тем самым непрерывность воздействия всей совокупности детерминирующих факторов, актуализируя и усиливая последние. Поэтому установление уголовной ответственности за публичное распространение соответствующих идеологических воззрений является криминологически обоснованным, направленным на упреждение такого распространения и недопущение его перерастания в более опасные преступления террористической и экстремистской направленности¹³⁴.

На динамику и структуру преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, влияет сочетание и взаимодействие факторов, в совокупности детерминирующих данные уголовно наказуемые деяния.

Безусловно, в этой совокупности присутствуют экономические, политические, идеологические и психологические причины и условия. Опрос судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей, оперативных сотрудников и научно-педагогических работников показал, что в настоящее время затруднительно отдать предпочтение какой-либо группе факторов, поэтому большинство респондентов сошлись на мнении о том, что все детерминанты в общей совокупности взаимодействуют и дополняют друг друга и приоритетное значение какого-либо из них зависит от конкретных времени, месте и других обстоятельств их проявления.

Например, в связи с продолжающимся в настоящее время глобальным экономическим кризисом, особенно сильно затронувшим страны, экономика которых зависит от цен на энергоресурсы, экономическому фактору стал придаваться больший вес в системе детерминант преступности. Однако сам

¹³⁴ См.: Иванцов С.В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал, 2015. С. 368-374.

по себе этот фактор не способен сформировать мотивационную основу личности, выступающую источником активности и придающей ей те или иные направления. Многое в проявлении и значимости экономического фактора зависит от вида криминальной активности: его значимость наиболее велика при наличии прямой или косвенной корыстной заинтересованности.

Так, заинтересованность во вступлении в ряды ИГИЛ или других международных террористических организаций, в частности, стимулируется материально, поскольку членам таких организаций ежемесячно выплачивается денежная сумма, превышающая 1 тысячу долларов США. По оценкам ФСБ России в деятельности ИГИЛ в 2015 г. участвовало более 20 тысяч иностранцев, прибывших из самых разных стран мира. Данное ведомство сообщило, что в этой международной террористической организации участвуют выходцы более чем из 100 государств, среди них российские граждане составляли около 9%¹³⁵. В феврале 2017г. Президент России в ходе встречи с офицерами флота сообщил о том, что, по данным Генштаба ВС РФ, на стороне ИГИЛ воюет около 4000 россиян¹³⁶. Часть данных лиц по тем или иным причинам, в том числе в связи с активными антитеррористическими действиями ВКС России, возвращается в свои страны, избежав уголовной ответственности за участие в террористической деятельности на территории другой страны. Среди них могут быть и те, что прибывают в Россию для организации или осуществления террористических актов, а равно для совершения других преступлений террористической направленности, в том числе с применением электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Сокращения численности работников многих организаций, а равно прекращение или сужение деятельности последних, уменьшение размера заработной платы и (или) её покупательской способности, одновременно вы-

¹³⁵ См.: Электронный ресурс: URL: <http://pronovosti24.ru/2015/02/> (дата обращения: 17.11.2017).

¹³⁶ См.: Путин сообщил, сколько россиян воюет за ИГИЛ // Электронный ресурс: URL: <http://islam-today.ru/novosti/2017/02/24/putin-soobsil-skolko-rossian-vouet-za-igil/> (дата обращения: 20.11.2017).

ступают и психологическим фактором, обуславливающим возникновение и усиление негативной мотивации населения, в том числе доходящей до ненависти или вражды на расовой, национальной, религиозной, политической, идеологической или иной почве¹³⁷. А эти мотивы, в свою очередь, могут подтолкнуть лицо к противоправной деятельности, в частности, в размещении той или иной информации экстремистского толка на своей странице в социальной сети, массовой рассылке сообщений пользователям таких сетей, а равно абонентам сотовой связи, в которых могут содержаться призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности.

В совокупности (системе) факторов рассматриваемых преступлений не последнее место занимают миграционные процессы и вытекающие из них явления. Это связано с тем, что прибытие мигрантов в ту или иную страну, особенно в тех количествах, которые наблюдаются в последние годы в странах Евросоюза, с неизбежностью приводит к росту социальной напряжённости, конфликтам с основным населением соответствующего государства, и, как следствие, к увеличению числа совершаемых преступлений с участием таких лиц, выступающих в роли виновных либо потерпевших. Если же говорить о терроризме, включающем в себя соответствующую социально опасную идеологию и практику противоправной деятельности, то необходимо учитывать, что миграционные потоки несут в себе питательную среду для распространения экстремистских и террористических воззрений и призывов, вовлечения в экстремистские и террористические сообщества и организации новых членов, их склонения к участию в конкретных преступлениях соответствующей направленности.

Отметим, что сама по себе миграция и, прежде всего, её интенсификация также вызывается рядом причин и условий, которые продолжают своё воздействие и в дальнейшем, в том числе в случаях, когда мигранты уже находятся на территории другого государства, остаются в нём либо следуют

¹³⁷ См.: Антонян Ю. М. Типология и причины терроризма // Проблемы борьбы с терроризмом. М., 2000. С. 41-51.

дальше. Образно говоря, за данными лицами неотступно следуют бедность, последствия военных действий на их родине и т.д., формирующие установки на определённое поведение, не всегда находящееся в русле национального законодательства государств, в которых они на тот момент находятся. Мотивационная сфера данных лиц нередко перенасыщена ненавистью и враждой по национальным, религиозным, идеологическим и иным признакам. Здесь следует уточнить, что в настоящей статье мы не берём в расчёт тех мигрантов, которые не были по тем или иным причинам вынуждены массово покинуть пределы какого-либо государства, и составляют лишь малую часть рассматриваемых потоков и процессов. Как детерминирующий, криминогенный фактор следует рассматривать именно ту составляющую миграционных процессов и сопряжённых с ними обстоятельств, которые связаны с лицами, формирующими целые миграционные потоки, способные существенно влиять на общественные отношения не только внутри отдельно взятого государства, но и в масштабах нескольких стран или даже мира в целом. Примером тому служит поток беженцев с Ближнего Востока, наводнивший государства Евросоюза, особенно после начавшихся военных действий в Сирийской Арабской Республике.

Подчеркнём, что мы не рассматриваем мигрантов исключительно как лиц, склонных к совершению преступлений или (и) характеризующихся повышенной виктимностью, а лишь выясняем роль и значение так называемого миграционного фактора в системе детерминант одной из наиболее опасной структурной группы преступности, отличающейся террористической направленностью совершаемых деяний, и акцентируем внимание на той части последних, что сопряжена с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

В условиях разобщённости больших и малых групп мигрантов, их постоянных перемещений как внутри отдельных стран, так и с пересечением границ двух или более государств, а также объективных и субъективных трудностей во взаимодействии с институтами и основным населением по-

следних, электронные и информационно-телекоммуникационные сети выступают теми средствами, которые позволяют данным лицам сохранять связи между собой, их близкими и знакомыми, не последовавшим за ними, искать, получать и распространять определённые сведения, в том числе относящиеся к террористической и экстремистской идеологии. Активное использование мигрантами таких средств коммуникации, в том числе посредством создания закрытых групп в социальных сетях и участия в них, создаёт предпосылки для формирования виртуальной общности большого количества людей, пусть и разобщённых территориально, но консолидируемых одним и тем же географическим происхождением, принадлежностью к определённой национальности, конфессии, языковой группе и т.д. Наряду с положительными моментами, данные обстоятельства несут в себе и негативные черты, прежде всего, состоящие в том, что такое использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей ещё более снижает и без того невысокое желание многих мигрантов ассимилироваться в обществе в том государстве, в котором они находятся, создаёт для них постоянно существующее информационное пространство, в котором весьма распространены идеи терроризма и экстремизма, предлагаются широкие возможности для транснациональной преступной деятельности. При этом одним из компонентов миграционного фактора выступает формирование некоего фона для напряжённости и конфликтов в обществе на почве национальной, религиозной, политической и иной неприязни.

М.В. Ульянов, рассматривая миграционные процессы в контексте детерминации преступлений экстремистской направленности, справедливо отмечает, что миграция является составной частью практически всех основных детерминант преступности в Российской Федерации¹³⁸. Более того, продолжая эту мысль, отметим, что миграционные процессы не только входят в содержание тех или иных детерминирующих факторов, но и нередко усилива-

¹³⁸ См.: Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2017. С. 10.

ют их эффект. Например, можно обратить внимание на то, что миграционные процессы существенно влияют на рынок труда (экономический фактор), создают территории, на которых компактно проживают лица, следующие своей этнической принадлежности и вероисповеданию, что приводит к их изоляции, социальному сопротивлению и т.п. (социальный и социально-психологический факторы), сопряжены с распространением террористической и экстремистской идеологии (идеологический фактор)¹³⁹, формированием и противоправной деятельностью криминальных групп, объединённых по этническому признаку (криминальный фактор). Реализации данных причин и условий в конкретные преступления способствуют недостатки в планировании и осуществлении органами власти комплекса предупредительных мер, учитывающих специфику указанных выше детерминант, что, в свою очередь, образует организационно-управленческий фактор.

По данным научных исследований, только за последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза, причём основа миграционных потоков – это люди активного возраста (около 50% мигрантов составляет молодёжь в возрасте от 18 до 35 лет)¹⁴⁰, что следует воспринимать не только в контексте их потенциальной готовности к криминальной или иной противоправной деятельности, но и как пополнение рынка труда, причём не обязательно исключительно в негативном смысле.

В рамках предупреждения преступности и её отдельных проявлений, включая деяния террористической направленности, важно учитывать преимущественное отсутствие непосредственной причинной связи между миграцией и изменениями динамики и (или) структуры криминалитета. Более правильным, на наш взгляд, будет говорить о том, насколько миграционные

¹³⁹ См.: Авдеев В.А., Авдеева О.А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации // Юридический мир. 2014. № 12. С. 59-63.

¹⁴⁰ См.: Алексеева Е.Н. Транснациональная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: М., 2013. С. 3; Голик Ю.В., Балашова Т.Н., Балашов З.В., Дук Ю.И. Основные направления незаконной миграции в Российской Федерации на современном этапе // Общество и право. 2008. № 1. С. 12-13;

процессы и их качественные и количественные изменения в тех или иных конкретных условиях усиливают криминогенное воздействие других традиционных детерминант преступности в целом и отдельных групп и видов преступлений, в частности.

Учитывая идеологическую составляющую рассматриваемых преступлений¹⁴¹, считаем необходимым минимизировать распространённый вариант публичного освещения миграционных процессов в средствах массовой информации, при котором внимание зрителя (читателя, слушателя, пользователя сети «Интернет») акцентируется исключительно или преимущественно на отрицательных сторонах миграции и мигрантов (например, с нарочитым обозначением национальности или гражданства лиц, подозреваемых в тех или иных преступлениях, преждевременными и абсолютно излишними предположениями о причастности к определённым посягательствам лиц какой-либо национальности или вероисповедания, необоснованными выводами о преобладании так называемой преступности мигрантов, её «небывалом росте» и т.п.).

Важно учитывать, что террористы, равно как и другие преступники, используют складывающиеся условия, обращая особое внимание на те из них, что благоприятствуют их криминальной деятельности. Поскольку терроризм направлен на устрашение населения и дестабилизацию деятельности международных и внутригосударственных институтов, для лиц, совершающих соответствующие преступления, в том числе участвующих в террористических сообществах и организациях, большое значение имеет общественный резонанс осуществляемых ими акций – чем он шире, тем более ощутимым является достигнутый ими преступный результат. Поэтому излишняя активность средств массовой информации в освещении террористических преступлений, особенно с элементами «журналистских расследований» и демонстрацией «кровавых последствий», только на руку данным лицам. Более

¹⁴¹ См.: Антонян Ю.М. Терроризм: Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Изд-во Щит-М, 1998. С. 34-36.

того, террористические организации готовы провозгласить свою ответственность даже за те преступления, к которым они не имеют никакого отношения, главное, чтобы достичь указанных выше целей. Примером тому является убийство более 50 человек в Лас-Вегасе, совершённое 2 октября 2017г. Стивеном Пэддоком, стрелявшим из различного огнестрельного оружия из своего номера в отеле по посетителям кантри-фестиваля. В средствах массовой информации тут же сообщили, что ответственность за это преступление взяла на себя запрещённая террористическая организация «Исламское государство»¹⁴². Новости о данном происшествии снабжены громкими заголовками о «кровавой бойне», «массовом убийстве», «кровавой трагедии» и т.п. с соответствующими фото- и видеоматериалами, журналистскими версиями и т.д., в том числе о связях Пэддока с террористическими организациями.

Подобное нагнетание страха в обществе проецируется и на мигрантов, особенно тех, внешность и поведение которых позволяет отнести их к лицам, исповедующим ислам, формирует и (или) поддерживает отрицательный образ данных людей, что с неизбежностью усиливает и их негативное отношение к обществу, в котором они находятся.

Учитывая транснациональный характер, присущий ряду преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в организации их предупреждения следует принимать во внимание глобализационные факторы, в том числе геополитические кризисы, организуемые в тех или иных регионах в интересах каких-либо групп государств. Такие кризисные ситуации используются террористическими сообществами и организациями для увеличения масштабов своей преступной деятельности, что в свою очередь может явиться катализирующим фактором, обуславливающим рост террористической преступности.

¹⁴² См., например: Братерский А. «Видел, как бегут окровавленные и обезумевшие люди // Газета.ру: URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/10/02_a_10914038.shtml (дата обращения: 03.10.2017).

Развитие возможностей информационных процессов и технологий, в том числе в области использования ресурсов сети «Интернет» также является глобализационным фактором, обуславливающим резкое расширение предпосылок для вовлечения в террористическую деятельность всё большего количества людей по всему миру.

Доктрина информационной безопасности¹⁴³ раскрывает не только положительные, но и отрицательные стороны прогресса в области информационных технологий. Помимо ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества, наблюдается ежегодный рост числа преступлений, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей¹⁴⁴.

Если же говорить о причинах и условиях совершения рассматриваемых преступлений, вытекающих из недостатков деятельности судов, прокуратуры, органов предварительного расследования и оперативных подразделений, то изучение 224 уголовных дел показало, что детерминанты таких деяний указывались только в 49 (21,87%) из них, а представления об их устранении выносились по 45 делам (20,09%).

Опрос 349 судей, прокуроров, служащих прокуратуры, следователей и сотрудников оперативных подразделений выявил следующие условия, благоприятствующие совершению таких преступлений, связанные с их деятельностью: дефицит квалифицированных кадров (32,09% респондентов); недостаточное внимание сотрудников к выявлению и устранению таких причин и условий (15,47%); недостатки в материально-технической оснащённости подразделений по противодействию терроризму и экстремизму (61,03%); отсутствие специальных подразделений (специализации сотрудников) по про-

¹⁴³ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁴⁴ См.: Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А.П. Суходолов, С.В. Иванцов, С.В. Борисов, Б.А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 14-15.

тивоедействию терроризму и экстремизму в сети «Интернет» (69,63%) и повышенная загруженность сотрудников (82,23%).

Таким образом, совершению преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, способствует совокупность факторов, имеющих внешний и внутренний характер, в том числе факторов, связанных с процессами глобализации. Вместе с тем вся совокупность детерминант приходит в действие, преломляясь через сознательную и волевую сферы личности, её мотивационную сферу. Именно формирование такой сферы и её содержание могут привести лицо к решению совершить преступление. Возможность же его совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей воспринимается виновными лицами в качестве одного из благоприятных условий для выражения своих мотивов и целей, в том числе ненависти либо вражды на национальной, религиозной, политической или идеологической почве. Это обстоятельство сближает причинные комплексы преступлений террористической и экстремистской направленности.

Вместе с тем террористические преступления частично имеют и иную мотивационную основу, связанную с мезью государственным или общественным деятелям за их государственную или политическую деятельность, корысть, желание дестабилизировать обстановку в государстве, в том числе захватить власть в нём или насильственно её удерживать и т.д.

Корыстная составляющая мотивационной сферы личности субъектов ряда преступлений террористической направленности придаёт данным преступлениям импульс к организованному (плановому) характеру террористической деятельности, созданию террористических сообществ и организаций, незаконных вооружённых формирований.

§ 2. Характеристика личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Личность преступника, понимаемая в криминологии как совокупность социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих абстрактного нарушителя уголовно-правового запрета, является одним из центральных понятий в системе непрестанно пополняемых научных знаний о преступности и её предупреждении¹⁴⁵. Учение о личности преступника развивается за счёт новых научных исследований, касающихся не только данной личности вообще, но и её отдельных видов, характеризующихся определёнными особенностями, в том числе относительно присущей им криминальной мотивации¹⁴⁶.

В настоящем параграфе мы остановимся на личности субъектов, совершающих преступления террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, особенности которых проистекают не только из их мотивов и целей, но и из способа и средств реализации умысла.

Как отметили Г.А. Аванесов и Р.Ш. Шегабудинов, личность преступника является носителем специфических мотивов, существенных и относительно устойчивых свойств, которые закономерно образуются под воздействием негативной социальной среды¹⁴⁷. Человек совершает преступле-

¹⁴⁵ См.: Антонян Ю.М. Изучение личности преступника: Учебное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. С. 42; Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД: Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. С.4.

¹⁴⁶ См.: Антонян Ю.М. Эминов В.Е. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: монография. М.: Юридическое издательство «Норма». 2017. С. 5-6; Личностные характеристики преступников: монография / Антонян Ю.М., Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б., Гончарова М.В., Гришко А.Я., Дорожка Ю.С., Елисов П.П., Коваленко В.И., Сторчилова Н.В., Шиян В.И. М.: Издательство «Юнити-Дана». 2016. С. 17.

¹⁴⁷ См.: Аванесов Г.А., Шегабудинов Р.Ш. Личность преступника в системе причин преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №3. С. 93.

ние, становится преступником в силу ряда обстоятельств, прежде всего, связанных с влиянием социума, тех условий, в которых формировался индивид, его ближайшего окружения. То есть можно говорить о том, что с течением времени структура личности может приобретать криминогенное наполнение, отличающее её от личности законопослушного человека по социальным, социально-психологическим, психологическим, физиологическим свойствам¹⁴⁸.

В последние годы в процессе формирования личности всё более активную роль играют информационные технологии, прежде всего, сеть «Интернет», создающая ту среду, под воздействием которой растут современные дети, черпающие из неё основную информацию, где происходит значительная часть общения у молодёжи и многих взрослых.

По справедливому утверждению ряда криминологов, в настоящее время молодые люди в возрасте до 25 лет переместили значительную долю своей активности в Интернет-пространство, что проявляется и в соответствующем смещении места и условий совершаемых ими преступлений¹⁴⁹.

Как уже отмечалось нами ранее, наряду с положительным эффектом возникновения и развитие информационного общества несут в себе и негативные последствия и тенденции, в том числе увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей¹⁵⁰. Использование таких сетей позволяет виновным лицам действовать на любом удалении от объекта посягательства с кажущимися им абсолютными анонимностью и безнаказанностью¹⁵¹.

¹⁴⁸ См.: Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: М., 2003. С. 30.

¹⁴⁹ См.: Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В., Коваленко В.И., Шиян В.И., Бицадзе Г.Э., Евсеев А.В. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года. М.: ВНИИ МВД России, 2018. С. 6.

¹⁵⁰ См.: Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. ...дис. докт. соц. наук. Краснодар, 2012. С. 5.

¹⁵¹ См.: Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // Экономика, педагогика и право. 2013. № 1. С. 54.

Выделенные особенности информационных технологий, равно как и широкий, всеобъемлющий охват аудитории, доступность и простота использования, способствуют вовлечению в преступную деятельность тех лиц, которые ранее могли бы воздержаться от криминальной активности. То есть наполнение структуры личности криминогенными свойствами в данном случае происходит намного быстрее и с меньшим набором способствующих этому факторов, тем более, что грань между правомерным и уголовно наказуемым поведением в отдельных преступлениях террористической направленности очень тонкая. Примером тому являются публичное оправдание терроризма и его пропаганда, которые запрещены ст. 205² УК РФ, наряду с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности.

В практике нередкими являются случаи, когда лица, привлекаемые к ответственности по ст. 205² УК РФ, всячески пытаются обосновать правомерность своих действий закреплёнными в Конституции РФ свободой слова и свободой творчества, а также своей неосведомлённостью о существовании данного уголовно-правового запрета и (или) отсутствием общественной опасности совершённых ими действий. Конституционный Суд РФ отвечая на жалобу относительно неопределённости статьи 205² УК РФ и её противоречия нормам международного права и Конституции Российской Федерации, не согласился с заявителем и, в частности, отметил, что соответствующий уголовно-правовой запрет вытекает из международно-правовых обязательств Российской Федерации, призван обеспечивать общественную безопасность и предусматривает ответственность только за те призывы к осуществлению террористической деятельности и такое оправдание терроризма, которые осуществляются публично¹⁵². Публичность же, как криминообразующий

¹⁵² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014г. № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177145.pdf>.

признак, в наибольшей степени проявляется при использовании виновными электронных и информационно-телекоммуникационных сетей.

Важно понимать, что ст. 205² УК РФ, в ч. 2 которой предусмотрен квалифицирующий признак в виде использования средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, является нормой с двойной превенцией, позволяющей не только привлечь виновных к уголовной ответственности за указанные публичные действия, но и предотвратить дальнейшее распространение идеологии терроризма и вовлечение в террористическую деятельность новых участников, перерастание призывов, оправдания и пропаганды терроризма в другие, более опасные преступления террористической направленности.

Заявляемая обвиняемыми лицами неосведомлённость о существовании данного или любого другого уголовно-правового запрета не исключает уголовную ответственность за содеянное и не освобождает от неё. Вместе с тем, как представляется, правоохранительным органам целесообразно активнее участвовать в правовом информировании населения, в том числе относительно наказуемости публичных высказываний, призывающих к осуществлению террористической деятельности, оправдывающих или пропагандирующих терроризм, что будет способствовать осознанию характера и степени общественной опасности соответствующих действий, формированию общественного сознания, осуждающего такие действия. При организации и осуществлении этого направления профилактической деятельности важно учитывать особенности личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе то, что они, как правило, являются активными пользователями таких сетей¹⁵³.

¹⁵³ См.: Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 119.

Отметим, что в 2016 г. за преступления террористической направленности было осуждено 523 лица, для которых обвинение по указанным статьям УК РФ явилось наиболее тяжким из предъявленных. При этом количество осуждённых за такие преступления в сравнении с предыдущим годом увеличилось на 49,4%. В первом полугодии 2017 годы за преступления террористической направленности (по статьям 205-205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ) по основной и дополнительной квалификации было осуждено 244 лица¹⁵⁴.

Большинство таких лиц (423 – 80,8%) в 2016 г. были осуждены за преступления, связанные с финансированием терроризма, террористической организации (в 2015г. – 252 лица – 72%).

В 2016г. женщины составили 3,8% всех осуждённых за преступления террористической направленности (в 2015г. – 4,6 %).

По возрастным группам осуждённые распределились следующим образом: в возрасте до 18 лет совершили преступление 2,7% осуждённых, от 18 до 24 лет – 44,2%, от 25 до 29 лет – 25,2%, от 30 до 49 лет – 26%. В возрасте старше 50 лет совершили преступление 2,1%.

Свыше половины осуждённых (75,9%) являлись трудоспособными без определённых занятий. Характерно, что 464 (88,7%) осуждённых совершили преступление впервые. То есть в террористическую деятельность преимущественно вовлекаются лица, которые нигде не работают и не имеют криминального опыта, во всяком случае, ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи, когда подсудимыми по уголовным делам о преступлениях террористической направленности выступают лица, ранее судимые за аналогичные деяния, в

¹⁵⁴ Здесь и далее приводятся статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.12.2017).

том числе совершённые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Так, Д., ранее судимый за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205² и ч. 1 ст. 280 УК РФ, менее чем через месяц после отбытия назначенного наказания в виде лишения свободы на срок три года, вновь совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в сговоре с другим лицом и с использованием сети «Интернет» для размещения своей публицистической статьи, содержащей такие призывы. Д. не признал свою вину и сослался на то, что опубликованная статья содержит критику политической деятельности и не призывает к терроризму, однако комплексная психолого-лингвистическая, политологическая, религиоведческая и историческая экспертиза подтвердила обратное¹⁵⁵.

В 2016г. за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма по ст.205² УК РФ были осуждены 47 лиц, 31 (66%) из которых было назначено реальное лишение свободы, лишение свободы условно назначено осуждённому, а штраф – 14 осуждённым. В отношении одного лица были применены принудительные меры медицинского характера. Также были осуждены 8 лиц, совершивших данное деяние в совокупности с другим более тяжким преступлением.

Для сравнения, в 2015г. за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма по ст. 205² УК РФ были осуждены 26 лиц, 13 (50%) из которых было назначено реальное лишение свободы, лишение свободы условно – 8 (30,8%) осуждённым. В отношении 2 лиц были применены принудительные меры медицинского характера. Также были осуждены 8 лиц, которые совершили не только данное, но и другие, более тяжкие преступления.

Отметим, что ежегодно среди относительно небольшого числа лиц, привлекаемых к ответственности за деяния террористической и экстремист-

¹⁵⁵ См.: Уголовное дело № 1-6/2015 // Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2015 год.

ской направленности с использованием сети «Интернет», выявляется от 2% до 5 % лиц, страдающих психическими расстройствами или слабоумием, исключаящими их вменяемость (по исследованным нами уголовным делам – 2,06%). В отношении данных лиц применяются принудительные меры медицинского характера, то есть судами признаётся, что они представляют опасность для себя и других людей, которых они могут вовлекать в экстремистскую и террористическую деятельность посредством распространения соответствующей опасной идеологии¹⁵⁶.

Например, Б., являясь зарегистрированным пользователем сети «ВКонтакте», совершила публичное оправдание терроризма путём размещения в сети «Интернет» на сайте «<http://vk.com>», доступ к которому имеет неограниченный круг лиц, в принадлежащей ей учётной записи пользователя видеофонограммы, в дальнейшем многократно просмотренной пользователями сети «Интернет». Согласно заключению эксперта в тексте данной видеофонограммы содержались заявления, оправдывающие идеологию вооруженного джихада против всех неверных как одной из форм терроризма, а также признающие правомерность применения насилия против всех врагов ислама.

Было установлено, что Б. на протяжении 2012 и 2013 годов часто просматривала в сети «Интернет» видеоролики о боевых действиях в Сирии, используя арабский сегмент сети «Интернет», а с февраля 2013 г. неоднократно высказывала намерения выехать в эту страну с целью участия в боевых действиях «для освобождения Сирии от режима Башара Асада и для защиты мусульман и ислама от неверующих представителей правящих кругов данного государства». Также установлено, что Б. страдает хроническим психическим расстройством с 2006 г., состоит на диспансерном учёте у врача психиатра с 2012 г., на протяжении ряда лет с 2009 г. ежегодно проходила стационарное лечение.

¹⁵⁶ См.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2012. С. 302-304.

На основе заключения судебно-психиатрической экспертизы Б. была признана судом невменяемой по отношению к совершённым деяниям, освобождена от уголовной ответственности и направлена на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа¹⁵⁷.

В рамках исследования особенностей личности субъектов, совершающих преступления террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, нами по специально разработанной анкете были изучены и обобщены данные в отношении 388 осуждённых¹⁵⁸, что позволило получить следующие результаты.

Все осуждённые по возрасту были отнесены к следующим группам: 1) 16-17 лет – 39 лиц (10,05%); 2) 18 лет -24 года – 136 лиц (35,05%); 3) 25-29 лет – 119 лиц (30,67%); 4) 30-39 лет – 68 лиц (17,53%); 40 лет и старше – 26 лиц (6,7%). По половой принадлежности доминировали лица мужского пола (94,07%). Подавляющее число осуждённых не были женаты (замужем) – 76,5% и не имели несовершеннолетних детей (83,25%), имели среднее (32,47%) или среднее специальное (23,45%) образование, на момент совершения преступления не работали и не учились (62,37%), постоянно проживали в муниципальном образовании, где было совершено деяние (84,79%), и не были ранее судимы (82,73%).

Изучение уголовных дел о преступлениях террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, показало, что действия в виде публичного оправдания терроризма, его пропаганды или призывов к осуществлению террористической деятельности могут совершаться в любом месте, где соответствующее лицо имеет возможность получить доступ к сети «Интернет», не требуют какой-либо серьёзной подготовки: достаточно найти в сети тот или

¹⁵⁷ См.: Уголовное дело 1-9/2015 // Архив Тейковского районного суда Ивановской области за 2015г.

¹⁵⁸ См.: Приложение № 2 к настоящей диссертации.

иной файл, содержащий информацию, призывающую к осуществлению террористической или иной экстремисткой деятельности, либо оправдывающую или пропагандирующую терроризм, и разместить его на своей личной странице в социальной сети, сделать репост либо просто оставить соответствующий комментарий под этим файлом на чужой странице. Поэтому перешагнуть эту грань, отделяющую законопослушного гражданина от преступника, потенциально могут многие пользователи сети «Интернет», число которых ежегодно растёт.

По данным Фонда «Общественное мнение» от 21 июня 2017 г. в России число пользователей сети «Интернет» в возрасте от 18 лет и старше составляет 70% населения страны (82,4 млн. человек), а суточная аудитория сети – 61% (71,6 млн. человек). За один год российская интернет-аудитория увеличилась на 2%, количество пользователей мобильного «Интернета» - на 9%. При этом 54% населения (66 млн. человек) пользуются сетью «Интернет» хотя бы 1 раз в месяц через мобильные устройства, а 20% населения – заходят в сеть только с мобильных устройств. По информации Российского филиала исследовательского концерна GfK от 26 января 2017г. проникновение сети «Интернет» в среду молодых россиян достиг предельных значений ещё в предыдущие годы и составляет около 97%¹⁵⁹.

Изучение 22 уголовных дел в отношении 24 лиц, осуждённых за преступления, предусмотренные ст. 205² УК РФ, рассмотренных судами в 2014 и 2015 годах, позволило нам выделить следующие признаки личности данных субъектов.

Основную долю осуждённых составили мужчины – 22 лица (около 97%); возрастные группы осуждённых были следующими: до 18 лет – 3 лица (12,5%), от 18 до 24 лет – 9 (37,5%), от 25 до 29 лет – 6 (25%), от 30 до 49 лет – 4 (16,7%) и старше 50 – 2 лица (8,3%).

¹⁵⁹ См.: Интернет в России и в мире // Электронный ресурс: URL: biz-hit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 10.09.2017).

Осуждённые в основном имели полное среднее, в том числе профессиональное образование – 18 лиц (75%), неполное среднее образование имели 4 лица (16,7%) и высшее – 2 лица (8,3%). Преимущественно они ранее не были судимы (18 лиц – 75%), были холостыми (21 лицо – 87,5%) и не имели определённых занятий (18 лиц – 75%).

Изучение материалов данных дел также показало, что все осуждённые совершили преступление посредством сети «Интернет», при этом подавляющее число таких лиц - путём размещения или репоста файлов, уже содержащих в себе призывы к осуществлению террористической деятельности или оправдание терроризма (20 лиц – 83,3%). Практически все осуждённые (22 лица – 91,67%) размещали соответствующие файлы более двух раз, как правило, основываясь в своих действиях на ненависти или вражде по национальным и (или) религиозным признакам.

Исходя из изложенных сведений, данных лиц преимущественно нельзя относить ни к случайному (ситуативному), ни к профессиональному типам личности преступников. Наиболее близким для них является криминально заражённый тип личности. Они раз за разом размещают указанную информацию в сети «Интернет», рассчитывая на то, что не понесут за это уголовную ответственность, поскольку они являются «одними из многих тысяч» таких же пользователей, совершающих аналогичные действия, поэтому шанс подвергнуться уголовному преследованию в их представлении сведён практически к нулю.

Поэтому, как мы уже отмечали выше, в профилактике данных преступлений целесообразно активнее задействовать средства массовой информации, прежде всего соответствующие ресурсы сети «Интернет», чаще и подробнее информировать население об общественной опасности любых действий, поддерживающих или оправдывающих терроризм, в том числе осуществляемых посредством использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также об уголовно-правовых последствиях

их совершения с использованием конкретных примеров привлечения к уголовной ответственности.

Если лица, совершающие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганду терроризма, могут решиться на нарушение уголовного закона спонтанно, под воздействием сиюминутно возникших эмоций, то в иных преступлениях террористической направленности, как правило, действуют лица, обладающие устойчивыми установками на противоправное поведение, являющиеся опытными пользователями электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Установлено, что среди лиц, совершающих преступления террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, определённые особенности, вытекающие именно из избираемого способа осуществления таких деяний, присущи только личности субъектов публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма. Наиболее близким для них является криминально заражённый тип личности, отличающийся наличием в психике таких лиц побуждений и целевых установок, которые при наличии благоприятных условий, вытекающих из широких возможностей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая доступность и простоту использования, неограниченный охват аудитории и относительную анонимность совершаемых действий, могут реализовываться в соответствующем преступном поведении.

Применительно к лицам, использующим те же сети при совершении иных преступлений террористической направленности, отметим, что данное обстоятельство несущественным образом сказывается на характеристике их личности, за исключением констатации факта наличия у них соответствующих знаний, умений и навыков, стремления упростить и обезопасить процесс осуществления соответствующих уголовно наказуемых деяний.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

§1. Проблемы квалификации преступлений террористической на- правленности, совершаемых с использованием электронных или ин- формационно-телекоммуникационных сетей

Квалификация преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», сопряжена с рядом трудностей, вытекающих из сложной правовой природы терроризма и его проявлений в информационном пространстве, а также из взаимосвязей последних с иными, смежными с ними составами преступлений.

Опрос 349 респондентов из числа судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и сотрудников оперативных подразделений позволил выделить следующие актуальные проблемы квалификации таких уголовно наказуемых деяний, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей:

1) правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершённых деяниях (90,26% опрошенных респондентов); 2) разграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности (82,8%); 3) разграничение иных преступлений террористической

направленности (78,8%); 4) отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности (74,78%). При опросе научно-педагогических работников на первую группу проблем указали 86,51% респондентов, на вторую группу – 77,78%, на третью – 80,95% и четвёртую группу – 82,54% опрошенных.

Применительно к первой группе проблем отметим, что большинство связанных с ними вопросов мы рассмотрели во втором параграфе первой главы диссертации при анализе признаков составов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, поэтому здесь остановимся на отдельных из них, и основное внимание уделим рассмотрению трудностей разграничения и отграничения данных посягательств.

В 2016 г. Пленум Верховного Суда РФ учёл масштабные антитеррористические и антиэкстремистские новеллы УК РФ, внесённые в него за последние пять лет, и сформулировал новые разъяснения, в том числе учитывающие изменённую редакцию статей 205¹ и 205² УК РФ¹⁶⁰. Поэтому при рассмотрении выделенных проблем мы будем исходить из официальной позиции Пленума по соответствующим вопросам квалификации преступлений террористической направленности¹⁶¹.

В частности, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной

¹⁶⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2016. 16 ноября.

¹⁶¹ См.: Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма // Уголовная ответственность и наказание: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 12-14.

практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняются особенности публичного способа совершения преступления, предусмотренного ст. 205² УК РФ. При этом в обновленной редакции этого пункта из примеров внешнего проявления публичности было изъято указание на использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Представляется, что такое изменение было обусловлено дополнением ч. 2 ст. 205² УК РФ, вследствие которого использование таких сетей стало относиться к квалифицирующим признакам состава данного преступления. Вместе с тем это вовсе не означает, что использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма не должно характеризоваться публичностью. Здесь действует правило квалификации преступлений, согласно которому признаки основного состава преступления являются обязательными не только для него, но ещё и для его квалифицированных видов.

Большое значение для правильного толкования признака публичности рассматриваемого преступления имеет новый пункт 21¹, касающийся определения момента окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ, в котором Пленум отказался от такого оценочного признака, используемого в теоретических работах, как «неограниченный (широкий) круг лиц», выступающих адресатами соответствующих призывов и оправдания¹⁶². Вместе с тем при внимательном прочтении этого разъяснения можно заметить, что в нём указываются сети общего пользования, причем такие их ресурсы, как сайты, форумы и блоги, фактически предполагающие именно неограниченный круг лиц, которые объективно могут ознакомиться с размещенной информацией и, как правило, выразить свое отношение к ней в виде

¹⁶² См., например: Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.

высказывания участника форума или комментария посетителя сайта либо блога.

Если же говорить об окончании данного преступления с момента отправления сообщений другим лицам, то необходимо учитывать, по меньшей мере, два момента: 1) эта часть разъяснения преимущественно относится к такому действию, как массовая рассылка сообщений абонентам мобильной связи, которая может быть осуществлена и без использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей; 2) характеристика юридического момента окончания публично совершаемого преступления не отражает последнее в целом¹⁶³.

Рассматриваемое деяние изначально ориентировано на доведение соответствующей информации до большого, как правило, неограниченного, неопределенного круга лиц, однако для квалификации преступления как оконченого, достаточно, чтобы виновный отправил сообщение, содержащее обращение, призывающее к осуществлению террористической деятельности или оправдывающее терроризм, как минимум одному лицу при доказанном наличии объективных и субъективных предпосылок для массовой рассылки таких сообщений. Здесь возникает вторая проблема квалификации таких преступлений, связанная с трудностями в разграничении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и содействия террористической деятельности в виде склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение соответствующих преступлений.

Согласно новой редакции п. 14 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ содействие террористической деятельности в форме склонения, вербовки или иного вовлечения в совершение преступлений террористической направленности понимается как умышленные действия, направленные на вовлечение определённого лица (группы лиц) в со-

¹⁶³ См.: Бадамшин С.К. Уголовно-правовые особенности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 76.

вершение одного или нескольких указанных уголовно наказуемых деяний. Следовательно, если вовлечение направлено на определённое лицо или определённую группу лиц, то преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, - на неопределённый, неограниченный круг лиц.

Кроме того, считаем, что данный пункт постановления Пленума нуждается в ещё большей конкретизации, вытекающей из содержания направленности сопоставляемых преступлений. Если склонение, вербовка или иное вовлечение являются разновидностями подстрекательских действий, которые всегда направлены на то, чтобы склонить определённое лицо к совершению конкретного, то есть индивидуально определенного преступления, то публичные призывы состоят в обращении к неопределённому кругу лиц с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности без конкретизации того, какие именно преступления им предлагается совершить.

Следовательно, в п.14 постановления Пленума Верховного Суда РФ при определении содействия террористической деятельности в указанной форме целесообразно указать, что к нему относятся умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких индивидуально определенных преступлений террористической направленности.

Подчеркнём обязательность сочетания двух признаков, характеризующих направленность данного деяния: 1) взаимодействие осуществляется с определенными лицами (группами лиц) и 2) они склоняются к совершению конкретного преступления террористической направленности. Отсутствие первого или (и) второго признака должно исключать квалификацию содеянного по ч. 1, ч.1¹ или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ. В таком случае публичные призывы к осуществлению террористической деятельности представляют собой обращения к широкому (неопределённому) кругу лиц с целью побуждения их к осуществлению террористической деятельности без конкретизации относящихся к ней деяний. Наше предложение основано на

необходимости унифицированного подхода к толкованию аналогичных признаков, имеющих в составах преступлений террористической и экстремистской направленности. Так, в новом пункте 6² постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что публичные призывы, предусмотренные ст. 280¹ УК РФ, не должны быть направлены на склонение определённых лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний. Полагаем, что подобное разъяснение следует привести и в п. 20 постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

При разграничении преступлений террористической направленности и их отграничении от иных смежных составов преступлений необходимо последовательно сопоставлять признаки элементов их составов¹⁶⁴. При этом среди прочих признаков сопоставляемых составов присутствует как минимум один объективный или субъективный признак, позволяющий произвести их однозначное разграничение. Такой признак является разграничительным¹⁶⁵.

Так, цель деяния служит одним из разграничительных признаков, позволяющих, в частности провести отграничение отдельных преступлений террористической направленности от иных, смежных с ними составов преступлений.

В частности, цель является одним из основных разграничительных признаков террористического акта в виде угрозы его осуществления и заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Толкование данной нормы в её первоначальной редакции позволяло говорить о том, что виновный в этом преступлении осознаёт, что сообщаемая им информация о

¹⁶⁴ См.: Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 102.

¹⁶⁵ См.: Бадамшин С.К. Указ. соч. С. 77.

террористическом акте не соответствует действительности и не стремится своими действиями дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций, воздействовать на принятие ими решений. Вместе с тем на практике такая дестабилизация может объективно произойти, особенно, когда при заведомо ложной угрозе совершить взрыв, поджог и т.п. виновные лица относят данные действия к крупным объектам (железнодорожным вокзалам, аэропортам, торговым центрам и т.д.) или (и) действуют неоднократно, а в некоторых случаях даже систематически.

Например, в первой половине сентября 2017г. в России наблюдалось значительное увеличение числа звонков с ложной угрозой совершения взрыва. Такие факты имели место в 22 российских городах применительно к 205 объектам с большим количеством находящихся в них людей (вокзалы, торговые центры и т.п.), было эвакуировано свыше 45 тысяч человек. В дальнейшем подобные ложные сообщения продолжились.

Данные события стали предметом обсуждения в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в контексте предложения об усилении наказания по ст. 207 УК РФ¹⁶⁶. Итогом стало принятие Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ, которым, в частности, были внесены существенные изменения в ст. 207 УК РФ. В диспозиции ч. 1 данной уголовно-правовой нормы были указаны хулиганские побуждения как конститутивный признак этого состава преступления, а в ее ч. 3 – ещё один основной состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершённого в целях дестабилизации деятельности органов власти. То есть, если виновный действовал не из хулиганских побуждений, и не преследовал такую цель, то он может вовсе избежать уголовной ответственности. Например, возникает вопрос о том, как квалифицировать содеянное, если соответствующее лицо сделало заведомо ложное сообщение об акте терроризма в це-

¹⁶⁶ См.: Сотникова А., Истомина М., Губернаторов Е. Эвакуации из-за анонимных звонков прошли в 25 городах России // Электронный ресурс: URL: <http://www.rbc.ru/society/13/09/2017/59b8f9ba9a7947063dce36f0> (дата обращения: 15.10.2017).

лях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, либо решило подобным образом дестабилизировать деятельность международных организаций? Представляется, что в настоящее время такие действия не содержат состава преступления, что открывает для обвиняемых и защитников дополнительные возможности в части предложения следствию и суду различных правдоподобных версий о совершении таких действий из личной неприязни, из ревности, мести и т.п., что при отсутствии доказательственного опровержения будет приводить к прекращению уголовного дела либо оправдательному приговору. В связи с этим полагаем, что приведённое законодательное решение идет вразрез с курсом политики государства на непримиримую борьбу с терроризмом.

Увеличение числа фактов заведомо ложных сообщений об актах терроризма может свидетельствовать об изменении направленности этого преступления, которое из деяния, воспринимаемого как разновидность хулиганства, не отличающаяся высокой степенью общественной опасности, постепенно превращается в одно из проявлений террористической активности в силу политической или иной экстремистской мотивации виновных и направленностью совершаемых ими действий к достижению целей, присущих террористическому акту в форме угрозы совершить взрыв, поджог или иное опасное деяние, устрашающее население.

Так, И.Я. Козаченко пытается развенчать миф о том, что заведомо ложные сообщения об актах терроризма (ст. 207 УК РФ) не следует воспринимать серьёзно, поскольку они, якобы, присущи несовершеннолетним лицам, не намеревавшимся нарушать общественную безопасность своими недостоверными телефонными или электронными сообщениями. По данным исследований уважаемого профессора, несовершеннолетние составляют всего 12,4% от общего количества осуждённых за данное преступление. Именно подросткам, сообщаящим заведомо ложные сведения о готовящемся террористическом акте, свойственны мотивы, далеко отстоящие от мотивации террористов. Так, для осуждённых в возрасте от 14 до 17 лет более чем в поло-

вине случаев (53,2%) характерны были хулиганские мотивы, в 27,3% случаев - проблемы школьной среды и 19,5% случаев - личная или бытовая мотивация¹⁶⁷.

Вместе с тем отметим, что перечисленные выше побуждения, сформировавшие мотивацию несовершеннолетних лиц, совершивших данное преступление, вовсе не свидетельствуют о том, что эти подростки не осознавали, что своими действиями могут создавать среди населения чувство страха, особенно в условиях сегодняшней сложной геополитической ситуации в мире, порождающей условия для постоянного существования террористической угрозы, а равно приводить к дестабилизации деятельности органов власти, вынужденных реагировать на поступившее сообщения как на реальную угрозу совершения террористического акта.

Изучение судебной статистики подтвердило относительно стабильное число лиц, ежегодно осуждаемых по ст. 207 УК РФ по основной и дополнительной квалификации, с тенденцией к постепенному его увеличению: в 2012 г. было осуждено 490 лиц, в 2013 г. – 573, в 2014г. – 629, в 2015 г. – 564 и в 2016г. – 779 лиц. В первом полугодии 2017 г. по ст. 207 УК РФ было осуждено 343 лица, причём практически все по ч. 1 данной уголовно-правовой нормы (342 лица).

Как мы уже отмечали ранее, в связи с активизацией «телефонных террористов» в Государственной Думе РФ был разработан законопроект о необходимости которого говорили еще в начале 2017 года¹⁶⁸ и принят Федеральный закон от 31 декабря того же года № 501-ФЗ. Содержание этого Закона свидетельствует о реализованном намерении усилить наказание за данное деяние, особенно в случаях, когда оно направлено на объекты социальной

¹⁶⁷ Цит. по: Федоров А.В., Сергеев Д.Н. Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия // Российский следователь. 2017. № 14. С. 51.

¹⁶⁸ См.: Стенограммы обсуждения законопроекта № 986520-6 «О внесении изменений в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации» в целях усиления ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/986520-6> (дата обращения: 10.11.2017).

инфраструктуры, повлекло причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ), преследовало цель дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3) или причинило по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 4).

Учитывая наличие проблемы, представляющей научный интерес, кратко остановимся на характеристике назначения наказания да данное преступление.

Так, в 2016 г. из всех 742 осуждённых по ст. 207 УК РФ по основной квалификации лишение свободы было назначено 83 лицам (на срок до одного года – 48 лицам, от одного года до двух лет – 33 и от двух до трёх лет – 2 лицам), ограничение свободы – 96, исправительные работы – 83, обязательные работы – 176 и штраф – 206 лиц, 86 лиц были осуждены условно, а 12 лиц освобождено от наказания¹⁶⁹.

Таким образом видно, что имеющийся потенциал санкций частей 1 и 2 ст. 207 УК РФ позволял судам дифференцировать уголовную ответственность с учётом фактических обстоятельств дела. При этом усиление наказания за преступления, предусмотренные статьёй 207 УК РФ, само по себе не может способствовать обеспечению неотвратимости уголовной ответственности за соответствующие общественно опасные действия. Вместе с тем разумное, пропорциональное повышение строгости ответственности за данное преступление может усилить предупредительный эффект рассматриваемой уголовно-правовой нормы, продемонстрирует реакцию государства в лице его правоохранительных органов на изменившееся социальное значение заведомо ложных сообщений об актах терроризма.

Кроме того, в ст. 207 УК РФ изначально не предусматривались признаки, на основе которых можно было бы отнести заведомо ложное сообщение

¹⁶⁹ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Судебная статистика»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 05.10.2017).

об акте терроризма к видам содействия террористической деятельности или к террористическому акту, в том числе в ней не были указаны цели деяния, свойственные преступлениям террористической направленности, которые позволили бы обосновать усиление наказания за совершение соответствующих общественно опасных действий. Поэтому полагаем целесообразным не замыкаться исключительно на усилении наказания за данное преступление, а усовершенствовать регламентацию ответственности за него в целом, включая законодательное описание признаков его состава.

Считаем обоснованным предложение отдельных учёных о выделении из существующего состава террористического акта деяния в форме угрозы совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека или наступления иных тяжких последствий¹⁷⁰. Это предложение обосновывается меньшей степенью общественной опасности и иным внешним проявлением такого устрашающего действия. При этом цель деяния в виде стремления к дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействию на принятие ими решений следует, по нашему мнению, отнести к числу квалифицирующих признаков нового вида преступлений.

Отметим, что не можем согласиться с Ф.А. Мирзоахмедовым в части содержания обоснования такого разделения составов непосредственного осуществления взрыва, поджога и т.п., с одной стороны, и угрозы совершения данных действий, с другой, а именно с отнесением первого из них к категории материальных составов, а второго - к формальным составам преступлений¹⁷¹. Полагаем, что создание опасности причинения последствий не является тождественным наступлению таковых, в связи с чем террористический акт без квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака в виде

¹⁷⁰ См.: Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 4-7, Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: М., 2001. С. 7.

¹⁷¹ См.: Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. С. 9.

наступления определённых последствий следует рассматривать как состав, имеющий формальную конструкцию, что предполагает совпадение момента окончания данного преступления с моментом завершения соответствующего общественно опасного деяния.

Кроме того, мы не поддерживаем мнение Ф.А. Мирзоахмедова о большей обоснованности отнесения нарушения общественной безопасности и устрашения населения не к характеристике объективной стороны террористического акта, как это регламентировано действующей ст. 205 УК РФ, а к альтернативным целям данного преступления, как это имело место в первоначальной редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы¹⁷². Считаем, что нарушение общественной безопасности и устрашение населения являются перманентными свойствами террористического акта, характеризующими именно его внешнее проявление и нарушаемые при этом общественные отношения, что, впрочем, входит в содержание умысла виновных лиц, поскольку осознание как интеллектуальный момент последнего распространяется на все объективные признаки совершаемого преступления, имеющие юридическое значение.

Отметим, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь¹⁷³ угроза совершения взрыва, поджога и т.п. выделена в отдельный состав преступления (ст. 290 данного Кодекса), что представляет для нас положительный опыт в криминализации проявлений терроризма.

Мы же предлагаем пойти дальше и учесть наметившуюся тенденцию, когда сообщение о готовящемся теракте, будь оно заведомо ложным или соответствующим действительности, в равной степени может быть использовано в террористических целях. Резкое увеличение количества таких звонков, наблюдаемое в России с начала сентября 2017г., значительная часть которых исходит с территории Украины, в сегодняшних геополитических условиях дестабилизирует обстановку и деятельность государственных и муниципаль-

¹⁷² См.: Мирзоахмедов Ф.А. Указ. соч. С. 9.

¹⁷³ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. М.: Академия МВД России, 2016.

ных органов, устрашает население и нарушает общественную безопасность. Кроме того, виновные лица, будучи уверенными в своей безнаказанности, могут таким образом «тестировать» российские правоохранительные органы и иные учреждения на предмет того, как развиваются события после поступления такого сообщения, какие меры, в какой последовательности и в какие сроки осуществляются, какие подразделения и в каком количестве принимают в них участие, собирая таким образом информацию для совершения в дальнейшем реального взрыва, поджога или иных опасных действий. Также такими сообщениями могут отвлекать внимание правоохранительных органов от другого, намеченного террористами объекта посягательства, притуплять бдительность населения, работников различных организаций и сотрудников правоохранительных органов за счёт «привыкания» к ложности поднимаемых тревог с вытекающим из этого ненадлежащим отношением к исполнению своих обязанностей в последующих сходных случаях.

С учётом изложенного наше предложение состоит в том, чтобы предусмотреть в новой статье 205⁷ УК РФ ответственность за любую угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, исключить указание на такую угрозу из диспозиции ст. 205 УК РФ, а также внести в ст. 207 этого УК определённые изменения, которые мы приведём ниже.

С нашим предложением о выделении указанной угрозы в отдельный состав преступления согласились 53,87% представителей практических органов и 54,76% опрошенных научно-педагогических работников.

Поскольку лица, выражающие такую угрозу, не обязательно могут преследовать цели, присущие террористическому акту, нами, как уже было указано выше, предлагается отнести таковые к числу квалифицирующих признаков проектируемого состава преступления. Формулируя данное предложение, мы также исходим из того, что при анализе уголовных дел и опросе судей и сотрудников правоохранительных органов нами не выявлено ни од-

ного факта привлечения к уголовной ответственности по ст. 205 УК РФ исключительно в связи с выраженной угрозой совершения взрыва, поджога и т.п.

Кроме того, нами предлагается ввести в новый состав преступления такой квалифицирующий признак, как публичное выражение указанной угрозы, в том числе с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Для данного состава публичность не является типичным признаком и может проявляться лишь в отдельных случаях совершения этого преступления, причём специфика действий, характеризующихся как сообщение об акте терроризма, предполагает адресное обращение виновного к определённым органам, учреждениям либо организациям, в том числе и посредством сети «Интернет», вместе с тем отдельные проявления таких действий могут выходить за эти узкие рамки и становиться известными многим людям, тем самым в большей степени нарушая общественную опасность и устрояя население. При этом выделение из публичного способа такой его разновидности как совершение деяния с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей и установление более строгого наказания за соответствующее деяние в предлагаемом составе видится нам нецелесообразным вследствие единичности таких случаев и отягчающего (квалифицирующего) значения данного признака в целом.

При изучении 78 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 207 УК РФ, нами был выявлен один факт заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершённого с использованием сети «Интернет».

По данному уголовному делу было установлено, что А. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 207 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

Находясь в своей квартире в д. Демихово Орехово-Зуевского района Московской области, А. решил сделать заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве с целью отвлечения сил правоохранительных органов и спе-

циализированных служб, которые призваны оказывать помощь в экстремальных ситуациях. С этой целью, зная о том, что у Дворца культуры в д. Демихово будет празднование «Дня деревни», на которое собрались большая часть этого населённого пункта и приглашённые лица, он при помощи персонального компьютера зашёл в социальную сеть «ВКонтакте» на страницу в группе «Подслушано Демихово» и разместил на ней информацию о том, что в этот день в определённое время у Дворца культуры произойдет взрыв, то есть сообщил заведомо ложную информацию о готовящемся террористическом акте, создающем опасность массовой гибели людей, пришедших на празднование, причинения значительного имущественного ущерба в результате возможного разрушения здания Дворца культуры и стоящих рядом жилых домов. Приехавшие сотрудники полиции, отреагировавшие на данное сообщение, провели обследование помещений и территории Дворца культуры на предмет обнаружения взрывчатых веществ и взрывных устройств и установили их отсутствие. То есть сообщение о готовящемся взрыве подтверждено не было, что позволило квалифицировать его как заведомо ложное¹⁷⁴.

В данном примере мы видим, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма может быть обращено к неограниченному кругу лиц и (или) затрагивать то или иное массовое мероприятие, что может обуславливать публичный характер данного деяния, его способность устрашать население и дестабилизировать деятельность органов, учреждений и иных организаций в различных масштабах.

Изучение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 207 УК РФ, показало, что заведомо ложные сообщения об акте терроризма преимущественно касаются действий иных лиц, заложивших взрывное устройство в какое-либо здание, сооружение, транспортное средство и т.п. То есть виновные лица преимущественно сообщают о готовящемся взрыве обобщённо без конкретизации того, кто планирует совершить или совершает этот те-

¹⁷⁴ См.: Уголовное дело 1-751/2015 / Архив Орехово-Зуевского городского суда Московской области за 2015 год.

ракт. Представляется, что такие действия нельзя признать угрозой совершения теракта. Вместе с тем одновременно необходимо чётко разграничить такие сообщения и угрозу совершением взрыва, поджога или других опасных действий. Кроме того, полагаем целесообразным учесть возможность информирования не только о готовящемся, но и о совершаемом теракте, а также уточнить название преступления, о котором идёт речь в заведомо ложном сообщении, указав в наименовании и диспозиции ст. 207 УК РФ не на акт терроризма, как это предусмотрено в настоящее время, а на террористический акт, а также внести иные уточнения, соответствующие терминологии действующего УК РФ. В связи с этим нами предлагается внести изменения в наименование ст. 207 УК РФ и содержание диспозиции её части первой, изложив их в следующей редакции:

«Статья 207. Заведомо ложное сообщение о террористическом акте

1. Заведомо ложное сообщение о подготавливаемых или совершаемых взрыве, поджоге или иных действиях, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, при отсутствии признаков угрозы совершением террористического акта...».

С целесообразностью предлагаемых изменений ст. 207 УК РФ согласились 61,89% респондентов из числа судей и других представителей практики, а также 79,98% опрошенных научно-педагогических работников.

Если же лицо предоставляет достоверную информацию о подготавливаемом им террористическом акте, то при отсутствии в его действиях угрозы, его поведение следует расценивать как элемент добровольного отказа от доведения преступления до конца.

Применительно к толкованию термина «угроза» целесообразно учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно состава вымогательства¹⁷⁵, объективную сторону которого можно представить в виде

¹⁷⁵ См.: пункты 7, 8 и 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья

формулы «требование + угроза». В террористической деятельности на первый план выходит именно угроза, которая может осуществляться для подкрепления требований виновных.

Во-первых, преступление, совершаемое в форме угрозы, окончено тогда, когда содержание угрозы доведено до сведения её адресата. Представляется, что в случаях, когда, например, виновный передаёт сообщение об акте терроризма иному лицу, рассчитывая, что соответствующая информация будет передана дальше и вызовет ожидаемый им эффект, преступление следует считать оконченным тогда, когда эти сведения будут переданы ожидаемому адресату, поскольку в противном случае умысел не получит свою полную реализацию.

Во-вторых, в случаях, когда угроза соединена с определёнными требованиями, их невыполнение соответствующими органами власти или международными организациями не должно влиять на признание содеянного оконченным преступлением.

В-третьих, не образует совокупность преступлений обращение виновного с соответствующей угрозой к нескольким лицам, если все эти обращения объединены его единым умыслом и касаются одного и того же деяния, которое предполагается осуществить в отношении одного и того же объекта и при аналогичных условиях места и времени, способа, орудий и средств его осуществления.

Возвращаясь к нашему предложению о выделении угрозы совершения акта терроризма в самостоятельный состав без придания признаку её реальности обязательного значения, подчеркнём, что правоохранительные органы вынуждены реагировать на каждое сообщение о террористических действиях, будь оно достоверным или ложным, одинаковым образом (с выездом на предполагаемое место происшествия, его оцеплением, эвакуацией людей, а также с обследованием территории с участием кинологов, саперов и т.д.), что

осознаётся виновным лицом, поэтому на момент совершения такого деяния вне зависимости от уровня правдивости доведённой информации речь идёт о посягательстве на один и тот же объект – основы общественной безопасности, и равной степени его нарушения.

Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, на практике необходимо отграничивать от некоторых преступлений экстремистской направленности, имеющих смежные с ними составы¹⁷⁶.

В первую очередь, речь идет об отграничении от публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Принимая во внимание соотношение экстремизма (экстремистской деятельности) и терроризма (террористической деятельности) как целого и части, статьи 280 и 205² УК РФ следует рассматривать в качестве взаимосвязанных норм, первая из которых является общей, а другая – специальной, то есть при конкуренции данных уголовно-правовых запретов приоритет должен отдаваться последнему из них. Считаем, что в случаях, когда в действиях лица одновременно содержатся признаки публичных призывов к террористической и иной экстремистской деятельности, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных статьями 205¹ и 280 УК РФ¹⁷⁷.

Те же правила должны применяться и при конкуренции статей 205² и 280¹ УК РФ. Последняя уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, нарушающих территориальную целостность Российской Федерации, что следует рассматривать как выделенные в специальный состав преступления публичные призывы к осуществлению одной из разновидностей экстремистской деятельности, поскольку нарушение целостности нашего государства является частью

¹⁷⁶ Устинов В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34-36.

¹⁷⁷ См.: Корнилов А.В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4. С. 97.

последней¹⁷⁸. Во втором параграфе главы 1 настоящей диссертации мы отметили, что преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, охватывает публичные призывы к совершению насильственного изменения конституционного строя, а равно организацию вооружённого мятежа или активное участие в нём в целях нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Поэтому в этой части ст. 205² УК РФ имеет приоритет по отношению к ст. 280¹ УК РФ.

Продолжая наш тезис о необходимости унифицированного подхода к применению сходных положений уголовного закона о преступлениях террористической и экстремистской деятельности и продолжая тезис, высказанный во втором параграфе главы 1 диссертации, считаем целесообразным привести в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснение, содержащееся в новом абзаце п. 8 постановления Пленума «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», где говорится о том, что при решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного.

Нами предлагается следующая формулировка нового разъяснения для внесения его в качестве дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»: «При решении вопроса о том, что действия лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-

¹⁷⁸ См.: Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 44-49; Сергун Е.П. Вопросы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №3. С.220-222.

телекоммуникационной либо электронной сети, представляют собой публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней».

Учёт данного разъяснения при юридической оценке совершённого деяния ориентирует на выяснение всех обстоятельств дела, подтверждающих, что лицо не только разместило ту или иную информацию в сети, но еще и осознавало ее характер и желало обратить на ее внимание других людей, понимая, что соответствующие видеозаписи, графические изображения, тексты и т.п. нацелены на побуждение к осуществлению террористической деятельности либо оправдание терроризма.

Несмотря на то, что по ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма» за период её действия осуждённых не было, в дальнейшем на практике могут возникнуть трудности в разграничении предусмотренных ею деяний с некоторыми составами других преступлений террористической направленности.

Так, акт международного терроризма, предусмотренный ч. 1 и ч. 3 ст. 361 УК РФ, необходимо отличать от террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Данные преступления различаются между собой по их объекту, объективной стороне и субъективной стороне.

Если основным непосредственным объектом террористического акта выступают основы общественной безопасности, то международный акт терроризма, прежде всего, посягает на общественные отношения, обеспечивающие мирное сосуществование государств и народов, а также интересы Российской Федерации.

Объективная и субъективная стороны в составах террористического акта и акта международного терроризма описаны сходным образом за исключением следующих различий.

Во-первых, в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ так же, как и в ч. 1 ст. 205 УК РФ указываются такие действия, как взрыв и поджог, однако применительно к ним и к иным действиям при описании объективной стороны состава акта международного терроризма не указано такое свойство деяний, как устрашение населения, а также несколько иначе изложены их возможные последствия, одновременно подразумевающие и отличающиеся дополнительные объекты. Если общественно опасные действия при террористическом акте создают опасность гибели человека, то международный акт терроризма подвергает опасности не только его жизнь, но и ещё и альтернативно здоровье или неприкосновенность, причём не любого потерпевшего, а только гражданина России. При этом в отличие от террористического акта в составе акта международного терроризма не предусмотрены такие его возможные и реальные последствия, как значительный имущественный ущерб или иные тяжкие последствия.

Во-вторых, как отмечают А.Г. Кибальник и В.А. Суворов, объективная сторона акта международного терроризма отличается от внешнего проявления террористического акта, прежде всего местом его совершения, которым может являться только территория, расположенная вне пределов Российской Федерации¹⁷⁹.

В-третьих, цели, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 361 УК РФ, отличаются от целей террористического акта: международный акт терроризма в виде взрыва, поджога или иных опасных действий имеет своей целью нарушение мирного сосуществования государств и народов либо может быть направлен против интересов России, а террористический акт осуществляется в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, причём эти же цели свойственны и угрозе как разновидности данного преступления, тогда как

¹⁷⁹ См.: Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма - новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6. С. 40.

применительно к угрозе как к одной из форм международного акта терроризма, уголовный закон каких-либо целей не предусматривает, что, на наш взгляд, является пробелом.

В-четвёртых, несмотря на то, что ст. 361 УК РФ имеет наименование «Акт международного терроризма» и понятие такого акта раскрывается в диспозиции ч. 1 данной уголовно-правовой нормы как совершение взрыва, поджога или иных опасных действий, а равно угроза их осуществления, в этой же статье УК содержится ещё один самостоятельный состав преступления, по своей сути, представляющего собой одни из форм содействия международному терроризму в виде его финансирования либо вовлечения в соответствующую преступную деятельность. Применительно к террористическому акту последние действия образуют самостоятельный состав преступления и влекут ответственность по соответствующей части ст. 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности».

В-пятых, в ст. 361 УК РФ не предусмотрены квалифицирующие признаки, за исключением акта международного терроризма, повлекшего причинение смерти человеку (ч. 3 данной уголовно-правовой нормы). При этом, в отличие от ст. 205 УК РФ, в которой дифференцирована ответственность за неосторожное (п. «б» ч. 2) и умышленное (п. «б» ч. 3) причинение смерти в результате теракта, в ч. 3 ст. 361 УК РФ форма вины не конкретизируется. Комментируя это обстоятельство, А.Г. Кибальник и В.А. Суворов отмечают, что, несмотря на отсутствие в уголовном законе указания на исключительно умышленный характер причинения такого последствия, речь здесь идёт только о данной форме вины, что, по мнению данных авторов, вытекает из содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ. Продолжая эту мысль, данные учёные делают вывод о том, что в отличие от террористического акта, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ, акт международного терроризма, повлекший по неосторожности смерть человека, не охватывается ни ч. 1, ни ч. 2 ст. 361 УК РФ и

требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 109 УК РФ¹⁸⁰.

Представляется, что приведённый вывод не согласуется с буквой уголовного закона, поскольку в ч. 3 ст. 361 УК РФ не указана форма вины, с которой причиняется смерть человеку, что не исключает и неосторожное отношение к данному последствию, а в ч. 2 ст. 24 УК РФ говорится о деянии, которое совершено только по неосторожности, влекущем уголовную ответственность, когда это специально предусмотрено в соответствующей статье Особенной части УК. То есть, если в статье Особенной части УК РФ не указана форма вины, то соответствующее преступление может характеризоваться умышленной либо неосторожно формой вины, определяемой исходя из отношения лица к причиняемым им последствиям. Такое преступление может совершаться и с двумя формами вины, как это имеет место в террористическом акте, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ, и в целом признаваться умышленным (ст. 27 УК РФ). Наша позиция согласуется со следующим разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, сформулированным относительно экологических преступлений: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления».

Вместе с тем, учитывая приведённое выше разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, мы не можем не обратить внимание на то, что содержание деяний, присущих террористическому акту и акту международного терроризма, а равно способы их совершения и иные признаки объективной стороны данных составов преступлений, безусловно, указывают только на умышленное отношение виновного лица к причиняемым при этом последствиям в виде имущественного ущерба, вреда здоровью либо смерти человека. Поэто-

¹⁸⁰ См.: Кибальник А.Г., Суворов В.А. Указ. соч. С. 40.

му мы солидаризируемся с точкой зрения учёных предлагающих исключить из ч. 2 ст. 205 УК РФ квалифицирующий признак в виде деяния, повлекшего по неосторожности смерть человека, так как террористический акт изначально угрожает причинить смерть как минимум одному, а чаще всего, многим людям, при этом виновные лица стремятся нанести наибольший урон, выбирая для своих акций общественные места, начиня взрывные устройства металлическими шариками, кусками арматуры и т.п., что, по меньшей мере, не предполагает неосторожного отношения к наступлению чьей-либо смерти.

Основываясь на приведённых аргументах, считаем, что в статьях 205 и 361 УК РФ следовало указать только умышленную форму вину в отношении причинения смерти человеку. Исходя из действующей редакции ст. 361 УК РФ, полагаем, что гипотетически возможные случаи наступления смерти по неосторожности должны охватываться ч. 1 данной уголовно-правовой нормы и не требуют дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ.

Как мы уже отмечали в предыдущей главе диссертационного исследования, в ч. 2 ст. 361 УК РФ предусмотрен самостоятельный состав преступления, по сути, представляющего собой содействие акту международного терроризма в формах его финансирования или склонения, вербовки или иного вовлечения других лиц в совершение соответствующих действий их вооружение или подготовка. В данном случае изначально возникала конкуренция составов преступлений террористической направленности, предусмотренных ч. 2 ст. 361 УК РФ и ч. 1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности, в том числе в формах финансирования терроризма и склонения, вербовки или иного вовлечения других лиц в совершение преступлений террористической направленности. Однако в связи с тем, что после изменений, внесенных Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ, из диспозиции ч. 1 и новой ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ указание на ст. 361 УК РФ отсутствует, соответствующая конкуренция была устранена.

Вместе с тем в ч. 2 ст. 205¹ УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак (совершение деяния лицом, использовавшим своё служебное положение), существенно усиливающий наказание в виде лишения свободы на определённый срок за содействие террористической деятельности по сравнению с этим же наказанием, предусмотренным в санкции ч. 1¹ этой же нормы, санкция которой в этом отношении также является более строгой, по сравнению с санкцией ч. 2 ст. 361 УК РФ. Данное обстоятельство свидетельствует ещё об одном отступлении законодателя от принципов системности права и справедливости уголовной ответственности

В связи с изложенными обстоятельствами считаем, что введение дублирующего уголовно-правового запрета на финансирование акта международного терроризма, а равно вовлечение в его совершение, предусматривающего менее строгое наказание, нежели в существующей более полной общей норме, было необоснованной законотворческой мерой.

Представляется, что выделение в структуре преступлений террористической направленности акта международного терроризма также не было достаточно продуманным шагом законодателя, поскольку экстерриториальное действие уголовного закона и без этой новой нормы Особенной части УК РФ позволяет привлечь к уголовной ответственности за преступные деяния, совершённые на территории другого государства. В частности, согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ даже иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно не проживающие в Российской Федерации, несут ответственность по УК РФ, если совершённое ими в иной стране деяние, запрещённое данным УК, предусмотрено международным договором или (и) направлено против интересов России, российского гражданина или лица без гражданства, постоянно проживающего в нашем государстве. Также следует учитывать, что при применении ст. 361 УК РФ необходимо будет обращаться к положениям ст. 12 этого Кодекса, причём содержание диспозиции ч. 1 ст. 361 УК ещё и сужает область применения последней уголовно-правовой нормы, так как не упоминает в числе потерпевших от акта международного терроризма лиц без граж-

данства, постоянно проживающих в России. То есть ст. 361 УК РФ в целом представляет собой излишний уголовно-правовой запрет, затрудняющий квалификацию преступлений террористической направленности и разрешение вопросов об экстерриториальном действии уголовного закона, а также не позволяющий дифференцировать уголовную ответственность за предусмотренные ею действия с учётом служебного положения виновного и других отягчающих обстоятельств, не предусмотренных в ст. 361 УК РФ в отличие от корреспондирующих норм главы 24 этого Кодекса.

Как справедливо отмечает А.И. Рарог, конструирование специальных составов преступлений является допустимым только в случаях их действительной необходимости, а не в силу конъюнктурных сиюминутных соображений, свидетельствующих о нестабильности правовых позиций законодателя¹⁸¹. На наш взгляд, именно такими необоснованными специальными составами и явились акт международного терроризма, его финансирование и вовлечение в его совершение, предусмотренные новой ст. 361 УК РФ.

Завершая рассмотрение проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 361 УК РФ, отметим, что необоснованность выделения данного уголовно-правового запрета способно приводить к ситуации, когда одно и то же деяние может выражаться в финансировании актов «общеуголовного» и международного терроризма (например, при финансовой поддержке совершения ряда взрывов официальных российских учреждений на территории Российской Федерации и за её пределами), что с учётом направленности умысла виновного лица, необходимо будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 361 и ч. 1 или ч. 2 ст. 205¹ УК РФ¹⁸².

¹⁸¹ См.: Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // *Lex russica*. 2016. № 11. С. 53.

¹⁸² См.: Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма - новое преступление против мира и безопасности человечества // *Уголовное право*. 2016. № 6. С. 42.

Учитывая изложенное, мы предлагаем признать статью 361 УК РФ утратившей силу, с чем согласились 55,59% респондентов из числа судей и других представителей практических органов, а также 80,16% опрошенных научно-педагогических работников.

Таким образом, квалификация преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей сопряжена с необходимостью разрешения четырёх групп проблемных вопросов: 1) правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершённых деяниях; 2) разграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности; 3) разграничение иных преступлений террористической направленности; 4) отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности.

Разрешение соответствующих проблем следует производить посредством тщательного исследования обстоятельств совершённого преступления и обстоятельного анализа положений уголовного закона, которые необходимо применить в данной конкретной ситуации, при учёте разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, теоретических работ и складывающейся правоприменительной практики в данной области.

Совершенствование практики квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, необходимо осуществлять с учётом взаимосвязей и соотношения террористической и экстремистской деятельности, что обуславливает потребность в согласовании между собой постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террори-

стической направленности», в том числе посредством формирования в них единообразных подходов к разрешению проблемных вопросов определения моментов окончания данных уголовно наказуемых деяний, наличия и содержания умысла на их публичное совершение, особенностей разграничения таких преступлений.

Многие проблемы квалификации возникают и (или) обостряются вследствие непродуманной законотворческой деятельности, не учитывающей необходимость соблюдения принципов системности права и справедливости уголовной ответственности при разработке новых положений УК РФ.

Полное решение отдельных проблем применения рассматриваемых уголовно-правовых норм, а равно повышение их эффективности могут быть достигнуты при внесении необходимых изменений и дополнений в уголовное законодательство, которым в данном параграфе было уделено особое внимание.

§2. Специфика криминологического предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Во введении и в первой главе диссертационного исследования мы уже отмечали, что в настоящее время использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети «Интернет», фактически присуще подавляющему большинству преступлений террористической направленности. Эта особенность рассматриваемых деяний обусловлено, в частности, тем, что они предполагают стадию приготовления, в рамках которой виновными собирается необходимая им информация, подыскиваются орудия и средства, а равно соучастники преступления, взаимодействие которых в процессе дальнейшего непосредственного осуществления уголовно наказуемых деяний, как правило, также не обходится без использования ин-

формационных технологий. С помощью сети «Интернет» происходит вовлечение в террористические организации и сообщества, организуется и координируется деятельность последних, особенно, когда они включают в себя структурные подразделения и (или) выходят на международный, транснациональный уровень. Поэтому при организации и осуществлении мер, направленных на предупреждение данных преступлений необходимо учитывать эти особенности и тенденции с тем, чтобы своевременно выявлять и нейтрализовывать или минимизировать детерминирующие их факторы.

Отметим, что установление и реализация уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности, сколь бы строгой она ни была, не может рассматриваться как единственно возможное направление противодействия рассматриваемым общественно опасным деяниям¹⁸³. Не менее, а, пожалуй, и более важным направлением дальнейшего развития уголовной политики государства является совершенствование системы предупреждения преступлений, в том числе её первой составляющей – профилактической деятельности. Учитывая специфику преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в сочетании с террористической направленностью рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, придающей им повышенную общественную опасность, профилактика таких посягательств, направленная на недопущение даже подготовительной преступной деятельности, должна иметь приоритетное значение для каждого отдельного государства и всего мирового сообщества. При этом такая профилактика должна осуществляться в рамках системы противодействия экстремизму в целом¹⁸⁴.

¹⁸³ См.: Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере предупреждения преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 47; Антоян Ю.М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 21-22.

¹⁸⁴ См.: Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: Н. Новгород. С. 12.

В ст. 2 Федерального закона «О противодействии терроризму»¹⁸⁵ среди основных принципов осуществления данного противодействия назван приоритет мер предупреждения, под которым в подп. «а» п. 4 ст. 3 этого же Закона понимается выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма). Представляется, что в этом законодательном определении имеется две неточности: 1) в контексте противодействия преступлениям и преступности в целом профилактика отнюдь не является синонимом предупреждения, а рассматривается как составляющая последней; 2) терроризм не сводится только к террористическим актам, а включает в себя всю террористическую деятельность.

Продолжение выделенных неточностей прослеживается в подп. «б» п. 4 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», где говорится о борьбе с терроризмом как о выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта. Здесь, по сути, частично говорится о предупреждении терроризма (предупреждение, пресечение), которое вновь необоснованно сводится только к одному из проявлений терроризма, пусть и наиболее опасному, - террористическому акту. Полагаем, что на законодательном уровне следует чётко разграничить между собой предупреждение терроризма и борьбу с ним, учесть все его проявления и особенности совершения таких преступлений с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Согласно п. 8 ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹⁸⁶ противодействие терроризму и экстремизму, защита потенциальных

¹⁸⁵ См.: Федеральный закон от 6 марта 2006г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс»: URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_58840/5c221ddd782ef12b8d4bc4fd0e409ca29edf8190/ (дата обращения: 18.08.2017).

¹⁸⁶ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

объектов террористических посягательств являются одними из основных направлений профилактики правонарушений, а экстремистская и террористическая виды деятельности рассматриваются в контексте факторов, обуславливающих совершение новых противоправных деяний.

В соответствии с пунктам 2 и 3 ст. 2 этого же Федерального закона профилактику преступлений и иных правонарушений следует рассматривать как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения, а систему такой профилактики - как совокупность её субъектов, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими профилактических мер, основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений.

В ст. 15 данного Закона профилактика подразделена на общую, то есть направленную на выявление и устранение причин и условий правонарушений, повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан, и индивидуальную, состоящую в воспитательном воздействии на лиц, склонных к совершению правонарушений, устранении отрицательно влияющих на них факторов, виктимологической профилактике и оказании помощи лицам, пострадавшим от преступлений.

Общая и индивидуальная разновидности профилактики преступлений и иных правонарушений проявляются в различных формах: в правовом просвещении и информировании, профилактическом надзоре, ресоциализации и т.д., которые приобретают конкретизированное наполнение применительно к противодействию определённым видам общественно опасной деятельности. В связи с этим полагаем, что такая конкретизация, в первую очередь, должна иметь место на законодательном уровне относительно отдельно взятых групп преступлений, в том числе террористической направленности. Только тогда

нормативное закрепление получают особенности профилактического воздействия, в частности, учитывающие специфику совершения преступлений террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Принимая во внимание тот факт, что данные преступления характеризуются высокой латентностью, приоритетным видом их предупреждения является именно общая профилактика¹⁸⁷, ориентированная на всех граждан, причём её основными средствами целесообразно избрать электронные и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть «Интернет».

Президент РФ В.В. Путин в своём выступлении на заседании коллегии ФСБ России подчеркнул, что в числе приоритетных направлений деятельности данной службы находится «жёсткое пресечение экстремизма», что не отменяет и необходимость постоянной профилактической работы, которая должна осуществляться наряду с мерами силового характера здесь. Президент РФ особо отметил важность недопущения втягивания молодёжи в преступные сети экстремистов, формирования у молодых людей стойкого неприятия национализма, ксенофобии, агрессивного радикализма¹⁸⁸.

Как уже отмечалось выше, в последние годы практически все предложения законотворческих и правоохранительных органов в области совершенствования мер противодействия терроризму сводятся к усилению таких мер, в том числе к повышению строгости уголовного наказания за преступления террористической направленности и иному увеличению репрессивности уголовного закона. В отдельных случаях предложения по такому изменению УК РФ совмещаются с доводами в пользу целенаправленного воздействия на конкретные факторы, обуславливающие совершение таких уголовно нака-

¹⁸⁷ См.: Антонян Ю.М. Современные проблемы предупреждения преступности. // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2015. № 4. С. 63-70.

¹⁸⁸ См.: Выступление Владимира Путина на заседании коллегии ФСБ в 2017 году // Электронный ресурс: URL: https://www.discred.ru/news/vystuplenie_vladimira_putina_na_zasedanii_kollegii_fsb/2017-02-16-26554 (дата обращения: 15.01.2018).

зуемых деяний с обращением особого внимания на предупреждение распространения террористической и экстремистской идеологии в сети «Интернет».

Так, выступая 19 октября 2017г. на международной научно-практической конференции «Преступления против мира и безопасности человечества: современные формы терроризма и экстремизма» председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин предложил расширить спектр уголовно-правовых мер, направленных на противодействие террористической деятельности, осуществляемой с использованием возможностей сети «Интернет», особенно относительно противоправных действий террористических сообществ и организаций, ввести меры, позволяющие блокировать деятельность сайтов, пропагандирующих терроризм. Он признал самой большой опасностью терроризма превращение относящихся к нему явлений в национальную идею, как это уже было в гитлеровской Германии и Османской империи. Также А. Бастрыкин предложил отразить национальную идеологию в Конституции РФ, в ч. 2 ст. 13 которой в настоящее время указано, что в нашей стране никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹⁸⁹.

Конституционный Суд РФ в определении, вынесенном по жалобе группы граждан, являвшихся потерпевшими от террористического акта, совершённого в г. Беслан 1-3 сентября 2004 г., в частности, отметил, что международные документы ориентируют государства на осуществление бескомпромиссной борьбы с терроризмом, признают недопустимым выполнение политических требований террористов, предписывают применение комплекса правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских и иных мер противодействия терроризму в целях защиты личности и общества

¹⁸⁹ См.: Александр Бастрыкин принял участие в международной научно-практической конференции в Санкт-Петербурге // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации: URL: <http://sledcom.ru/news/item/1173065> (дата обращения: 20.10.2017).

от порождаемых им угроз, склонения к добровольному отказу от акта терроризма, предупреждения его последствий¹⁹⁰.

Транснационализация террористической деятельности, её выход за пределы отдельно взятого или нескольких государств с распространением соответствующей криминальной активности и её последствий в глобальных масштабах обуславливают необходимость формирования и постоянного совершенствования международного уровня предупреждения терроризма в целом и преступлений террористической направленности как его конкретных проявлений, в частности¹⁹¹. Именно на международном уровне должно формироваться концептуальное, стратегическое видение противодействия терроризму при взаимодействии максимального количества государств и учёте новых способов совершения преступлений террористической направленности, в том числе с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Применительно к международному уровню предупреждения терроризма отметим, что понимание ООН и её структурами глобализации и транснационализации данного негативного социально-правового явления в полной мере пришло после масштабной террористической атаки США, состоявшейся 11 сентября 2001г.

Так, в Докладе Рабочей группы ООН по разработке политики по вопросу о роли данной Организации в связи с терроризмом от 31 июля 2002г.¹⁹², в частности, отмечалось, что грани между национальным и международным терроризмом стираются, поэтому система мер противодействия должна быть

¹⁹⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009г. № 137-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Э.Д. Бзаровой, Э.Л. Кесаевой, В.А. Назарова и Э.Л. Тагаевой на нарушение их конституционных прав положением пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18743.pdf> (дата обращения: 19.05.2017).

¹⁹¹ См.: Пихов А.Х.А. Транснациональная преступность. Опыт криминологического анализа: монография. М.: ООО Изд-во «Юнити-Дана», 2017. С. 44.

¹⁹² См.: Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом от 31 июля 2002 года // Электронный ресурс: URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25099294/> (дата обращения: 12.10.2017).

ориентированной на данное явление в целом. В этих целях членами данной Рабочей группы был выработан комплекс практических предложений в следующих трёх областях деятельности ООН: 1) сдерживание испытывающих недовольство групп от становления на путь терроризма; 2) лишение групп или отдельных лиц возможности совершать деяния террористической направленности; 3) поддержка широкого международного сотрудничества в борьбе с терроризмом на основе уважения прав человека и его основных свобод. Эти направления противодействия терроризму, преимущественно ориентированные на его предупреждения, можно признать элементами, составившими основу для построения соответствующей международной стратегии.

Выступая по поводу этого Доклада, Генеральный секретарь ООН¹⁹³ подчеркнул, что борьба с терроризмом соответствует интересам не только отдельных государств и различных межправительственных учреждений, но и гражданского населения на местном, национальном и глобальном уровнях. Также он назвал указанные выше направления трёхсторонней стратегией противодействия терроризму, подготовленной Рабочей группой, и высказал одобрение относительно её сущности и содержания.

Первая составляющая этой стратегии заключается в сдерживании потенциальных террористов посредством разработки и реализации эффективных норм, организации и осуществления активной кампании в области информирования общественности, обеспечения достижения и поддержания международного консенсуса в вопросах противодействия терроризму.

Как подчеркнул Генеральный секретарь ООН, сдерживание таких лиц и соответствующих групп одновременно не должно быть сопряжено с отступлениями от соблюдения основных прав и свобод человека, а также от обеспечения верховенства права. Поскольку проявления терроризма представля-

¹⁹³ См.: Выступление Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами // Официальный сайт ООН: URL: http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2002/pv4618.shtml (дата обращения: 15.10.2017).

ют собой наиболее опасные нарушения таких прав и свобод, поэтому обеспечение общественной безопасности за счёт попраiania прав человека изначально ущербно и ведёт к возникновению указанных недовольных групп, которые с высокой долей вероятности могут встать на путь насилия или, по меньшей мере, будут одобрять действия террористов.

Второй элемент международной стратегии противодействия терроризму состоит в лишении потенциальных террористов возможности совершить планируемые общественно опасные деяния, что может быть, в частности, достигнуто посредством принятия комплекса мер, направленных на разоружение, разработку глобальных норм, ограничивающих применение и распространение оружия массового уничтожения, оказание технической поддержки тем странам, которые стремятся к пресечению поставок оружия, финансовых средств и технологий террористическим сообществам и террористическим организациям.

Для обеспечения эффективности и устойчивости реализации данного направления стратегии необходимо, чтобы оно было основано не только на международном, но и на внутригосударственном праве. При этом наряду с формированием и подписанием соответствующих международных договоров не менее важным направлением являются их согласованное, унифицированное применение и постоянный контроль за этой деятельностью.

С учётом возникновения и разрастания «Исламского государства» и других международных террористических организаций, предпринимающих попытки по захвату территорий отдельных регионов и даже целых стран и непрерывно увеличивающих частоту, дерзость и масштабность терактов и других преступлений террористической направленности, необходимо наращивать интернациональные меры по предупреждению последних, в том числе по предотвращению попадания в оборот оружия массового поражения и (или) его компонентов¹⁹⁴.

¹⁹⁴ См.: Жилкин В.А. Международная безопасность и роль России в борьбе с международным терроризмом и информационной безопасностью // Международное публичное и ча-

Не менее важным направлением международного предупреждения терроризма является борьба с подпитывающей его иной транснациональной преступностью: с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, легализацией имущества, добытого криминальным путём, торговлей людьми, хищениями культурных ценностей и др. Предупреждение и пресечение таких деяний необходимы для устранения или, по меньшей мере, минимизации источников и каналов финансирования террористической деятельности.

Третьим элементом рассматриваемой стратегии является международное сотрудничество в области противодействия терроризму, причём не только на широкой основе, но и с одновременными поощрением и поддержкой субрегиональных, региональных и глобальных организаций в целях объединения усилий в рамках общей, совместной деятельности по предупреждению террористических проявлений и борьбе с ними. Несмотря на значительные шаги в этом направлении, осуществлённые под эгидой ООН, которые привели к созданию обширной международно-правовой базы, формированию структурных подразделений этой Организации и устойчивых связей между ними и национальными правоохранительными органами сотрудничающих государств, в последние годы мы видим разрастание разногласий между последними, ещё более актуализировавшихся в связи с геополитическим кризисом в Украине¹⁹⁵ и борьбой с международными террористическими организациями, оккупировавшими Сирию и ряд других стран Ближнего Востока. Некоторые государства, которые, как казалось, должны были ещё более сплотиться перед лицом международного терроризма, вопреки этим ожиданиям начали преследовать свои национальные или региональные интересы, рассматривая разрастание террористической активности крупных преступ-

стное право. 2017. № 4. С. 24-27; Володина Н.В. Деятельность «Исламского государства» как угроза конституционной безопасности России // Российский следователь. 2015. № 3. С. 43-47.

¹⁹⁵ См.: Павлинов А.В. Экстремизм на Украине: криминологический анализ, правовая оценка, уроки // Российский следователь. 2014. № 16. С. 33-37.

ных объединений всего лишь как «сопутствующие издержки» в достижении крупных геополитических целей.

Изучение приведённой обобщённой стратегии, характеризующей международный (мировой) уровень противодействия терроризму, позволило нам сделать вывод о необходимости её дополнения ещё одним структурным элементом (направлением) – предупреждением формирования и распространения террористической и экстремистской идеологии. Если первая оправдывает террористическую деятельность, призывая к ней и вовлекая в неё, то вторая, экстремистская идеология, прежде всего, направлена на разжигание ненависти и вражды в обществе, зарождение и усиление в других людях соответствующих мотивов преступного поведения, доходящего в своей общественной опасности до убийств и терактов.

20 сентября 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН в форме резолюции была принята Глобальная контртеррористическая стратегия¹⁹⁶ с приложением к ней в виде Плана действий, что обозначило начало нового этапа международного противодействия терроризму. Впервые государства-члены ООН согласовали общий для них документ, направленный на формирование единого видения проблемы терроризма и унифицированного подхода к противодействию данному явлению.

Реализация компонентов Глобальной стратегии предполагает следующие направления деятельности сотрудничающих государств:

- 1) устранение условий, способствующих распространению терроризма;
- 2) пресечение и предотвращение терроризма;
- 3) укрепление национального потенциала в деле борьбы с терроризмом;
- 4) отстаивание принципов соблюдения прав человека и верховенства права в условиях борьбы с терроризмом.

¹⁹⁶ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 20 сентября 2006г. «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных наций» // Официальный сайт ООН: URL: <http://www.unodc.org/pdf/terrorism/Index/60-288ru.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).

Дальнейшие события в мире, связанные с терроризмом и противодействием данному негативному явлению, показали, что, несмотря на принятие Глобальной стратегии противодействия терроризму и предпринимаемые усилия по её реализации на практике, показали отсутствие фактического восприятия положений данного международного документа рядом государств. Особенно заметной наметившаяся аномия данной Стратегии стала в последние три года, когда США, Канада и страны Евросоюза стали осуществлять экстенсивную санкционную политику в отношении России, нанеся тем самым непоправимый урон международному сотрудничеству в области противодействия терроризму.

Ещё в 2013 г. специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью А.В. Змеевский, выступая на специальном заседании Совета Безопасности ООН, посвящённом формированию всеобъемлющего подхода к противодействию терроризму, особо отметил проблему, состоящую в отсутствии консолидированной позиции в этом Совете относительно осуждения терактов и других угроз в контексте сирийских событий, особенно в связи с наблюдающимся усилением там влияния в рядах оппозиции террористических структур, связанных с Аль-Каидой¹⁹⁷.

В условиях осложнения международных отношений и разобщённости ведущих стран мира по ключевым вопросам обеспечения глобальной безопасности всё возрастающее значение имеет региональное сотрудничество между государствами, сохраняющими заинтересованность в согласовании усилий в противодействии терроризму и экстремизму¹⁹⁸. Для Российской Федерации такие возможности в наибольшей степени имеются во взаимоотношениях с государствами-участниками (членами) СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС.

¹⁹⁷ См.: Амиров А.Э. Принципы глобальной контртеррористической стратегии ООН: проблемы реализации на современном этапе // Юридический мир. 2015. № 7. С. 62-67.

¹⁹⁸ См.: Федоров А.В., Сергеев Д.Н. Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия // Российский следователь. 2017. № 14. С. 49-53.

Так, в 2005г. решением глав государств-участников СНГ была принята Концепция сотрудничества данных стран в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма¹⁹⁹, где, в частности, было подчеркнута, что главным центром регулирования международных отношений является и должна продолжать оставаться Организация Объединённых Наций, под эгидой которой и на прочном фундаменте международного права мировому сообществу необходимо сформировать и реализовывать глобальную стратегию противодействия новым вызовам и угрозам.

В утверждённых Президентом РФ Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности²⁰⁰ выделяется такое направление государственной политики России по формированию механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия угрозам использования информационных и коммуникационных технологий в террористических целях, как развитие сотрудничества с государствами - членами Шанхайской организации сотрудничества, государствами - участниками СНГ и БРИКС, государствами - членами ОДКБ, способствующего предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию актов деструктивного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры, минимизации последствий реализации таких актов, а также противодействию использованию информационно-телекоммуникационных сетей в целях пропаганды терроризма и вовлечения в террористическую деятельность новых сторонников.

Основными целями Российской Федерации в области сотрудничества с другими государствами-участниками БРИКС (Федеративная Республика Бра-

¹⁹⁹ См.: Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (принято в г. Казани 26 августа 2005г.) // Интернет-портал СНГ: URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20313> (дата обращения: 23.05.2017).

²⁰⁰ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013, № Пр-1753) // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2017).

зия, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика) по вопросам международной безопасности, в частности, являются:

1) согласование позиций по вопросам стратегической стабильности, международной и региональной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения, урегулирования региональных конфликтов и поддержания региональной стабильности;

2) выработка единых или близких подходов к противодействию международному терроризму, что предполагает сотрудничество в целях укрепления центральной координирующей роли ООН в области борьбы с международным терроризмом, выполнения Глобальной контртеррористической стратегии ООН, осуществления норм универсальных антитеррористических конвенций, строгого соблюдения положений соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН; выработку общих позиций по вопросам борьбы с терроризмом при контактах с Лигой арабских государств, Организацией исламского сотрудничества, Африканским союзом и другими региональными организациями;

3) сотрудничество в интересах обеспечения международной информационной безопасности, использование возможностей БРИКС для продвижения инициатив в этом направлении в рамках различных международных форумов и организаций, прежде всего ООН; укрепление в формате БРИКС сотрудничества в области противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в военно-политических, террористических и криминальных целях, а также в целях, противоречащих обеспечению международного мира, стабильности и безопасности;

4) сотрудничество, направленное на противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма в рамках Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег и групп, созданных по ее модели, в том числе на двусторонней основе;

5) сотрудничество в сфере борьбы с нелегальной миграцией²⁰¹.

Вместе с тем, не умаляя значимость сотрудничества в рамках приведённых и других межгосударственных объединений, всё же подчеркнём, что именно за ООН должна сохраняться функция международного стратегического планирования и координации усилий государств-членов в области противодействия наиболее опасным проявлениям транснациональной преступности, в том числе терроризму.

В ООН необходимо и далее поддерживать интересы сотрудничества с международными партнерами в противодействии терроризму, содействовать достижению единства их целей и действий, обращать особое внимание на необходимость осуществлять урегулирование политических разногласий и давних конфликтов, обуславливающих поддержку терроризма и террористической деятельности на определённых территориях. Посредством упреждения и разрешения таких конфликтов возможно лишить участников террористических сообществ и организаций возможности оправдывать свои действия какими бы то ни было праведными целями, находить убежище в какой-либо стране.

Существующую сегодня Глобальную контртеррористическую стратегию целесообразно рассматривать как документ, на основе и в развитие которого может быть сформирована международная стратегия предупреждения терроризма, акцентирующая внимание именно на превентивной деятельности и создающая предпосылки для формирования единых подходов к определению причин и условий терроризма, а также к методам их устранения или минимизации.

Ключевым элементом международной стратегии предупреждения терроризма, от которого в первую очередь зависит эффективность её практической реализации, должно быть именно сотрудничество государств-членов

²⁰¹ См.: п. 16 Стратегии участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом РФ 9 февраля 2013г.) // Официальный сайт МИД России: URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/117686 (дата обращения: 30.10.2017).

ООН, причём не только и даже не столько по уголовным делам, сколько при формировании комплекса мер, направленных на устранение детерминирующих факторов, в первую очередь тех, что обуславливают транснационализацию террористической деятельности.

В Декларации Совета министров в рамках ОБСЕ также говорится о том, что необходимо сформировать всеобъемлющий подход на всех уровнях предупреждения насильственного экстремизма и радикализации, приводящих к терроризму, и противодействия таковым посредством координации действий между национальными властями, сотрудничества между государствами-участниками и их взаимодействия с различными международными и региональными организациями²⁰².

Представляется, что в настоящее время назрела острая потребность в формировании и реализации единой международной концепции противодействия терроризму, включающей требования к средствам массовой информации относительно освещения определённых событий, прежде всего связанных с преступлениями, которые могут относиться к террористической деятельности, включая причастность к таковым представителей тех или иных этнических или иных социальных групп. В противном случае для ещё большего распространения экстремистской и террористической идеологии достаточно будет сделать репост соответствующих сообщений средств массовой информации, использующих ресурсы сети «Интернет».

Минимизация данного социально-психологического фактора миграционных процессов, на наш взгляд, будет способствовать снижению уровня напряжённости и конфликтов в обществе на национальной и религиозной почве в целом, уменьшит социальную изоляцию мигрантов и создаст предпосылки для их вовлечения в легальную трудовую деятельность, снизит привлека-

²⁰² См.: п. 6 Декларации Совета министров о предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им // Двадцать вторая встреча Совета министров ОБСЕ (Белград, 3-4 декабря 2015г.). Белград, 2015. С. 9-17.

тельность участия в каких-либо криминальных объединениях, в том числе в террористических сообществах и террористических организациях.

Считаем, что научно обоснованная, плановая миграционная политика, согласованная и проводимая на межгосударственном и национальном уровнях, упорядочит распределение вынужденных мигрантов по странам и регионам последних, что позволит снизить риски вовлечения соответствующих лиц в криминальную и иную противоправную деятельность, в том числе уменьшит эффективность идеологического воздействия террористических и экстремистских сообществ и организаций на мигрантов через электронные и информационно-телекоммуникационные сети.

Особую актуальность в предупреждении преступлений террористической направленности имеют меры, направленные на выявление и перекрытие источников финансирования террористических и экстремистских объединений, в том числе и каналов поступления денежных средств через сервисы сети «Интернет», а также на борьбу с преступлениями, которые совершаются такими криминальными объединениями в целях получения необходимых им денег, иного имущества, оружия, боеприпасов и т.д. Эти направления противодействия также нуждаются в согласованных усилиях всех государств.

На федеральном уровне предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, целесообразно планировать, организовывать и осуществлять в рамках противодействия более широкому явлению – экстремизму²⁰³ и, прежде всего, таким его типичным проявлениям, как преступления экстремистской направленности.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации особо отмечается важность разработки и осуществления согласованного комплекса мер, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и

²⁰³ См.: Экстремизм и его причины: монография / Отв. ред. Ю.М. Антонян / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И.Гилинский, И.Ю.Сундиев, В.В.Аванесян, Е.Н. Юрасова, Ю.Т.Касперович, М.Д.Давитадзе, В.И.Шиян, Л.А.Айвар, И.Л.Трунов. – М.: Логос. 2014. С. 19.

раскрытия актов терроризма и экстремизма, недопущение распространения соответствующей опасной идеологии в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях²⁰⁴. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года²⁰⁵ и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года²⁰⁶ цели и задачи в области противодействия проявлениям экстремизма нашли свою конкретизацию.

Кроме того, в 2016г. была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации²⁰⁷, содержащая необходимые основы для того, чтобы сформировать государственную политику и развивать общественные отношения в области обеспечения информационной безопасности и выработку мер по совершенствованию системы её обеспечения. Как следует из содержания этого документа, на официальном уровне признано, что рассматриваемые преступления представляют угрозу для информационной безопасности государства.

Превентивная деятельность в рассматриваемой области основана на положениях нового Федерального закона от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»²⁰⁸ и других нормативных правовых актах, регламентирующих различные аспекты противодействия информационному экстремизму.

²⁰⁴ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

²⁰⁵ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012г. № 1666) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

²⁰⁶ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2017).

²⁰⁷ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 декабря 2016г. №646) // Российская газета. 2016. 16 декабря.

²⁰⁸ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

Так, в соответствии с частями 3-5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁰⁹ Правительством РФ принято постановление²¹⁰, которым утверждены Правила создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

С 1 сентября 2012 г. действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²¹¹, в котором определены виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей и предусмотрен порядок установления и реализации запретов и ограничений относительно доступа к такой информации со стороны несовершеннолетних лиц.

Вместе с тем одних только правовых мер, а также вытекающих из них действий по контролю за миграционными процессами, блокировке сайтов или иных ресурсов сети «Интернет» ещё недостаточно для полноценного предупреждения проявлений экстремизма и терроризма, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Тот же самый сайт, но только с изменённым названием может возникнуть вновь, поэтому такая блокировка не способна существенно ограничить

²⁰⁹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

²¹⁰ См.: Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

²¹¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

возможности по совершению данных преступлений. Поэтому предупреждение рассматриваемых преступлений должно иметь комплексный характер²¹².

Сегодня необходимы комплексные профилактические программы, ориентированные на молодежь, учитывающие и разъясняющие особенности современного многонационального и многоконфессионального общества, необходимость взаимодействия между людьми разных национальностей и вероисповеданий, возможности по самореализации, предупреждению социальных конфликтов и выходу из них без нарушения закона, в том числе без применения насилия, опасность международных и иных террористических и экстремистских организаций и сообществ, бесперспективность терроризма как способа решения каких бы то ни было проблем и задач, предлагающие направления применения своих знаний, навыков и способностей в социально полезной деятельности²¹³.

Так, в ЮНЕСКО в последние годы предпринимают значительные усилия, направленные на поиск и устранение глубинных причин насильственного экстремизма, из которого произрастают терроризм и террористическая деятельность, планомерно осуществляя соответствующие профилактические мероприятия в рамках реализации Стратегии деятельности ЮНЕСКО по вопросам молодежи (2014-2021 гг.), а также рамочной программы действий «Расширение прав и возможностей молодежи в интересах укрепления мира». Осуществляются программы, ориентированные на контрпропаганду идей экстремизма, в том числе в сети «Интернет», молодежь активно вовлекается в деятельность неправительственных организаций, ориентированную на повышение информированности по вопросам профилактики экстремизма, обмену и обсуждению такой информации, поиск путей мирного разрешения конфликтов и принятие решений по предотвращению конфликтов, развитие

²¹² См.: Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В., Коваленко В.И., Шиян В.И., Бичадзе Г.Э., Евсеев А.В. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года. М.: ВНИИ МВД России, 2018. С. 37.

²¹³ См.: Абдулганеев Р.Ф. Криминологические аспекты предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в Интернет-пространстве // Общество и право. 2017. № 2. С. 98.

Молодёжной сети миротворцев, принятию чрезвычайных мер по охране культурного наследия и т.д.²¹⁴

Власти большинства государств осуществляют постоянный контроль за миграционными потоками и предпринимают усилия, направленные на их ограничение, в том числе посредством установления мер административной и уголовной ответственности за нарушения в данной области

В последние годы многие страны ужесточают миграционное законодательство и вводят в своё национальное законодательство нормы о наказании за административные правонарушения и преступления, связанные с незаконной миграцией²¹⁵. Не исключением является и Российская Федерация, в уголовном законодательстве которой, в частности, предусмотрена ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ). Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ²¹⁶ Особенная часть УК РФ была дополнена статьями 322² и 322³ об ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учёт) российских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства по месту пребывания или по месту жительства в жилых помещениях в Российской Федерации. Эти уголовно-правовые нормы корреспондируют с рядом статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (например, статьи 18.8-18.12, 19.27 и др.) и положениями миграционного права, включающего ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов²¹⁷.

²¹⁴ См.: ЮНЕСКО в действии. Повсеместное предотвращение насильственного экстремизма. ЮНЕСКО, 2017. С. 3-15.

²¹⁵ См.: Борисов С.В. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учёт) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Союз криминалистов и криминологов. 2015. № 1-2. С. 35-43.

²¹⁶ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2013г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6696.

²¹⁷ См., например: Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227; Федеральный закон от 25 июля 2002г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» //

Указанные преступления являются высоколатентными, вместе с тем количество лиц, ежегодно осуждаемых по указанным статьям УК РФ, характеризуется положительной динамикой, особенно применительно к фиктивной регистрации иностранных граждан по месту жительства или их постановке на учет по месту пребывания.

Так, если в 2010 г. по статье 322¹ УК РФ было осуждено 475 лиц, то в 2011г. – 612, в 2012 г. – 292, в 2013 г.– 588, в 2014 г. – 883, в 2015 году – 820 и в 2016 году – 900 лиц. В первом полугодии 2017 г. по данной норме было осуждено 388 лиц.

В 2014 г. по ст. 322² УК РФ было осуждено 216 лиц, в 2015 г. – 507 и в 2016 г.– 1064 лиц. В первом полугодии 2017 г. по статье 322² УК РФ осуждено 779 лиц.

В 2014 г. по ст. 322³ УК РФ было осуждено 3379 лиц, в 2015 году – 5631 и в 2016 году – 7800 лиц. В первом полугодии 2017 г. по ст. 322³ УК РФ осуждено 5213 лиц²¹⁸.

Вместе с тем данные уголовно-правовые запреты, равно как и положения других нормативных актов в области миграции, представляют собой лишь часть необходимой системы мер, которая должна быть сформирована для комплексного воздействия на миграционные процессы в целях их эффективного контроля и минимизации связанных с ними негативных социальных последствий, включая совершение преступлений. При этом важно соблюсти необходимый баланс между стремлением к ужесточению миграционной политики и желанием расширить международное сотрудничество и развивать национальную экономику с её дальнейшим интегрированием в мировую экономическую деятельность.

Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №30. Ст. 3032; Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 5. Ст. 653.

²¹⁸ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Судебная статистика»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 15.12.2017).

В первой главе диссертационного исследования мы останавливались на такой уголовно-правовой особенности преступлений террористической направленности, а точнее норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за данные деяния, как наличие во многих из них примечаний, предусматривающих специальные условия освобождения от уголовной ответственности, преимущественно относящиеся к отдельным случаям деятельного раскаяния, за исключением примечания к ст. 205 УК РФ «Террористический акт», в котором признаки данного обстоятельства совмещены с положениями о добровольном отказе от доведения преступления до конца.

Реализация данных примечаний, представляющих собой поощрительные нормы, направлены на то, чтобы лица, совершившие преступления террористической направленности, способствовали раскрытию других преступлений, в том числе имеющих организованный характер, тем самым содействуя предупреждению дальнейшей преступной деятельности соответствующих криминальных образований.

Особенно значимыми, на наш взгляд, являются специальные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные применительно к преступлениям в виде создания террористического сообщества или незаконного вооружённого формирования, руководства ими либо участия в них, а также организации деятельности террористической организации или участия в деятельности такой организации (примечания к статьям 205⁴, 205⁵ и 208 УК РФ). Сущностью такого освобождения от уголовной ответственности и одновременно его первым и главным условием здесь является прекращение лицом своего участия в соответствующем преступном объединении. Также обязательным условием является отсутствие в действиях данного лица иного состава преступления. Анализ выделенных примечаний позволил нам выделить два из них, в содержании которых имеются недостатки, на наш взгляд, затрудняющие их применение и нуждающиеся в устранении.

Во-первых, в примечании 1 к ст. 205⁴ УК РФ об ответственности за создание террористического сообщества и участие в нём, в отличие от при-

мечаний к статьям 205⁵ и 208 УК РФ отсутствует указание на то, что деяние совершено лицом впервые, а также используется формулировка «лицо, ... прекратившее участие...» без её дополнения указанием, что речь идёт о лице, совершившем преступление, предусмотренное данной статьёй УК РФ, то есть любой её частью, как это имеет место в примечаниях к указанным выше уголовно-правовым нормам.

Безусловно, отсутствие оговорки о том, что преступление должно быть совершено впервые, потенциально расширяет область применения данного примечания, однако при этом не учитывается требование системности уголовно-правового регулирования сходных общественных отношений, поскольку в примечаниях к статьям 205⁵ и 208 УК РФ, а также в примечании 1 к ст. 282¹ и примечании к ст. 282² УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества или деятельности экстремистской организации, а равно об участии в них такая оговорка присутствует. Полагаем, что широкое определение понятия лица, впервые совершившего преступление, приводимое Пленумом Верховного Суда РФ²¹⁹, и без того распространяет институт освобождения от уголовной ответственности на большую часть лиц, совершивших преступления при отсутствии неснятой или непогашенной судимости, поэтому его ещё большее расширение в норме особенной части УК РФ видится нам нецелесообразным.

Если же обратиться к формулировке «лицо, ...прекратившее участие» без уточняющего дополнения о том, что речь идёт не только о лице, совершившем участие в террористическом сообществе, но и о том, кто организовал последнее либо руководил им, особенно при сопоставлении с примечаниями к статьям 205⁵ и 208 УК РФ, а также с примечаниями 1 к ст. 282¹ и примечании к ст. 282² УК РФ, где такое уточнение содержится, может приводить на практике и в научных исследованиях к выводу о том, что примеча-

²¹⁹ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля; 2016. 7 декабря

ние 1 к ст. 205⁴ УК РФ распространяется только на лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ, что, судя по всему, не соответствует воле законодателя.

Кроме того, в примечании 1 к ст. 205⁴ УК РФ говорится о том, что лицо должно сообщить о существовании террористического сообщества, но не уточняется, кому именно должно быть адресовано это сообщение, что не отвечает требованиям правовой определённости. Более правильным, по нашему мнению, является уточнение, присутствующее в примечании к ст. 205 УК РФ, о том, что лицо сообщает не кому-либо, а именно органам власти. Также считаем целесообразным расширить варианты позитивного постпреступного поведения данного лица за счёт указания ещё и на иное способствование пресечению деятельности террористического сообщества.

С учётом изложенного нами предлагается следующая редакция первого предложения примечания 1 к ст. 205⁴ УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании органам власти, а равно иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного террористического сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

С предложенной редакцией примечания 1 к ст. 205⁴ УК РФ согласились 55,01% респондентов из числа судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и сотрудников оперативных подразделений, а также 82,54% научно-педагогических работников.

Во-вторых, в примечании к ст. 208 УК РФ предусмотрено обязательное сочетание таких условий освобождения от уголовной ответственности, как добровольное прекращение участия в незаконном вооружённом формировании и сдача оружия, тогда как на практике, как указали 42,24% опрошенных сотрудников оперативных подразделений, имеют место случаи прекращения такого участия без сдачи оружия с оговоркой лица о том, что оно выполняло

лишь обеспечивающие функции в этом преступном объединении (готовило еду, оказывало медпомощь и т.п.). В связи с этим представляется необходимым дополнить примечание к ст. 208 УК РФ указанием на такие альтернативные позитивные постпреступные действия, как сообщение органам власти о существовании соответствующего незаконного вооружённого формирования или иное содействие пресечению его деятельности.

Нами предлагается изложить примечание к ст. 208 УК РФ в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооружённом формировании и сдавшее оружие, сообщившее о существовании данного незаконного вооружённого формирования органам власти либо иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного незаконного вооружённого формирования, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

С данным предложением согласились 54,73% опрошенных судей, прокуроров и служащих прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и сотрудников оперативных подразделений, а также 82,54% научно-педагогических работников.

Примечания к другим уголовно-правовым нормам о преступлениях террористической направленности, предусматривающие специальные условия освобождения от уголовной ответственности также способствуют прерыванию преступного состояния (например, в примечании к ст. 206 УК РФ говорится об освобождении заложника как условии освобождения от уголовной ответственности) или недопущению совершения других преступлений террористической направленности (например, в примечании к ст. 205¹ УК РФ указано такое условия, как содействие предотвращению либо пресечению преступления, которое лицо финансировало и (или) которому оно содействовало; в примечании к ст. 205³ УК РФ - содействие раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших «терро-

ристическое» обучение, осуществлявших, организовывавших или финансировавших последнее, мест него проведения).

Так, лицо, обеспечивавшее взаимодействие внутри террористической организации, террористического сообщества или незаконного вооружённого формирования, а равно совершающее иные действия с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для обеспечения противоправной деятельности данных объединений, может добровольно выйти из состава последних, сообщить об их существовании правоохранительным органам, и содействовать пресечению дальнейшей террористической деятельности.

Наличие специальных условий освобождения от уголовной ответственности, кроме того, может быть использовано оперативными подразделениями для склонения членов террористических объединений к выходу из последних, оказания помощи в предупреждении, раскрытии и расследовании соответствующих преступлений. Также эти специальные условия способствуют предотвращению более опасных последствий, которые могут наступить при продолжении террористического преступления (например, при дальнейшем удержании заложника, приведении в действие заложенного взрывного устройства и т.д.).

Выше мы уже отмечали, что предупреждению криминальной активности террористической направленности в сети «Интернет» могут способствовать меры, направленные на постоянное или временное прекращение функционирования тех или иных Интернет-ресурсов, блокировку сайтов и т.п. Также этому могут способствовать меры, ориентированные на обеспечение эффективного доказывания таких преступлений и выявление лиц, их совершающих. В частности, Е.А. Брылева отмечает активное воздействие террористических организаций, оказываемое на несовершеннолетних через социальные сети и иные ресурсы сети «Интернет», и говорит о необходимости принятия комплекса ограничительных правовых, организационных и технических мер, препятствующих распространению соответствующего контента,

и приводит примеры стран, уже разработавших и успешно применяющих системы таких мер (Австралия, США, ФРГ и др.)²²⁰, а также обращается к сходной превентивной деятельности, осуществляемой на уровне конкретного региона Российской Федерации²²¹.

В нашей стране помимо указанных выше мер по блокированию нежелательной информации также предпринимаются технические меры, направленные на обеспечение доказывания использования оборудования связи для приготовления к преступлениям террористической направленности и непосредственного их совершения. Например, в 2016г. была реализована совокупность законодательных мер, входящих в так называемых «пакет Яровой И.А.», предложенных указанным депутатом Государственной Думы РФ. В частности, были внесены существенные изменения в законодательство о связи, информации и информационной безопасности, обязывающие операторов связи (организаторов распространения информации) в течение длительного срока хранить на территории России и предоставлять уполномоченным органам власти сведения о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи (срок хранения – 3 года), а равно сами текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи (срок хранения до 6 месяцев)²²².

Данные и другие законодательные изменения вызвали бурную дискуссию в обществе, в том числе в связи с ожидаемыми высокими финансовыми

²²⁰ См.: Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? // Информационное право. 2017. № 2. С. 25-26.

²²¹ См.: Брылева Е.А. О реализации права на информационную безопасность несовершеннолетних (на примере Пермского края) // Информационное право. 2015. № 1. С. 31-34.

²²² См.: Федеральный закон от 6 июля 2016г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

затратами операторов связи и предполагаемыми нарушениями конституционных прав граждан. В частности, П. Дуров, создатель мессенджера Telegram, первоначально отказался предоставить Роскомнадзору необходимые сведения для регистрации в реестре организаторов распространения информации, кроме того, разработчики данного мессенджера даже добавили в него возможность обходить потенциальную блокировку в России с помощью сетевого протокола SOCKS5. Однако в дальнейшем П. Дуров дал согласие на такую регистрацию с оговорками о том, что не собирается исполнять другие «неконституционные» положения «пакета Яровой И.А.»²²³.

С нашей точки зрения, поскольку право на свободное получение и распространение информации, равно как и любое другое право, может быть ограничено федеральным законом в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства, то в данном случае имеет место не нарушение Конституции РФ, а непосредственная реализация ее положений, гарантирующих защиту жизни, здоровья и других благ личности, а равно общественной безопасности в целом от различных опасных посягательств, в том числе от преступлений террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, и допускающих такие ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Ранее мы отмечали проблему в подготовке квалифицированных кадров правоохранительных органов, занятых в сфере противодействия рассматриваемым преступлениям. В связи с этим при опросе научно-педагогических работников нами были выяснены следующие направления совершенствования подготовки таких сотрудников: проведение учебных занятий с участием приглашённых оперативных сотрудников подразделений по противодействию терроризму, следователей, прокуроров и судей (88,89% данных респон-

²²³ См.: Павел Дуров согласился на внесение Telegram в реестр Роскомнадзора // Электронный ресурс: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/06/2017/5953a8419a7947282cacd076 (дата обращения: 26.12.2017).

дентов); организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по соответствующей тематике (84,13%); подготовка и внедрение в учебный процесс учебно-методических материалов, направленных на повышение квалификации указанных сотрудников (88,09%); разработка специального курса «Актуальные вопросы противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей» (82,54%); организация стажировок в различных подразделениях по противодействию терроризму и экстремизму (86,51%) и организация обмена опытом с аналогичными подразделениями других стран – 98 (77,78%).

В завершение настоящего параграфа сформулируем обобщающие выводы.

1. Предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должно представлять собой единую систему правовых, организационных, технических и иных мер, планируемых, реализуемых и контролируемых на международном и национальном уровнях при согласованном задействовании всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений и иных институтов.

2. Система мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должна иметь следующие приоритетные направления своего дальнейшего развития: 1) наращивание международного сотрудничества в данной области, в том числе относительно унификации необходимых правовых средств, совместного планирования и координации превентивных мер, прежде всего, по пресечению криминальной активности международных террористических организаций и сообществ в Интернет-пространстве; 2) совершенствование профилактической деятельности, связанной с воздействием на общественное сознание путём информирования граждан о предпосылках и социальных и юридических последствиях распро-

странения террористической и экстремистской идеологии; 3) активизация и расширение такого воздействия посредством использования информационных технологий, включая возможности электронных и информационно-телекоммуникационных сетей; 4) формирование и непрерывное усовершенствование технических и технологических мер, препятствующих совершению таких деяний, а равно упрощающих их выявление и доказывание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая настоящее диссертационное исследование, приведём его основные выводы и иные итоговые положения.

Преступления террористической направленности обладают рядом уголовно-правовых особенностей, позволяющих выделить данные деяния в относительно самостоятельную группу, провести их разграничение между собой и отграничение от иных, смежных с ними составов преступлений. Особенности уголовной ответственности за данные преступления проистекают из повышенного уровня их общественной опасности, что отражается законодателем не только в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ, но и в положениях его Общей части, регламентирующих назначение наказания, условное осуждение, отдельные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в процессе непосредственного выполнения объективной стороны преступления является типичным для трёх деяний террористической направленности: содействия террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ) и прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ). Публичность свойственна осуществлению только одного из данных преступлений, для которого этот признак предусмотрен в самой уголовно-правовой норме, - для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ). Содействие террористической деятельности и прохождения обучения в целях её осуществления не всегда протекают в открытой, публичной обстановке, поэтому соответствующий признак обоснованно не предусмотрен в диспозициях статей 205¹ и 205³ УК РФ.

Все преступления террористической направленности были разделены нами на две группы в зависимости от уголовно-правового и криминалистического значения использования при их совершении электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Первая группа преступлений террористической направленности состоит из деяний, для которых использование таких сетей является типичным для непосредственного осуществления их объективной стороны (содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности). Внутри этой группы выделяется преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ, в ч. 2 которой в качестве альтернативного квалифицирующего признака указано совершение предусмотренных ею публичных действий с использованием электронных или электронно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Вторую группу рассматриваемых преступлений террористической направленности составляют те общественно опасные деяния, для которых использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей не является типичным, но может иметь место на практике в процессе приготовления к ним или (и) осуществления вспомогательных (обеспечительных) действий в процессе выполнения их объективной стороны. В отдельных случаях совершения преступлений второй группы электронные или информационно-телекоммуникационные сети могут применяться для выполнения их объективной стороны (например, террористический акт в форме угрозы совершить взрыв, поджог и т.п. (ст. 205 УК РФ) и аналогичное деяние, но совершённое при обстоятельствах, позволяющих отнести его к разновидности акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей придаёт данным деяниям определённые специфические черты, в том числе уголовно-правового характера, поскольку их

совершение подобным способом предполагает особенности моментов их начала и окончания, а также отражается на содержании объективной и субъективной сторон данных преступлений.

Уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемые преступления нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе в направлении устранения противоречий между нормами Общей и Особенной частей УК РФ, регламентирующих институты соучастия в преступлении и освобождения от уголовной ответственности, а также с соблюдением принципов системности, правовой определённости и справедливости формируемых уголовно-правовых запретов в области противодействия терроризму, в том числе его проявлениям, осуществляемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

В настоящее время использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей может иметь место на любой стадии совершения преступлений террористической направленности, что существенно изменяет устоявшиеся представления о механизме совершения таких уголовно наказуемых деяний. Виновные лица могут совершать преступления террористической направленности в целом либо их отдельные части вне места наступления общественно опасных последствий, находясь на любом удалении от фактического объекта посягательства. Таким же образом может происходить взаимодействие между соучастниками в процессе достижения между ними сговора на совместное совершение преступления, распределения ролей и иного планирования предстоящей криминальной деятельности, а равно постпреступного поведения, направленного на сокрытие следов содеянного, использования фото - и видеоматериалов с места совершения деяния для оправдания терроризма, его пропаганды и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности. Использование таких сетей существенно упрощает приговорительную деятельность и в части приискания, изготовления или приспособления необходимых орудий и средств, получения информации об объекте и способах посягательства, а также других умышлен-

ных действий по созданию условий для террористической деятельности. То есть использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей придаёт террористической деятельности системный и систематический характер, упрощает её осуществление, одновременно усложняя её предупреждение, выявление и доказывание, а также способствует самодетерминации относящихся к ней уголовно наказуемых деяний.

Уголовный закон уравнивает в своём юридическом и социальном значении использование средств массовой информации и электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, что является вполне обоснованным с позиции сопоставимого уровня общественной опасности вовлечения таких средств и сетей в осуществление террористической деятельности в случаях, когда виновные пытаются придать таковой максимально возможную публичность.

Принимая во внимание быстрое развитие информационных технологий, представляется, что указание в уголовном законе не только на информационно-телекоммуникационные, но ещё и на электронные сети, обеспечивает его адаптационную ёмкость, то есть возможность его применения в будущем без корректировки текста, несмотря на последующие изменения общественных отношений и расширение видов средств, используемых при осуществлении террористической деятельности.

Юридический анализ объективных и субъективных признаков составов преступлений террористической направленности через призму реального или потенциального их совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей позволил нам выделить ряд проблем, допущенных законодателем в связи с отсутствием научной обоснованности введения ряда уголовно-правовых запретов, а также недостаточного внимания к требованиям юридической техники при их нормативном закреплении, в том числе связанных с необходимостью соблюдения требований правовой определённости и системности положений уголовного закона.

Изучение особенностей объективных и субъективных признаков преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, позволяет выделить такие специфические черты механизма их совершения, как активное использование таких сетей на всех стадиях реализации преступного умысла, а равно при формировании последнего и в постпреступном поведении, широкий спектр их использования, включающий различные подготовительные действия, осуществление своих функций соучастниками данных уголовно наказуемых деяний, а также практически неограниченные возможности по вовлечению в террористическую деятельность большого числа лиц, распространению террористической идеологии и совершению общественно опасных деяний на любом удалении от предмета посягательства.

Совершению преступлений террористической направленности, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, способствует совокупность факторов, имеющих внешний и внутренний характер, в том числе факторов, связанных с процессами глобализации. Вместе с тем вся совокупность детерминант приходит в действие, преломляясь через сознательную и волевою сферы личности, её мотивационную сферу. Именно формирование такой сферы и её содержание могут привести лицо к решению совершить преступление. Возможность же его совершения с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей воспринимается виновными лицами в качестве одного из благоприятных условий для выражения своих мотивов и целей, в том числе ненависти либо вражды на национальной, религиозной, политической или идеологической почве. Это обстоятельство сближает причинные комплексы преступлений террористической и экстремистской направленности.

Вместе с тем террористические преступления частично имеют и иную мотивационную основу, связанную с мстью государственным или общественным деятелям за их государственную или политическую деятельность,

корысть, желание дестабилизировать обстановку в государстве, в том числе захватить власть в нём или насильственно её удерживать и т.д.

Корыстная составляющая мотивационной сферы личности субъектов ряда преступлений террористической направленности придаёт данным преступлениям импульс к организованному (плановому) характеру террористической деятельности, созданию террористических сообществ и организаций, незаконных вооружённых формирований.

Лица, совершающие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание или пропаганду терроризма, могут решиться на нарушение уголовного закона спонтанно, под воздействием сиюминутно возникших эмоций, тогда как в иных преступлениях террористической направленности, как правило, действуют лица, обладающие устойчивыми установками на противоправное поведение, являющиеся опытными пользователями электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

При осуществлении превентивной деятельности по отношению к данным деяниям необходимо учитывать сложившиеся типологию и структуру личности субъектов различных видов преступлений террористической направленности.

Установлено, что среди лиц, совершающих преступления террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, определённые особенности, вытекающие именно из избираемого способа осуществления таких деяний, присущи только личности субъектов публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма. Наиболее близким для них является криминально заражённый тип личности, отличающийся наличием в психике таких лиц побуждений и целевых установок, которые при наличии благоприятных условий, вытекающих из широких возможностей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая доступность и простоту использования, неограниченный ох-

ват аудитории и относительную анонимность совершаемых действий, могут реализовываться в соответствующем преступном поведении.

Применительно к лицам, использующим те же сети при совершении иных преступлений террористической направленности, отметим, что данное обстоятельство несущественным образом сказывается на характеристике их личности, за исключением констатации факта наличия у них соответствующих знаний, умений и навыков, стремления упростить и обезопасить процесс осуществления соответствующих уголовно наказуемых деяний.

Квалификация преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей сопряжена с необходимостью разрешения трёх групп проблемных вопросов: 1) правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершённых деяниях; 2) разграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности; 3) разграничение иных преступлений террористической направленности; 4) отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности.

Разрешение соответствующих проблем следует производить посредством тщательного исследования обстоятельств совершённого преступления и обстоятельного анализа положений уголовного закона, которые необходимо применить в данной конкретной ситуации, при учёте разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, теоретических работ и складывающейся правоприменительной практики в данной области.

Полное решение отдельных проблем применения рассматриваемых уголовно-правовых норм, а равно повышение их эффективности могут быть достигнуты при внесении изменений и дополнений в уголовное законода-

тельство, в частности, предложенных и обоснованных в настоящей диссертации.

Предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должно представлять собой единую систему правовых, организационных, технических и иных мер, планируемых, реализуемых и контролируемых на международном и национальном уровнях при согласованном взаимодействии всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений и иных институтов.

Система мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должна иметь следующие приоритетные направления своего дальнейшего развития: 1) наращивание международного сотрудничества в данной области, в том числе относительно унификации необходимых правовых средств, совместного планирования и координации превентивных мер, прежде всего, по пресечению криминальной активности международных террористических организаций и сообществ в Интернет-пространстве; 2) совершенствование профилактической деятельности, связанной с воздействием на общественное сознание путём информирования граждан о предпосылках и социальных и юридических последствиях распространения террористической и экстремистской идеологии; 3) активизация и расширение такого воздействия посредством использования информационных технологий, включая возможности электронных и информационно-телекоммуникационных сетей; 4) формирование и непрерывное усовершенствование технических и технологических мер, препятствующих совершению таких деяний, а равно упрощающих их выявление и доказывание.

В диссертации сформулированы и обоснованы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за рассматриваемые преступления, в том числе предложена новая редакция ст. 205¹ УК РФ, направленная на устранение необоснованной конкуренции

содействия террористической деятельности с соучастием в преступлении и предварительной преступной деятельностью, дифференцирована ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма, устранена конкуренция данного состава с публичными призывами к нарушению территориальной целостности России, установлена ответственность за обучение других лиц в целях осуществления ими террористической деятельности. Также сформулированы предложения по дополнению постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012г. № 1 разъяснениями, касающимися квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² и ч. 4 ст. 211 УК РФ.

В диссертационном исследовании содержатся другие выводы и предложения, учёт которых в правотворческой и правоприменительной деятельности может, по нашему мнению, будет способствовать повышению эффективности противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а равно терроризму и экстремизму в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1.1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

1.2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. XXXII. М., 1978.

1.3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 9 декабря 1994г. Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право, т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90-94.

1.4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII.- М., 1989. С. 99 – 105.

1.5. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк 15 декабря 1997г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. №35. Ст. 3513.

1.6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999г.) // Официальный сайт ООН, раздел «Конвенции и соглашения»: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

1.7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 20 сентября 2006г. «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных наций» // Официальный сайт ООН: URL: <http://www.unodc.org/pdf/terrorism/Index/60-288ru.pdf>.

1.8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрании законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

1.9. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, ETS №185, 23 ноября 2001г.) // Официальный сайт Совета Европы: URL: <https://rm.coe.int/1680081580>.

1.10. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS N 196) (Варшава, 16 мая 2005г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. №9. С. 30-57.

1.11. Дополнительный Протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 217) (Рига, 22 октября 2015г.) // Официальный сайт Совета Европы: URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217/>.

1.12. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001г.) // Собрание законодательства РФ. - 2003.- № 41. - Ст. 3947.

1.13. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ: URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=866>.

1.14. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (г. Казань, 26 августа 2005г.) // Интернет-портал СНГ: URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20313>.

1.15. Декларация Совета министров о предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им // Двадцать вторая встреча Совета министров ОБСЕ (Белград, 3-4 декабря 2015г.). – Белград, 2015. С. 9-17.

1.16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом изменений, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

1.17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ) (в ред. ФЗ от 19.02.2018 № 27-ФЗ и 31-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

1.18. Уголовный кодекс Российской Федерации (от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ) (в ред. ФЗ от 19.02.2018 № 35-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

1.19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (от 30 декабря 2001г. № 195-ФЗ) (в ред. ФЗ от 07.03.2018 № 42-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

1.20. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

1.21. Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227.

1.22. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

1.23. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

1.24. Федеральный закон от 25 июля 2002г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. №30. Ст. 3032.

1.25. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

1.26. Федеральный закон от 6 марта 2006г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

1.27. Федеральный закон от 27 июля 2006г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3452.

1.28. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. 2010. 29 декабря.

1.29. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

1.30. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

1.31. Федеральный закон от 21 декабря 2013г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.

1.32. Федеральный закон от 28 декабря 2013г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6998.

1.33. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3385.

1.34. Федеральный закон от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

1.35. Федеральный закон от 6 июля 2016г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

1.36. Федеральный закон от 29 декабря 2017г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 29.

1.37. Федеральный закон от 31 декабря 2017г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 85.

1.38. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24 июля 2013г., № Пр-1753) // Официальный сайт Совета безопасности РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/>.

1.39. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 октября.

1.40. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

1.41. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Официальный сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru/>.

1.42. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

1.43. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. Ст. 4705.

1.44. Указ Президента РФ от 17 февраля 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. №8. Ст. 1098.

1.45. Указ Президента РФ от 7 декабря 2016 г. № 657 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7078.

1.46. Распоряжение Президента РФ от 5 июля 2017г. № 245-рп «О подписании Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 28. Ст. 4132.

1.47. Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 5. Ст. 653.

1.48. Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

1.49. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013г. №718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2013. №35. Ст. 4509.

1.50. Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2016г. №129 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2016. №9. Ст. 1267.

1.51. Распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2013г. №1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013 - 2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2013. №30 (ч. II). Ст. 4141.

1.52. Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 декабря 2017 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Электронный ресурс: URL: <http://legalacts.ru/doc/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-6511-mvd-rossii/>.

1.53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007г. №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. 21 ноября.

1.54. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. 18 июня.

1.55. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

1.56. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

1.57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 года № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2016. 16 ноября.

1.58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

2. Комментарии, монографии, пособия и учебники

2.1. Актуальные проблемы защиты прав человека в России и за рубежом: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во РААН, 2017. – 226с.

2.2. Антонян, Ю.М. Изучение личности преступника: Учебное пособие / Ю.М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – 80с.

2.3. Антонян Ю.М. Терроризм: Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. - М.: Изд-во Щит-М, 1998. - 306 с.

2.4. Антонян, Ю.М. Этнорелигиозный терроризм: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Аспект Пресс, 2006. - 317с.

2.5. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины/ Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. - 288 с.

2.6. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины: монография / Отв. ред. Ю.М. Антонян / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И. Гишинский, И.Ю. Сундиев, В.В. Аванесян, Е.Н. Юрасова, Ю.Т. Касперович, М.Д. Давитадзе, В.И. Шиян, Л.А. Айвар, И.Л. Трунов. – М.: Логос. 2014. – 312 с.

2.7. Антонян Ю.М. Личностные характеристики преступников: монография / Отв. ред. Ю.М. Антонян / Ю.М. Антонян, О.Р. Афанасьева, П.Б. Афанасьев, М.В. Гончарова, А.Я. Гришко, Ю.С. Дорожка, П.П. Елисов, В.И. Коваленко, Н.В. Сторчилова, В.И. Шиян. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана». 2016. - 311 с.

2.8. Антонян Ю.М. Портреты преступников: криминологический психологический анализ: монография / Отв. ред Ю.М. Антонян / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: Юридическое издательство «Норма». 2017. - 240 с.

2.9. Антонян Ю.М. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2017 года / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова, В.И. Коваленко, В.И. Шиян, Г.Э. Бицадзе, А.В. Евсеев. - М.: ВНИИ МВД России, 2018. – 66с.

2.10. Борисов С.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / Отв. ред. С.В. Борисов / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко. – М.: ИД «Юриспруденция», 2015. – 264 с.

2.11. Власенко В.В. Квалификация экстремистских преступлений при обеспечении охраны общественного порядка: Методические рекомендации / В.В.Власенко. - Ставрополь, 2016. – 64 с.

2.12. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. – 576 с.

2.13. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования (уголовно-правовое исследование): монография / Отв.ред. В.П. Емельянов / В.П.Емельянов. – М.: Nota Bene, 2002. – 320с.

2.14. Ермакова О.В., Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экс-

пертиз: учебное пособие / Отв.ред. О.В. Ермакова / О.В. Ермакова, П.А. Манянин, М.Ю. Мамев. - Барнаул, 2016. – 51с.

2.15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2017. – 1072с.

2.16. Коровин Е.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. ст. 205¹-205⁵ УК РФ: Методические рекомендации / Е.П.Коровин. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2015. – 72с.

2.17. Костенко Н.И. Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития: монография / Отв.ред. Н.И. Костенко / Н.И.Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 424с.

2.18. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. – М.: Проспект, 2005. – 175с.

2.19. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. С.М. Кочои. – М.: Юридическая фирма «Контракт», Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.

2.20. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / Под ред. В. С. Овчинский. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 352 с.

2.21. Ларина Е., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. Возможности и риски для России или О чем умолчал Эдвард Сноуден / Отв.ред.Е Ларина / Е.Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2014. – 352с.

2.22. Овчинский В.С. Виртуальный щит и меч: США, КНР и Британия в цифровых войнах будущего («Коллекция Изборского клуба») / Под ред. В. С. Овчинский. – М., 2017. – 320с.

2.23. Пихов А.Х-А. Транснациональная преступность. Опыт криминологического анализа: монография / Под. ред. А.Х-А. Пихова / А.Х-А.Пихов. – М.: ООО Изд-во «Юнити-Дана», 2017. – 160с.

2.24. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие / Под.ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 224с.

2.25. Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве: монография / Под. ред. М.Г. Решняк / М.Г. Решняк. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 160 с.

2.26. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД: Лекция / А.Б.Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 42с.

2.27. Трофимов Д.С. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера: аналитический обзор: монография / Под. ред. Д.С.Трофимова / Д.С.Трофимов. – М.: ООО Издательский центр «Наука», 2013. – 78с.

2.28. Кадников Н.Г. Уголовное право России. Общая часть. Особенная часть: учебник по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности» / Под общ. ред. Н.Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2013. – 944с.

3. Научные статьи, доклады, выступления

3.1. Абдулганеев Р.Ф. Криминологические аспекты предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в Интернет-пространстве / Р.Ф. Абдулганеев // Общество и право. - 2017. - № 2. - С. 96-100.

3.2. Аванесов Г.А., Личность преступника в системе причин преступности / Г.А. Аванесов, Р.Ш. Шегабудинов // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №3. С. 93-97.

3.3. Авдеев, В.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере предупреждения преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал / В.А.Авдеев, О.А.Авдеева //

Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 2. - С. 47-61.

3.4. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Механизм противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации / В.А.Авдеев, О.А.Авдеева // Юридический мир. - 2014. - № 12. - С. 59-63.

3.5. Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства / П.В.Агапов // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2013. - № 10. - С. 66-70.

3.6. Амиров А.Э. Принципы глобальной контртеррористической стратегии ООН: проблемы реализации на современном этапе / А.Э.Амиров // Юридический мир. - 2015. - № 7. - С. 62-67.

3.7. Антипенко В.Ф. Реализация ответственности за терроризм путем создания системы международного уголовного правосудия / В.Ф. Антипенко // Государство и право. - 2007. - № 6. - С. 85-93.

3.8. Антонян Ю. М. Типология и причины терроризма / Ю.М. Антонян // Проблемы борьбы с терроризмом. - М. - 2000. - С. 41-51.

3.9. Антонян Ю.М. Социально-психологические проблемы терроризма / Ю.М. Антонян // Вестник Воронежского института МВД России. - 2012. - № 4. - С. 10 – 14

3.10. Антонян Ю.М. Психология терроризма / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. - 2012. - № 3 (19). - С. 106-110.

3.11. Антонян Ю.М. Общая концепция предупреждения преступности / Ю.М. Антонян // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 21-22.

3.12. Антонян Ю.М. Концепция причин преступности / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. - 2014. - № 4 (28). - С. 31-37.

3.13. Антонян Ю.М. Современные проблемы предупреждения преступности. / Ю.М. Антонян // Вестник Воронежского института ФСИИИ России. - 2015. - № 4. - С. 63-70.

3.14. Арефьев А.М., Романенко И.И. О пропагандистской деятельности в отношении граждан СНГ со стороны террористических и экстремистских организаций / А.М. Арефьев // Конфликтология. - 2016. - № 2. - С. 169-178.

3.15. Арямов А.В. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / А.В. Арямов // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2011. - № 16. - С. 49-57.

3.16. Бадамшин С.К. Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений террористической направленности / С.К. Бадамшин // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. - 2016. - № 4. - С. 123-126.

3.17. Бадамшин С.К. Уголовно-правовые особенности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - № 4. - С. 75-78.

3.18. Бадамшин С.К. Актуальны проблемы защиты прав человека от преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С.К. Бадамшин // Актуальные проблемы защиты прав человека в России и за рубежом: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во РААН, - 2017. - С. -184-187.

3.19. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / С.В. Борисов // Российский следователь. - 2007. - № 10. - С. 10-12.

3.20. Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности / С.В. Борисов // Экономика, педагогика и право. - 2013. - №1. - С. 54-58.

3.21. Борисов С.В., Морозова А.А. Пособничество в совершении террористического акта как форма содействия террористической деятельности / С.В. Борисов // Закон и право. - 2016. - № 4 - С. 26-28.

3.22. Борисов С.В. Отдельные проблемы предупреждения преступлений, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды по признакам национальности и отношения к религии / С.В. Борисов // Пробелы в российском законодательстве. - 2016. - № 5. - С. 135-138.

3.23. Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма / С.В. Борисов // Уголовная ответственность и наказание: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань. - 2017. - С. 12-19.

3.24. Бочкарев С.А. Квазиценность современного учения об объекте преступления / С.А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. - 2015. - № 3. - С. 125-132.

3.25. Брылева Е.А. О реализации права на информационную безопасность несовершеннолетних (на примере Пермского края) / Е.А. Брылева // Информационное право. - 2015. - № 1. - С. 31-34

3.26. Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? / Е.А. Брылева // Информационное право. - 2017. - № 2. - С. 23-26.

3.27. Винокуров В.Н. Жизнь человека как объект преступления: система Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний / В.Н. Винокуров // Современное право. - 2016. - № 12. - С. 114-121.

3.28. Волеводз А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования / А.Г. Волеводз // Правовые вопросы связи. - 2007. - № 2. - С. 17-25.

3.29. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2014. - № 2. - С. 3-6.

3.30. Волеводз А. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму / А.Г. Волеводз // Уголовное право. - 2014. - № 2. - С. 128-134.

3.31. Волеводз А.Г. О криминализации деятельности иностранных боевиков-террористов и их пособников в уголовном праве / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - № 6. - С. 3-7.

3.32. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие деятельности иностранных боевиков-террористов / А.Г. Волеводз // Уголовное право. - 2016. - № 6. - С. 18 - 26.

3.33. Володина Н.В. Деятельность «Исламского государства» как угроза конституционной безопасности России / А.Г. Волеводз // Российский следователь. - 2015. - № 3. - С. 43-47

3.34. Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом / Л.Д. Гаухман // Законность. - 2001. - № 5. - С. 4-7.

3.35. Егорова Н.А. Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства / Н.А. Егорова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 3. - С. 127-133.

3.36. Епхийев О.М., Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России / О.М.Епхийев, З.Г. Брциева, А.В.Моисеев // Российский следователь. - 2017. - № 16. - С. 28-34.

3.37. Жилкин В.А. Международная безопасность и роль России в борьбе с международным терроризмом и информационной безопасностью / В.А. Жилкин // Международное публичное и частное право. - 2017. - № 4. - С. 24-27.

3.38. Зателепин О.К. Роль Верховного Суда Российской Федерации в борьбе с терроризмом и экстремизмом / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных силах. - №1. - С. 59-64.

3.39. Иванцов С.В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности / С.В. Иванцов // В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал. - 2015. - С. 368-374.

3.40. Иванцов С.В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности: регламентация и реализация ответственности / С.В. Иванцов // Общество и право. - 2016. - №2. - С. 91-97.

3.41. Кадников Н.Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок / Н.Г. Кадников // Вестник Московского университета МВД России. - 2002. - № 3. - С. 182-187.

3.42. Кадников Н.Г. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности / Н.Г. Кадников, М.М.Дайшутов // Общество и право. - 2016. - № 2. - С. 104-107.

3.43. Кибальник А., Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма /А. Кибальник, И. Соломоненко // Законность. - 2007. - № 2. - С. 14-16.

3.44. Кибальник А.Г., Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества /А. Кибальник, В.А.Суворов // Уголовное право. - 2016. - № 6. - С. 37-42.

3.45. Киселев А.К., Коллизия интересов национальной безопасности и неприкосновенности частной жизни в век информационных технологий /

А.К. Киселев, С.И. Атмачев // Административное право и процесс. - 2017. - № 7. - С. 11-15.

3.46. Комиссаров В.С., Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности / В.С. Комиссаров, П.В.Агапов // Уголовное право. - 2016. - № 5. - С. 35-40.

3.47. Корнилов А.В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности / А.В. Корнилов // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2013. - № 4. - С. 92-99.

3.48. Коробеев А.И., Особенности уголовно-правовой борьбы с морским и воздушным пиратством по законодательству России и стран АТР / А.И. Коробеев, Е.А. Князева, Н.А. Князева // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2011. - № 2. - С. 62-71.

3.49. Кочои С.М. Терроризм в международном уголовном праве / С.М. Кочои // Lex Russica. - 2005. - № 2. - С. 296-310.

3.50. Кочои С.М. Общеευропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ / С.М. Кочои // Lex russica. - 2014. - № 9. - С. 1061-1069.

3.51. Ларина Е. Технологии ИГИЛ / Е.Ларина, В. Овчинский // Наш современник. - 2017. - № 11. - С. 144-162.

3.52. Макаров В.В. Некоторые вопросы детерминации преступности / В.В. Макаров / В.В. Макаров // «Черные дыры» в российском законодательстве. - 2013. - № 6. - С. 90-92.

3.53. Меркурьев В.В., Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества / В.В. Меркурьев, П.В.Агапов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 1. - С. 27-33.

3.54. Москвичев А.А. Историко-правовой анализ формирования и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за пособничество / А.А. Москвичев // Общество и право. - 2016. - № 4. - С. 63-68.

3.55. Мусаелян М.Ф. Криминологические особенности современного российского молодежного экстремизма / М.Ф. Мусаелян // Российский следователь. - 2009. - №10. - С. 21-24.

3.56. Павлинов А.В. Экстремизм на Украине: криминологический анализ, правовая оценка, уроки / А.В. Павлинов // Российский следователь. - 2014. - № 16. - С. 33-37.

3.57. Поличной Р.В. Правовые средства борьбы с террористическими организациями в Российской Федерации / Р.В. Поличной // Современное право. - 2017. - № 3. - С. 109-109.

3.58. Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя / А.И. Рарог // Lex russica. 2016. № 11. С. 46-60.

3.59. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Рарог // Lex russica. - 2017. - № 4. - С. 155-178.

3.60. Сергун Е.П. Вопросы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации / Е.П. Сергун // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2015. - №3. - С. 220-226.

3.61. Сипки М. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) / М.Сипки // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 3. - С. 175-182.

3.62. Суходолов А.П., Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А.П. Суходолов, С.В. Иванов, С.В. Борисов, Б.А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. - 2017. Т. 11. - № 1. - С. 13-21.

3.63. Талимончик В.П. Конвенции о киберпреступности и унификация законодательства / В.П. Талимончик // Информационное право. - 2008. - №2. - С. 27-30.

3.64. Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма / А.Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 1. - С. 101-106.

3.65. Узембаева Г.И. Самодетерминация как системное свойство преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей / Г.И. Узембаева // Общество и право. - 2016. - № 2. - С. 218-222.

3.66. Устинов В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации / В.Устинов // Российская юстиция. - 2002. - № 5. - С. 34-36.

3.67. Ушакова Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника - вопросы согласования и рассогласования /Е.В. Ушакова // Российский следователь. - 2010. - № 9. - С. 20-24.

3.68. Федоров А.В. Международно-правовое регулирование уголовной ответственности юридических лиц в системе мер противодействия терроризму /А.В. Федоров // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2016. - № 4. - С. 21-33.

3.69. Федоров А.В., Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия /А.В. Федоров, Д.Н. Сергеев // Российский следователь. - 2017. - № 14. - С. 49-53.

3.70. Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация / А. Хлебушкин // Уголовное право. - 2014. - № 2. - С. 82-87.

3.71. Яни П.С. Конец преступления / П.С. Яни // Законность. - 2016. - № 9. - С. 32-37.

3.72. Яни П.С. Конец преступления / П.С. Яни // Законность. - 2016. - № 10. - С. 45-51.

4. Авторефераты и диссертации

4.1. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступности: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.08 / Агапов Павел Валерьевич. – Москва, 2013. – 452с.

4.2. Алиева, С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Алиева Софья Юрьевна. - Махачкала, 2014. – 32с.

4.3. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.08 / Борисов Сергей Викторович. – Москва, 2012. – 484с.

4.4. Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Безроков Аслан Олегович. – Краснодар, 2014. – 233с.

4.5. Булатецкий П.С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность (криминологический аспект): автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.08 / Булатецкий Павел Сергеевич. – Москва, 2013. – 22с.

4.6. Бурлаков В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Бурлаков Владимир Николаевич. – Санкт-Петербург, 1998.- 418с.

4.7. Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дерюгина Юлия Николаевна. – Москва, 2001. – 252с.

4.8. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 05.13.19 / Жукова Ольга Степановна. – Воронеж, 2006. – 24с.

4.9. Иванцов С.В. Организованная преступность: системные свойства и связи: криминологическая оценка: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.08 / Иванцов Сергей Вячеславович. – Москва, 2009. – 39с.

4.10. Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук: 12.000.08 / Ивлиев Сергей Михайлович. – Москва, 2008. – 210с.

4.11. Комарова М.А. Терроризм в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Комарова Марина Александровна. - Москва, 2003 – 25с.

4.12. Кубякин. Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. ...дис. докт соц. наук: 22.00.04 / Кубякин Евгений Олегович. – Краснодар, 2012. – 53с.

4.13. Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мирзоахмедович Фирдавс Ахмадович. – Москва, 2016. – 194с.

4.14. Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Павлинов Андрей Владимирович. - Москва, 2008. – 584с.

4.15. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: психологический аспект: дис. ...докт. психолог. наук: 19.00.06 / Пастушеня Александр Николаевич. – Москва, 2000.- 551с.

4.16. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.08 / Петрянин Алексей Владимирович. – Нижний Новгород, 2015. – 55с.

4.17. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.08 / Ростокинский Александр Владимирович. - Москва, 2008. – 422с.

4.18. Седых А.В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Седых Александр Вячеславович. – Казань, 2007. – 25с.

4.19. Сухарев Д.Л. Уголовная ответственность на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сухарев Дмитрий Леонидович. – Красноярск, 2003. – 23с.

4.20. Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Узембаева Гульфия Ишбулдовна. – Москва, 2016. – 204с.

4.21. Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ульянов Михаил Владимирович.- Москва, 2017. – 218с.

4.22. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шибзухов Заурбек Амурбекович. – Москва, 2012. – 181с.

4.23. Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шуйский Андрей Сергеевич.- Москва., 2012.- 194с.

5. Судебная практика

5.1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 декабря 2017г. № 201-АПУ17-45 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.vsrfs.ru/>.

5.2. Определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009г. № 137-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Э.Д. Бзаровой, Э.Л. Кесаевой, В.А. Назарова и Э.Л. Тагаевой на нарушение их

конституционных прав положением пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18743.pdf>.

5.3. Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010г. № 564-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Замураева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29222.pdf>.

5.4. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014г. № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177145.pdf>.

5.5. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017г. № 1411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision280406.pdf>.

5.6. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017г. № 1503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290730.pdf>.

5.7. Определение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 2017 г. № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных

прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision293616.pdf>.

5.8. Отчёты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 годы и 1-е полугодие 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Данные судебной статистики»: URL: <http://www.cdep.ru/>.

5.9. Приговор Верховного Суда Чеченской Республики от 27 января 2014 г. по делу № 2-24/2013 // Официальный сайт Верховного Суда Чеченской Республики: URL: <http://vs.chn.sudrf.ru/>.

5.10. Уголовное дело № 1-6/2015 // Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2015 год.

5.11. Уголовное дело 1-751/2015 // Архив Орехово-Зуевского городского суда Московской области за 2015 год.

5.12. Уголовное дело 1-9/2015 // Архив Тейковского районного суда Ивановской области за 2015 год.

6. Материалы, опубликованные в средствах массовой информации и в сети «Интернет»

6.1. ВС РФ не изменил приговор осужденному за оправдание терроризма в сети // РАПСИ: Судебная информация: URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20160728/276573749.html (дата обращения: 13.12.2017).

6.2. Выступление Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами // Официальный сайт ООН: URL: http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2002/pv4618.shtml (дата обращения: 15.10.2017).

6.3. Выступление Владимира Путина на заседании коллегии ФСБ в 2017 году // Электронный ресурс: URL: https://www.discred.ru/news/vystuplenie_vladimira_putina_na_zasedanii_kollegii_fsb/2017-02-16-26554 (дата обращения: 15.01.2018).

6.4. Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом от 31 июля 2002 года // Электронный ресурс: URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25099294/> (дата обращения: 12.10.2017).

6.5. Павел Дуров согласился на внесение Telegram в реестр Роскомнадзора // Электронный ресурс: URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/06/2017/5953a8419a7947282cacd076 (дата обращения: 26.12.2017).

6.6. Путин сообщил, сколько россиян воюет за ИГИЛ // Электронный ресурс: URL: <http://islam-today.ru/novosti/2017/02/24/putin-soobsil-skolko-rossian-vouet-za-igil/> (дата обращения: 20.11.2017).

6.7. СК возбудил дело по фактам нападения на российское посольство в Киеве // Электронный ресурс: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2801688> (дата обращения: 12.11.2017).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

АНКЕТА

о преступлении террористической направленности, совершённом с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

Номер уголовного дела: _____

Каким судом и когда рассмотрено: _____

краткая фабула дела

№№ п/п	Вопрос	Ответ	Шифр
1.	Квалификация (основная) преступления по уголовному делу (всего – 224 дела):	<ul style="list-style-type: none"> - ст. 205 – 26 – 11,61% - ст. 205¹ – 39 – 17,42% - ст. 205² – 22 – 9,82% - ст. 205³ – 4 – 1,79% - ст. 205⁴ – 16 – 7,14% - ст. 205⁵ – 18 – 8,04% - ст. 206 – 4 – 1,79% - ст. 207 – 78 – 34,82% - ст. 208 – 12 – 5,36% - статьи 211, 277-279 – 5 – 2,23% 	<ul style="list-style-type: none"> 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
2.	Преступление совершено (всего – 264 преступления):	<ul style="list-style-type: none"> - единолично – 181 – 68,56%; - двумя или более соисполнителями – 42 – 15,91%; - в сложном соучастии (с распределением ролей) – 41 – 15,53% 	<ul style="list-style-type: none"> 1 2 3
3.	Объективная сторона преступления осуществлена с использованием:	<ul style="list-style-type: none"> - СМИ – 4 – 1,52% - электронной сети – 0 - сети «Интернет» – 85 – 32,2% - иной информационно-телекоммуникационной сети – 0 	<ul style="list-style-type: none"> 1 2 3
4.	Преступление террористической направленности включает в себя:	<ul style="list-style-type: none"> - одно общественно опасное действие – 178 – 67,42%; - сочетание двух или более 	<ul style="list-style-type: none"> 1 2

		действий – 36 – 13,63%; - одно или несколько действий и общественно опасное последствие – 50 – 18,93%.	
5.	Количество преступлений террористической направленности в приговоре:	- одно – 211 – 94,2%; - два – 5 – 2,23%; - три и более – 8 – 3,57%.	1 2 3
6.	Место совершения преступления:	- по месту жительства – 102 – 38,64%; - по месту работы (учебы) – 6 – 2,27%; - в общественном месте – 140 – 53,03%; - в ином месте (каком именно) – 22 – 8,33%.	1 2 3 4
7.	Цель (цели) совершения преступления террористической направленности:	- дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций – 6 – 2,27%; - воздействие на принятие решения такими органами или организациями – 8 – 3,03%; - сочетание первых двух целей – 14 – 5,3%; - создание условий для осуществления террористической деятельности, в том числе преступлений террористической направленности – 56 – 21,21%; - иная (какая именно) – 5 – 1,89% (цели, указанные в статьях 277, 278 и 279 УК РФ) - в материалах уголовного дела не указана – 175 – 66,29%	1 2 3 4 5 6
8.	Умысел возник:	- непосредственно перед совершением преступления – 98 – 37,12%; - был заранее обдуман –	1 2

		166 – 62,88%	
9.	Причины и условия совершения преступления в уголовном деле:	- приводятся – 49 – 21,87% - не приводятся – 175 – 78,12%	1 2
10.	Представление об устранении причин и условий преступления:	- выносилось – 45 – 20,09% - не выносилось – 179 – 79,91%	1 2

Приложение 2.

АНКЕТА

по материалам архивного уголовного дела № _____
на лицо, осуждённое по ст. 205-205⁵, 206, 208 или 277 УК РФ, совершённое с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей

№№ п/п	Вопрос	Ответ	Шифр
1.	Возраст на момент совершения преступления (полных лет) – всего 388 лиц:	- 16-17 – 39 – 10,05% - 18-24 – 136 – 35,05% - 25-29 – 119 – 30,67% - 30-39 – 68 – 17,53% - 40 и старше – 26 – 6,7%	1 2 3 4 5
2.	Пол:	- мужской – 365 – 94,07% - женский – 23 – 5,93%	1 2
3.	Семейное положение на момент совершения преступления:	- женат (замужем) – 91 – 23,45% - не женат (не замужем) – 297 – 76,55%	1 2
4.	Наличие несовершеннолетних детей:	- да – 65 – 16,75% - нет – 323 – 83,25%	1 2
5.	Образование на момент совершения преступления	- неполное среднее – 68 – 17,53% - среднее – 126 – 32,47% - среднее специальное – 91 – 23,45% - незаконченное высшее – 62 – 15,98% - высшее – 41 – 10,57%	1 2 3 4 5 6
6.	Вид занятости (на момент совершения преступления):	- рабочий – 42 – 10,82% - служащий – 45 – 11,6% - не работал (не учился) – 242 – 62,37% - учащийся – 59 – 15,21%	1 2 3 4
7.	Гражданство:	- гражданин России – 384 –	1

		98,97%	2
		- гражданин иного государства СНГ – 4 – 1,03%	3
		- гражданин другой страны - 0	4
		- лицо без гражданства - 0	
8.	Место постоянного проживания на момент совершения преступления:	- в муниципальном образовании, где совершено преступление – 329 – 84,79%	1
		- в другом месте – 59 – 15,21%	2
9.	Сколько раз осуждался ранее?	- ни разу – 321 – 82,73%	1
		- один раз – 42 – 10,82%	2
		- два и более – 5 – 1,29%	3
10.	Имелись ли у лица, совершившего деяние, психические аномалии?	- нет – 380 – 97,94%	1
		- да – 8 – 2,06%	2
11.	Роль в совершении преступления:	- совершил единолично – 181 – 46,65 %	1
		- в соучастии: – 207 – 53,35%, из них:	2
		- исполнитель (соисполнитель) – 169 – 81,64%	3
		- организатор – 16 – 7,73%	4
		- подстрекатель – 12 – 5,8%	5
		- пособник – 10 – 4,83%	6
12.	Пользуется сетью «Интернет»	- более 5 лет – 70 – 18,04%	1
		- менее 5 лет – 19 – 4,9%	2
		- данные в деле отсутствуют 299 – 77,06%	3
13.	Совершил преступление с использованием социальной сети (для 89 лиц, указанных выше):	- да – 67 – 75,28%	1
		- нет – 22 – 24,72%	2
14.	Количество преступлений, в совершении которых лицо признано виновным в приговоре:	- одно – 368 – 94,85%	1
		- два – 9 – 2,32%	2
		- три и более – 11 – 2,83%	3
15.	К какому наказанию осуждено (всего 304 лица, то есть за исключением 84 лиц, осуждённых по ст. 207 УК РФ)?	- к лишению свободы (реально) – 286 – 94,08%	1
		- к лишению свободы (условно) – 9 – 2,96%	2
		- к иному виду наказания – 4 1,32%	3

		- освобождено от наказания– 5 1,64%	4
16.	Вовлечение в совершение преступления (со стороны взрослых) – для несовершеннолетних осужденных (всего: 39 лиц).	- имело место – 4– 10,26% - нет – 35– 89,74%	1 2

Приложение 3.

Анкета

для опроса судей, прокуроров и служащих прокуратуры, сотрудников оперативных подразделений и органов предварительного расследования в рамках диссертационного исследования Бадамшина С.К. на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика»

№№ п/п	Вопрос	Ответ (всего 349 лиц)	Шифр
1	Ваша должность?	- судья – 64 – 18,34% - прокурор (служащий прокуратуры) – 67 – 19,2% - следователь СК РФ – 102 – 29,22% -сотрудник оперативного подразделения– 116 – 33,24%	1 2 3 4
1.	Ваш стаж работы в должности?	- менее 5 лет – 260– 74,4% - более 5 лет – 56–% - более 10 лет –33–%	1 2 3
2.	Применяли ли Вы нормы УК РФ о преступлениях террористической направленности, а равно о заведомо ложном сообщении об акте терроризма?	- да – 216 – 61,89% - нет – 133 – 38,11%	1 2
3.	Применяли ли Вы нормы УК РФ о преступлениях террористической направленности, совершённых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей?	- да – 176 – 50,43% - нет – 173 – 49,57%	1 2
4.	Какие преступления террористической	-содействие террори-	1

	направленности могут совершаться с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	<p>стической деятельности – 294 – 84,24%</p> <p>- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма – 345 – 98,85%</p> <p>-прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности – 325 – 93,12%</p> <p>- иное: приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям террористической направленности – 321 – 91,98%;</p> <p>- угроза совершения террористического акта или акта международного терроризма – 236 – 67,62% .</p>	2 3 4 5
5.	Необходимо ли внесение изменений и дополнений в статьи УК РФ, регламентирующие ответственность за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	<p>да – 266 – 76,22%</p> <p>нет – 83 – 23,78%</p>	1 2
6.	С чем связаны трудности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	<p>- правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершённых деяниях – 315 – 90,26%;</p> <p>- разграничение пуб-</p>	1 2

		<p>личных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности — 289 – 82,8%;</p> <p>-разграничение иных преступлений террористической направленности – 275 – 78,8%;</p> <p>- отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности – 261 74,78%.</p>	3 4
7.	С доказыванием каких признаков данных преступлений связаны наибольшие трудности?	<p>- публичности – 255 – 73,07%;</p> <p>- умысла – 274 – 78,51%</p> <p>- целей – 282 – 80,8%</p> <p>- иное – 199 – 57,02% (соучастия)</p>	1 2 3 4
8.	Предпринимали ли Вы при производстве по уголовным делам о рассматриваемых преступлениях меры к установлению и устранению их причин и условий?	<p>-да – 96 – 27,51 %</p> <p>-нет – 253 – 72,49%</p>	1 2
9.	Какие из условий, способствующих совершению таких преступлений, касаются недостатков в деятельности правоохранительных органов?	<p>-дефицит квалифицированных кадров – 112 – 32,09%</p> <p>-недостаточное внимание) сотрудников к выявлению и устранению таких причин и</p>	1 2

		<p>условий – 54 – 15,47% - недостатки в материально-технической оснащённости подразделений по противодействию терроризму и экстремизму – 213 – 61,03% - иное: отсутствие специальных подразделений (специализации сотрудников) по противодействию терроризму и экстремизму в сети «Интернет» – 243 – 69,63%; повышенная загруженность – 287 – 82,23%).</p>	<p>3</p> <p>4</p>
10.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о введении уголовной ответственности за публичное оправдание экстремистской деятельности (экстремизма) посредством внесения соответствующего дополнения в ст. 280 УК РФ?	<p>да – 254 – 72,78% нет – 65 – 18,62% затрудняюсь ответить – 30 – 8,6%</p>	<p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>
11.	Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы установить в качестве высшего предела лишения свободы за деяния, создающие условия для совершения других преступлений террористической направленности, срок, не превышающий 10 лет?	<p>да – 187 – 53,58% нет – 93 – 26,65% затрудняюсь ответить – 69 – 19,77%</p>	<p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>
12.	Согласны ли Вы с нашим предложением об установлении в ст. 205 ¹ УК РФ ответственности за содействие осуществлению террористической деятельности, состоящее только в публичном подстрекательстве к совершению хотя бы одного преступления, предусмотренного статьями 205-205 ⁵ , 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, в вербовке одного или нескольких лиц для совершения такого преступления, не являющейся подстрекательством, а равно в финан-	<p>да – 175 – 50,14% нет – 97 – 27,79% затрудняюсь ответить – 77 – 22,06%</p>	<p>1</p> <p>2</p> <p>3</p>

	сировании террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования?		
13.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о включении в ч. 2 ст. 205 ¹ УК РФ только таких квалифицирующих признаков, как совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	да – 178 – 51% нет – 95 – 27,22% затрудняюсь ответить – 76 – 21,78%	1 2 3
14.	Согласны ли Вы с нашим предложением об исключении из ч. 1 ст. 208 УК РФ указания на финансирование незаконного вооружённого формирования?	да – 234 – 67,05 % нет – 48 – 13,75% затрудняюсь ответить – 67 – 19,2%	1 2 3
15.	Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы дополнить ст. 205 ² УК РФ новой частью 1 ¹ , в которой предусмотреть ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, в том числе соединённые с публичным оправданием терроризма, а в ч. 1 этой нормы сохранить менее строгую ответственность за публичное оправдание терроризма?	да – 180 – 51,58% нет – 103 – 29,51% затрудняюсь ответить – 66 – 18,91%	1 2 3
16.	Согласны ли Вы с нашим предложением о дополнении ст. 205 ³ УК РФ частью второй об ответственности за обучение или иную подготовку другого лица в целях его участия в осуществлении террористической деятельности или для совершения им одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205 ¹ , 206, 208, 211, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, а равно создание и распространение материалов для использования при обучении в указанных целях?	да – 256 – 73,35% нет – 39 – 11,17% затрудняюсь ответить – 54 – 15,47%	1 2 3
17.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о том, что для устранения конкуренции статей 280 ¹ 205 ² УК РФ в части	да – 184 – 52,72% нет – 75 – 21,49% затрудняюсь ответить	1 2 3

	<p>публичных призывов к осуществлению террористической деятельности необходимо дополнить примечание 2 к ст. 205² УК РФ следующими словами «, за исключением действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»?</p>	– 90 – 25,79%	
18.	<p>Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы предусмотреть в новой статье 205⁷ УК РФ ответственность за любую угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, и исключить указание на такую угрозу из диспозиции ст. 205 УК РФ?</p>	<p>да – 188 – 53,87% нет – 96 – 27,51% затрудняюсь ответить – 65 – 18,62%</p>	<p>1 2 3</p>
19.	<p>Согласны ли Вы с нашим предложением об изложении наименования и диспозиции статьи 207 УК РФ в следующей редакции: «Статья 207. Заведомо ложное сообщение о террористическом акте 1. Заведомо ложное сообщение о подготавливаемых или совершаемых взрыве, поджоге или иных действиях, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, при отсутствии признаков угрозы совершением террористического акта...».</p>	<p>да – 216 – 61,89% нет – 54 – 15,47% затрудняюсь ответить – 79 – 22,64%</p>	<p>1 2 3</p>
20	<p>Поддерживаете ли Вы наше предложение об изложении примечания к ст. 208 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооружённом формировании и сдавшее оружие, сообщившее о существовании данного</p>	<p>да – 191 – 54,73% нет – 88 – 25,21% затрудняюсь ответить – 70 – 20,06%</p>	<p>1 2 3</p>

	незаконного вооруженного формирования органам власти либо иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного незаконного вооруженного формирования, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»?		
21.	Согласны ли Вы с нашим предложением о следующей редакции первого предложения примечания 1 к ст. 205 ⁴ УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании органам власти, а равно иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного террористического сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»?	да – 192 – 55,01% нет – 87 – 24,93% затрудняюсь ответить – 70 – 20,06%	1 2 3
22.	Согласны ли Вы с нашим предложением о признании статьи 361 УК РФ об ответственности за акт международного терроризма утратившей силу?	да – 194 – 55,59% нет – 99 – 28,37% затрудняюсь ответить – 56 – 16,04%	1 2 3

Приложение 4.

Анкета

для опроса научно-педагогических работников в рамках диссертационного исследования Бадамшина С.К. на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика»

№№ п/п	Вопрос	Ответ (всего 126 респондентов)	Шифр
1.	Укажите Ваш стаж работы в должности?	- менее 5 лет – 41 (32,54%) - более 5 лет – 57 (45,24%) - свыше 10 лет – 28	1 2 3

		(22,22%)	
2.	Имеются ли у Вас научные труды и (или) учебно-методические материалы по проблемам, связанным с противодействием преступлениям террористической направленности?	- да – 69 (54,76%) - нет – 57 (45,24%)	1 2
3.	Имеется ли необходимость в совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	да – 112 (88,89%) нет – 14 (11,11%)	1 2
4.	Каким преступлениям террористической направленности свойственно совершение с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	-содействие террористической деятельности – 103 (81,75%); - публичные призывы к осуществлению террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма – 114 (90,48%); -прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности – 108 (85,71%); - иное: приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям террористической направленности – 96 (76,19%); - угроза совершения террористического акта или акта международного терроризма – 92 (73,01%).	

5.	С чем связаны трудности квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?	<p>- правильное толкование положений уголовного закона об ответственности за данные преступления и установление наличия их объективных и субъективных признаков в фактически совершённых деяниях – 109 (86,51%);</p> <p>- разграничение публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, содействия террористической деятельности и прохождения обучения в целях осуществления данной противоправной деятельности – 98 (77,78%);</p> <p>-разграничение иных преступлений террористической направленности – 102 (80,95%);</p> <p>- отграничение преступлений террористической направленности от смежных с ними составов преступлений, в том числе экстремистской направленности – 104 (82,54%).</p>	<p>1</p> <p>2</p> <p>3</p> <p>4</p>
6.	Понимание каких признаков данных преступлений является неоднозначным	- публичности – 76 (60,32%);	1

	в теории уголовного права?	- умысла – 84 (66,67%); - целей – 66 (52,38%); - иное – 57 (45,24%) (соучастия)	2 3 4
7.	Что необходимо дополнительно включить в процесс подготовки сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействия рассматриваемым преступлениям террористической направленности?	- проведение учебных занятий с участием приглашённых оперативных сотрудников подразделений по противодействию терроризму, следователей, прокуроров и судей – 112 (88,89%); - организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по соответствующей тематике – 106 (84,13%); - подготовка и внедрение в учебный процесс учебно-методических материалов, направленных на повышение квалификации указанных сотрудников – 111 (88,09%); - разработка специального курса «Актуальные вопросы противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей» – 104 (82,54%); - иное: (организация стажировок в различ-	1 2 3

		ных подразделениях по противодействию терроризму и экстремизму – 109 (86,51%); организация обмена опытом с аналогичными подразделениями других стран – 98 (77,78%).	
8.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о введении уголовной ответственности за публичное оправдание экстремистской деятельности (экстремизма) посредством внесения соответствующего дополнения в ст. 280 УК РФ?	да – 100 – 79,36% нет – 19 – 15,08% затрудняюсь ответить – 7 – 5,56 %	1 2 3
9.	Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы установить в качестве высшего предела лишения свободы за деяния, создающие условия для совершения других преступлений террористической направленности, срок, не превышающий 10 лет?	да – 92 – 73,02% нет – 22 – 17,46% затрудняюсь ответить – 12 – 9,52%	1 2 3
10.	Согласны ли Вы с нашим предложением об установлении в ст. 205 ¹ УК РФ ответственности за содействие осуществлению террористической деятельности, состоящее только в публичном подстрекательстве к совершению хотя бы одного преступления, предусмотренного статьями 205-205 ⁵ , 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, в вербовке одного или нескольких лиц для совершения такого преступления, не являющейся подстрекательством, а равно в финансировании террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования?	да – 80 – 63,49% нет – 38 – 30,16% затрудняюсь ответить – 8 – 6,35%	1 2 3
11.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о включении в ч. 2 ст. 205 ¹ УК РФ только таких квалифицирующих признаков, как совершение деяния лицом с использованием своего служебного	да – 84 – 66,67% нет – 28 – 22,22% затрудняюсь ответить – 14 – 11,11%	1 2 3

	положения или с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей?		
12.	Согласны ли Вы с нашим предложением об исключении из ч. 1 ст. 208 УК РФ указания на финансирование незаконного вооружённого формирования?	да – 99 – 78,57% нет – 16 – 12,7% затрудняюсь ответить – 11 – 8,73%	1 2 3
13.	Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы дополнить ст. 205 ² УК РФ новой частью 1 ¹ , в которой предусмотреть ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, в том числе соединённые с публичным оправданием терроризма, а в ч. 1 этой нормы сохранить менее строгую ответственность за публичное оправдание терроризма?	да – 71 – 56,35% нет – 43 – 34,13% затрудняюсь ответить – 12 – 9,52%	1 2 3
14.	Согласны ли Вы с нашим предложением о дополнении ст. 205 ³ УК РФ частью второй об ответственности за обучение или иную подготовку другого лица в целях его участия в осуществлении террористической деятельности или для совершения им одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205 ¹ , 206, 208, 211, 277, 278, 279 или 360 настоящего Кодекса, а равно создание и распространение материалов для использования при обучении в указанных целях?	да – 105 – 83,33% нет – 7 – 5,56% затрудняюсь ответить – 14 – 11,11%	1 2 3
15.	Поддерживаете ли Вы наше предложение о том, что для устранения конкуренции статей 280 ¹ 205 ² УК РФ в части публичных призывов к осуществлению террористической деятельности необходимо дополнить примечание 2 к ст. 205 ² УК РФ следующими словами «, за исключением действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»?	да – 98 – 77,78 % нет – 21 – 16,67% затрудняюсь ответить – 7 – 5,56%	1 2 3
16.	Согласны ли Вы с нашим предложением о том, чтобы предусмотреть в новой	да – 69 – 54,76% нет – 36 – 28,57%	1 2

	статье 205 ⁷ УК РФ ответственность за любую угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, и исключить указание на такую угрозу из диспозиции ст. 205 УК РФ?	затрудняюсь ответить – 21 – 16,67%	3
17.	Согласны ли Вы с нашим предложением об изложении наименования и диспозиции статьи 207 УК РФ в следующей редакции: «Статья 207. Заведомо ложное сообщение о террористическом акте 1. Заведомо ложное сообщение о подготавливаемых или совершаемых взрыве, поджоге или иных действиях, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, при отсутствии признаков угрозы совершением террористического акта...».	да – 97 – 76,98% нет – 12 – 9,52% затрудняюсь ответить – 17 – 13,49%	1 2 3
18.	Поддерживаете ли Вы наше предложение об изложении примечания к ст. 208 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооружённом формировании и сдавшее оружие, сообщившее о существовании данного незаконного вооруженного формирования органам власти либо иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного незаконного вооруженного формирования, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»?	да – 104 – 82,54% нет – 10 – 7,94% затрудняюсь ответить – 12 – 9,52%	1 2 3
19.	Согласны ли Вы с нашим предложением	да – 104 – 82,54%	1

	ем о следующей редакции первого предложения примечания 1 к ст. 205 ⁴ УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании органам власти, а равно иным образом способствовавшее пресечению деятельности данного террористического сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»?	нет – 10 – 7,94% затрудняюсь ответить – 12 – 9,52%	2 3
20.	Согласны ли Вы с нашим предложением о признании статьи 361 УК РФ об ответственности за акт международного терроризма утратившей силу?	да – 101 – 80,16% нет – 17 – 13,49% затрудняюсь ответить – 8 – 6,35%	1 2 3